

"ЗИММИ"

БАТ-ЙЕОР

ПРЕДИСЛОВИЕ

Жак Эллю

Жака Эллю — известный французский юрист, историк и социолог, профессор факультета права Института политических учений в Бордо.

Книга Бат-Йеор "Зимми" - очень важная книга, поскольку она рассматривает одну из самых острых проблем наших дней. Ее значение определяется как актуальностью предмета - реальным применением в современном мире исламской доктрины в отношении немусульман, так и болезненностью темы. Пятьдесят лет назад вряд ли кого-нибудь заинтересовала бы проблема условий существования немусульман в исламском мире. Возможно, это стало бы темой исторической диссертации, интересной разве что специалистам, или предметом анализа юриста - я имею в виду такие работы, как исследование М.Годефрой-Демомбинес, а также труды моего старшего коллеги Г.-Х.Босквета, очень много писавшего о различных аспектах исламского закона и истории. Правда, их исследования не привлекли ни малейшего внимания широкой публики. Вполне возможно, эта тематика могла вызвать и далекую от каждодневных треволнений философскую и теологическую дискуссию.

Полагали, что все относящееся к исламу и мусульманскому миру принадлежит лишь прошлому - если не мертвому, то уж во всяком случае не более живому, чем христианское средневековье. На осознание единства исламского мира над и помимо всех политических и культурных различий. Мусульманский мир достиг новой, третьей стадии в своем "возрождении". Конечно, нельзя не замечать конфликтов, постоянно вспыхивавших между мусульманскими государствами, а также различий их интересов. Но эти различия не должны заслонять от нас реальности более фундаментальной: религиозного единства мусульманских стран, находящихся в оппозиции ко всему немусульманскому миру. Наблюдается интересный феномен: можно сказать, что именно "другие" - "коммунистические" и "христианские" - страны усиливают единство мусульманского мира, играя роль своеобразного "компрессора", способствующего его консолидации.

Наконец (и это, несомненно, способствовало наступлению последней стадии), в мусульманских странах были обнаружены запасы нефти, что привело к возрастанию в огромной степени экономической мощи исламского мира. В этом процессе, взятом как целое, можно различить три последовательные ступени: политическая независимость - религиозное возрождение - экономическая власть. Процесс этот менее чем за полстолетия изменил лицо мира. И уже в наши дни мы являемся свидетелями осуществления широкой программы распространения ислама, включая строительство мечетей повсюду, даже в СССР, распространение арабской литературы и культуры и возрождение интереса к истории ислама.

В наши дни исламский мир во всеуслышанье заявляет, что именно он был колыбелью цивилизации - во времена, когда Европа была погружена в пучину варварства, а государства Дальнего Востока распались на отдельные, не связанные друг с другом части. Ислам как исток всех наук и искусств - постоянно развивающаяся и обновляющаяся идея. Она завоевала многих сторонников во Франции. В англоязычном мире она не пользуется столь уж большой популярностью (хотя не стоит забывать „Черных мусульман" в Соединенных Штатах). Если я пользуюсь ситуацией во Франции как неким мериллом, так это только потому, что она может служить характерным примером влияния идей ислама.

Как только касаешься проблем, связанных с ис-ламом, понимаешь, что затрагиваешь предмет, возбуждающий очень сильные чувства. Во Франции, например, более не позволительно критиковать ислам или арабские страны. Этому можно найти несколько объяснений: во-первых, французы

обременены комплексом вины, так как они выступали в Северной Африке в роли захватчиков и колонизаторов, и этот комплекс лишь увеличился после войны в Алжире: общественное мнение решительно прониклось чувством симпатии к недавнему противнику. Далее было обнаружено (и это в значительной мере правда), что в течение столетий западная культура недооценивала вклад мусульман в развитие мировой цивилизации. Теперь же - бросились в противоположную крайность. Наплыв во Францию рабочих-иммигрантов из арабских стран привел к созданию в обществе вполне определенной прослойки, с точки зрения массового сознания презираемой и несчастной. Поэтому многие интеллектуалы, христиане и некоторые другие группы стали проявлять к арабам совершенно некритические аффективно-благоклонные чувства. Таким образом, в общей реабилитации ислама наметилось два пути. Во-первых, постоянно возрастает число явно дидактических по своему содержанию публикаций, где главная цель - "ликвидация предубеждений и фальшивых концепций относительно доктрины и обычаев ислама". Эти работы "демонстрируют", что совершенно не соответствуют истине утверждения, будто арабы были жестокими завоевателями и сеяли террор и смерть среди народов, не соглашавшихся подчиниться им. Слухи о нетерпимости арабов сильно преувеличены; наоборот, ислам - сама терпимость. И это ложь, что женщины в исламском обществе занимают подчиненное положение. И лгут, когда утверждают, что *джихад* (священная война) велся ради приобретения материальных благ и т.д. Другими словами, все, что воспринималось исторически как нечто само собой разумеющееся, рассматривается теперь как пропаганда. Таким образом, в общественное сознание было внедрено претендовавшее на статус истинного фальшивое представление об исламе. В этой связи всегда приводятся как доказательства духовно глубокие толкования Корана, а также тезис о превосходных манерах и обычаях, распространенных в исламских странах.

Но это еще не все. В некоторых западноевропейских странах ислам вызывает особенное интеллектуальное восхищение. Христианство более не обладает влиянием, оно подвергается очень сильной критике; коммунизм потерял свой престиж и перестал рассматриваться как оплот надежды; религиозные же потребности европейцев настоятельно требуют новых форм выражения. И тут ислам оказался как раз кстати. Это уже не предмет для обмена мнениями между интеллектуалами, но, скорее, аутентичная религиозная концепция. Несколько французских властителей сумели совершить рекламное-театральное обращение в ислам. Ислам предстает как религия, обладающая огромными преимуществами в сравнении с христианством; большим пиететом пользуется исламский мистицизм. Напоминают, что три религии, базирующиеся на Библии (иудаизм, христианство и ислам), взаимосвязаны друг с другом. Все они считают Авраама своим прародителем, и последняя, самая поздняя, вполне естественно, должна быть самой передовой из трех. Я несколько не преувеличиваю. Среди французских евреев имеются серьезные интеллектуалы, надеющиеся если не на слияние, то как минимум на конвергенцию этих трех религий.

Столь бурный интерес европейцев к исламу можно объяснить лишь тем, что - хотим мы этого или нет - ислам представляет себя в качестве религии, имеющей универсальную цель, и провозглашает себя единственной истинной религией. В этом пункте у нас не должно быть иллюзий: ни одно место на земном шаре не находится в стороне от процесса распространения и утверждения ислама. Теперь, когда ислам обладает военной и экономической силой, он будет пытаться расширить свои границы повсюду, даже в Великобритании и США. На эту экспансию (уже третью за время существования ислама) не следует реагировать расистскими методами, противопоставлять ей ортодоксальный догматизм, преследования или военную силу. Ответ должен лежать в духовной и психологической плоскости (причем желательно избежать ложного комплекса вины). И разумеется, он должен базироваться на строго научном подходе.

Что же имело место в действительности? Что было на самом деле: жестокость исламских завоеваний или величие Корана и его сострадание к обездоленным? Какая точка зрения наиболее корректна в отношении доктрины ислама и ее применения к повседневной жизни в исламском мире? Причем анализ, в особенности в отношении определенных положений мусульманской доктрины, должен

быть проведен со всей серьезностью. Не-возможно понять мусульманский мир исходя из не-ких общих принципов, ибо в ислам влились со-тни различных культур. Невозможно изучить все доктрины, все традиции и взаимовлияния, участвовавшие в этом процессе. Такой анализ может быть предпринят только относительно определенных, вполне специфических вопросов, и только таким образом можно будет отделить правду от лжи.

Именно в этом контексте следует рассматривать книгу Бат-Йеор "*Зимми*": она может служить примером того, как должна вестись эта задевающая нас всех за живое дискуссия. Я не собираюсь здесь ни пересказывать книгу, ни отдавать должное ее достоинствам; я хочу просто подчеркнуть ее своевременность и важность. *Зимми* -это люди, живущие в исламском обществе, но не принадлежащие к исламу (евреи, христиане и иногда - язычники). Эти люди обладают особым социальным, политическим и экономическим статусом, и для нас чрезвычайно важно знать, как обращались - и до сих пор обращаются - с ними. Следует осознать всю значимость этого вопроса: она выходит за рамки анализа условий существования в исламском мире одной из социальных групп. Читатель убедится, что во многих смыслах положение *зимми* сходно с социальным статусом крепостного в средневековой Европе. Статус крепостного, однако, был результатом определенных исторических обстоятельств, таких, например, как трансформация системы рабовладения, возникновение феодализма и т.д. Но когда исторические условия изменились, стало меняться и положение крепостных, и в конце концов эта социальная группа полностью исчезла.

Однако данная схема неприменима к *зимми*: его статус не был продуктом исторического случая, он должен был быть таким исходя из догматов рели-гии и в соответствии с исламской точкой зрения на мир. Другими словами, положение *зимми* было выражением абсолютной, неизменной, теологически обоснованной исламской концепции взаимоотношений между мусульманами и немусульманским миром. Это не историческая случайность, любо-пытная лишь в ретроспективе, но необходимое условие существования. Поэтому книга имеет для нас двоякий интерес: во-первых, сама по себе, как историческое исследование, написанное на основе исторических источников с применением методов исторического анализа; во-вторых, как современное явление, вызывающее значительный интерес по причине происходящей на наших глазах эскалации идей ислама. Книга Бат-Йеор злободневна. Нам следует знать совершенно точно, как мусульмане поступали с этими покоренными ими, но необращенными народами, потому что точно так же они поступают с ними в наши дни и будут поступать в будущем.

Возможно, мои слова звучат для кого-то не совсем убедительно. Ведь, как известно, идеи и концепции могут со временем претерпевать изменения. Христианская концепция Бога или Иисуса Христа в наши дни уже не та, что была в средние века, и каждый может сам при желании подобрать соответствующие примеры. Но в исламе (и это мне представляется наиболее поразительным и интересным в нем) основополагающие концепции не подверглись изменениям. Концепции изменяются в гораздо большей степени, если они не заключены в неподвижную идеологическую оболочку. Так, например, римский имперский режим был куда более гибким, нежели сталинизм, и именно потому, что он не обладал жесткой идеологической структурой, способствующей его окостенению. Социальная организация, базирующаяся на идеологической системе, стремится воспроизводить себя наиболее точным образом. Ислам, даже в большей степени чем христианство, претендует быть абсолютной религией, то есть идеологией, утвержда-ющей, что именно она дает определенную форму социальному порядку, общественным отношениям и каждому моменту в жизни отдельного человека. Таким образом, ислам - в противоположность остальным формам социальной жизни - имеет тенденцию к неподвижности, "известкованию". Известно, что исламская доктрина в целом (включая ее религиозный аспект) получила законченное юридическое выражение. Все важнейшие тексты подвергались юридическому способу интерпретации, а каждое положение (даже из духовной сферы) приобрело юридическое толкование. Следует понять, что эта страсть к легализации имела вполне определенную направленность: зафиксировать от-ношения, остановить время, определить раз и навсегда значение слов, придать неизменную форму той или иной

интерпретации. Все, что связано с юрисдикцией, развивается очень медленно и с большим трудом поддается каким бы то ни было изменениям. Конечно, может быть эволюция в решении актуальных вопросов юриспруденции. Но когда имеется текст, к которому относятся как к самому авторитетному источнику, всякая интерпретация рассматривается как возвращение к этому тексту и любая инновация обречена на неудачу.

А ведь именно это и случилось с исламом. При исследовании какого-либо исламского понятия или институции прошлого следует помнить, что пока базисный текст (а в нашем случае это Коран) остается неизменным, всегда можно вернуться к первоначальным принципам и идеям - какие бы изменения они не претерпели. В особенности это относится к исламу, поскольку он достиг в своем развитии необычной стадии: интеграции религиозной, политической, моральной, социальной, юридической и интеллектуальной сторон жизни, образовавших, таким образом, единое целое, в котором каждый элемент составляет интегральную часть.

Однако *зимми* - предмет достаточно противоречивый. В буквальном переводе это слово означает "протекже" или "персона, находящаяся под покровительством". Современные защитники ислама цепляются за буквальный смысл этого слова: они утверждают, что *зимми* никогда не подвергались преследованиям или унижениям (за исключением отдельных нехарактерных случаев). Наоборот, они находились под защитой властей. Разве это не лучший пример либерализма ислама? Вот - люди не приемлют ислам и тем не менее находятся под защитой властей! Я прочел огромное количество книг, утверждающих, что ни одно общество или религия не были столь терпимы к социально-религиозным меньшинствам в своей среде, как ислам. Эта аргументация использовалась, чтобы заклеить позором средневековое христианство (которое я, со своей стороны, не имею никакого желания защищать) - ведь ислам никогда не знал ни ин, ни "охоты на ведьм".

Даже если мы примем в расчет эти двусмысленные аргументы, давайте ограничимся на первый раз лишь выяснением того, что понимать под определением "персона, находящаяся под покровительством". Сразу возникает вопрос: покровительство - ради чего? Если этот "чужеземец" живет в странах ислама, ответ напрашивается сам собой: ради защиты от мусульман. Следует со всей ясностью отдавать себе отчет, что уже понятие "протекже" содержит в себе скрытую враждебность. Сходный с этим социальный институт существовал в античном мире, где "клиент"-чужестранец воспринимался всегда как враг. И с ним следовало обращаться как с врагом, даже если и не было никакого состояния войны. Но если этот чужестранец приобретал покровительство главы знатного рода, он был застрахован против любого акта агрессии со стороны римских граждан. Это означает также, что персона, находившаяся под покровительством, на самом деле *не обладала истинными гражданскими правами*.

Читатель этой книги убедится, что права и обязанности *зимми* определялись договором между покровительствуемым (или группой, к которой он принадлежал) и группой мусульман. Этот договор имел юридический аспект, но был по сути своей тем, что мы бы назвали "неравный контракт": *зимма* (покровительство) - носила уступительный характер. Из этого следуют два вывода: первый состоит в том, что лицо, уступающее покровителю те или иные права, должно иметь полное право и отменить в одностороннем порядке действие договора. Если это не предусмотрено, контракт перестает быть "консенсусом", достигнутым двумя сторонами. Наоборот, он приобретает крайне двусмысленный характер. Лицо, допускающее заключение соглашения, становится единственным лицом, правомочным решать относительно объема прав, уступаемых другой стороной; отсюда проистекает огромное разнообразие условий в соглашениях между *зимми* и мусульманами, дошедших до наших дней. Второе следствие состоит в том, что ситуация, складывающаяся в результате заключения договора, прямо противоположна той, что рассматривается в теории прав человека, где только благодаря простому факту бытия человек автоматически становится обладателем определенных прав, и те, кто не уважают их, занимают ошибочную позицию. В случае уступительного договора, напротив, одна из сторон пользуется правами только постольку, поскольку другая признает их в договоре, и лишь до тех пор, пока договор сохраняет силу. Как личность лишь

благодаря факту своего существования такой человек не обладает никакими правами. И это и есть основополагающее условие существова-ния *зимми*. Как я уже объяснял выше, эта фундаментальная предпосылка оставалась и остается неизменной на протяжении всей истории, ибо она - не результат исторических изменений, а глубоко укорененная в исламской культуре концепция.

И с точки зрения сегодняшнего, весьма воинственного ислама немусульмане не обладают какими бы то ни было признанными правами. В исламском обществе немусульмане обладают лишь доставшимся от прошлого статусом *зимми*; вот почему является фантазией и иллюзией идея разрешения конфликтов Ближнего Востока путем создания федерации, включающей Израиль в группу мусульманских народов или государств или в иудео-исламское сообщество. С точки зрения мусульман такие вещи просто невысказаны. Сам термин "покровительствуемый" может иметь два совершенно противоположных значения в зависимости от того, рассматривается ли он в моральном или в юридическом смысле, и здесь - суть современных споров о природе ислама. К несчастью, этот термин следует рассматривать именно в юридическом смысле. Я очень хорошо осознаю, что мне могут возразить и указать, что *зимми* не обладали какими бы то ни было определенными правами. Да, действительно. Но они обладали уступленными правами. И именно в этом суть вопроса. В соответствии с Версальским договором 1919 года¹ Германии со стороны победителей гарантировалось определенное количество прав, и это называлось словом "диктат". Данный пример показывает, как трудно исследовать вопросы подобного рода, так как умозаключения каждого исследователя варьируются очень широко в зависимости от его позиции, и истинно научное, объективное исследование становится крайне трудным делом. Правда, лично я не верю в объективность гуманитарных наук; в лучшем случае ученый может быть настолько честен, чтобы принимать во внимание свои собственные предубеждения. И все же именно потому, что при рассмотрении всех вопросов, связанных с исламом, эмоции неизбежны, исследование этого предмета представляется мне делом своевременным и необходимым.

Итак, может возникнуть вопрос: действительно ли настоящая книга - серьезное научное исследование? Я рецензировал "*Зимми*" после ее первого выхода в свет в ведущей французской газете². Следует заметить, что французское издание было гораздо менее полным, нежели это, в особенности в отношении документов, примечаний и приложений, составляющих весьма существенную часть книги. В ответ на мою рецензию я получил очень резкое письмо от моего коллеги, известного ориенталиста, утверждавшего, что книга полемична и не может рассматриваться серьезно. Его критицизм, однако, свидетельствовал о том, что сам он не прочел книгу, и наиболее интересным в его аргументах было то, что (базируясь он на моей статье) они косвенно свидетельствовали о глубине исследования Бат-Йеор.

Во-первых, он начинает статью апелляцией к авторитетам, упоминая определенные труды, высокий научный уровень которых для него не под-лежит никакому сомнению (например, работы профессоров С.Д.Готейна, Блюиса и Н.Стиллмана). По его мнению, авторы этих трудов положительно относятся к исламу и утверждают его терпимость по отношению к немусульманам. Я передал это мнение Бат-Йеор, уверившей меня в том, что она лично знакома со всеми тремя авторами и прочла все их публикации, относящиеся к тематике книги. Принимая во внимание область интересов Бат-Йеор, было бы удивительно, если бы дело обстояло по-другому. Она утверждала, что внимательное чтение их работ отнюдь не дает оснований для столь односторонней интерпретации. Какие же принципиальные аргументы выдвинул наш критик против исследования Бат-Йеор? Во-первых, он считает, что нельзя выводить никаких обобщений относительно положения *зимми*, так как условия их существования варьировались в очень значительной степени. Но именно об этом и говорит Бат-Йеор в своей воистину мастерски построенной книге: используя общеизвестные источники, она, тем не менее, смогла представить документы, позволяющие нам получить точное представление об этих различиях, соотнося их с ареалами проживания *зимми*: в Магрибе или в Персии, на Арабском полуострове или в других местах. И хотя мы наблюдаем значительное разнообразие в положении *зимми*, это ни в коей мере не меняет базисную основу их существования.

Второй аргумент, выдвигаемый нашим критиком, состоит в том, что, по его мнению, "преследования", которым подвергались *зимми*, слишком преувеличены. Он говорит лишь о нескольких "взрывах народного гнева". Но именно в этом вопросе и проявляется предубежденность критика.

"Взрывы народного гнева" были на самом деле (и исторические свидетельства подтверждают это) весьма многочисленными, и очень часто они сопровождались массовыми убийствами *зимми*. И в наши дни мы не можем не замечать гонений на евреев и христиан во всех странах, захваченных арабами и турками. Причем гонения эти часто проходят, как и раньше, при молчаливом попустительстве властей. Действительно, за *зимми* признавались определенные права; но в тех случаях, когда "гнев народный" возрастал, они оказывались почему-то совершенно беспомощными и лишенными всякой защиты, что очень напоминало погромы более позднего времени. Мы можем смело сказать, что в этом вопросе наш почтенный критик демонстрирует свою научную несостоятельность!

В-третьих, он утверждает, что *зимми* обладали как личными, так и гражданскими правами, но не будучи юристом, он не смог увидеть различия между личными и уступительными правами. Об этом аспекте прав *зимми* уже говорилось выше, и в действительности оказывается, что это утверждение нашего критика (как демонстрирует глубокий и тщательный анализ Бат-Йеор) не имеет под собой никакой исторической основы.

Другой его аргумент состоит в том, что наивысший расцвет еврейской культуры произошел именно во времена господства ислама и что евреи рассматривали государства, в которых они жили, как свою родину. Что касается уровня культуры, то он очень различался в разные периоды и в разных странах. Действительно, в некоторых мусульманских странах в определенные исторические периоды евреи и христиане достигали высокого уровня культуры и большого влияния; но Бат-Йеор вовсе не отрицает этого. И в любом случае, в самом этом факте нет ничего экстраординарного: например, в древнем Риме в первом веке рабы (оставаясь рабами), случалось, занимали очень высокое положение в обществе, проявляя свою профессиональную активность в таких требующих интеллекта областях, как медицина, образование, инженерное дело. Они были предпринимателями и даже имели своих рабов! Положение *зимми* и статус раба в поздней Римской империи вполне сопоставимы друг с другом. *Зимми* играли важную роль в экономике тех стран, где они проживали (что ясно показано в книге Бат-Йеор), и могли быть вполне "счастливы", и, тем не менее, их всегда относили к низшей социальной группе. Хотя их статус варьировался в значительной мере в зависимости от времени и места проживания, основной характеристикой его всегда были зависимость и потеря прав.

Исследуем утверждение о том, что *зимми* рассматривали государства, в которых жили, в качестве своей родины. Что касается христиан, это никогда не было верным. Евреи же столь долгое время были разбросаны по всему миру, что они просто не имели альтернативы. И все же мы знаем, что реальная "ассимиляция" началась только в наши дни, в современных западных демократиях. Наконец, оппоненты Бат-Йеор утверждают, что лишь в наше время произошло ухудшение в положении евреев мусульманских стран. И условия существования *зимми* не должны сводиться к тем, в которых они очутились в 19-20 столетиях. Я могу только спросить этих критиков, не руководит ли ими искушение гармонизировать прошлое? Примечательное соответствие между историческими источниками, повествующими о реальных событиях, и основополагающими текстами мусульманских авторитетов позволяет сделать вывод о том, что изменения в положении *зимми* на протяжении двух последних столетий не были столь уж существенными.

Я столь долго рассматриваю доводы критиков Бат-Йеор только потому, что чувствую необходимость подчеркнуть научный характер ее книги. Со своей стороны, я считаю это исследование глубоко честным, напроць лишенным поверхностной полемичности и настолько объективным, насколько это возможно. Правда, следует принять во внимание, что я принадлежу к школе историков, считающих полную объективность исследования недостижимой мечтой. В книге имеется интересный и

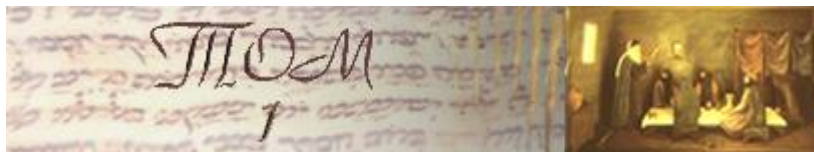
разнообразный документальный материал, который используется корректно и со знанием дела. Книга исторична в лучшем смысле этого слова, то есть автор всегда находит для каждой ситуации надлежащий исторический контекст. Поэтому я рассматриваю эту книгу как мастерский и очень значительный труд.

В то же время, в плане "живого контекста" современной истории, описанного мною выше, книга содержит ясное предупреждение. Мир ислама не изменил свою точку зрения на немусульман, а значит, сохраняется грозная опасность для всех могущих силой обстоятельств однажды очутиться под его властью. И мы не должны забывать об этом.

Бордо, май 1983 год

1 Версальский мирный договор 1919г. - договор, завершивший Первую мировую войну. (Прим. ред.)

2 "Ле Монд", 18 ноября 1980. (Прим. автора)

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

В 622 году приглашенный "Ансаром" - группой язычников, обращенных в ислам - Мухаммад (Магомет) во главе кучки последователей покинул Мекку и отправился в Ятриб (Медину). Население Медины ко времени прихода туда Мухаммада было смешанным. Оно состояло из многочисленных кланов, исповедовавших политеизм, и еврейских общин, уже долгое время живших здесь.

Обосновались в Медине и арабы, обращенные в иудаизм. Евреи занимались сельским хозяйством и ремеслами и платили дань арабским языческим племенам, кочевавшим в округе.

Прибытие Мухаммада и его последователей не вызвало никакого протеста у евреев. Пророк сплотил пришельцев-мусульман в общину (*Умма*). Он проповедовал им систему морали, основанную на принципах солидарности, благотворительности, взаимопомощи и уважения. Ими должны были руководствоваться все мусульмане во взаимоотношениях друг с другом. Эти принципы, революционизировавшие арабское общество, применялись, однако, только в пределах *Уммы*.

Отношения же с не мусульманами постепенно перерастали во вражду, и любая передышка использовалась ими как еще одно средство в борьбе с неверными.

Набеги на немусульман во славу Аллаха, во время которых война и религия взаимодополняли друг друга, вдохновили многие стихи Корана, связанные с *джихадом* (священной войной) и двойным вознаграждением за него: военной добычей на этой земле и раем - в жизни грядущей.

Проповедуемая Мухаммадом доктрина была очень проста. Коран - божественная книга, постепенно открывавшаяся Мухаммаду через ангела Габриеля. Ислам - единственная вечная и истинная религия (Коран 3:17). Пророки Израиля и Иисус проповедовали ее и предсказывали пришествие Мухаммада, но евреи и христиане, позавидовавшие совершенству новой религии, отвергли ее и фальсифицировали свои собственные священные книги. Ислам настаивает на божественной природе Корана и проповедей Мухаммада: "Слушающий Посланника - слушает Бога". Мухаммад, как последний посланник Бога, призванный наставить человечество на путь истинный, является завершающим, звеном всей цепи пророчеств.

К 624 году община Мухаммада разрослась, и он призвал клан Кайнука, один из еврейских кланов Медины, признать его в качестве пророка. Евреи отказались. Мухаммад взял их в кольцо осады - и победил. По заступничеству одного еврея, обращенного в ислам, их не стали предавать смерти, но изгнали из города, а их земли и часть имущества конфисковали в пользу мусульман. В следующем году еврейский клан Надир постигла та же участь: Мухаммад сжег дотла их пальмовые рощи, а земли и дома поделил между своими последователями

В 627 году из Мекки выступили объединенные силы с целью положить конец бесчинствам

мусульман и Медине, но они неожиданно возвратились, испуганные разразившейся в пути непогодой. Л Мухаммад, ведомый ангелом Габриелем, попытался обратить в ислам еврейский клан Курайза, сохранявший по отношению к мусульманам нейтралитет. Евреи отказались перейти в ислам. Мухаммад атаковал их - и опять победил. Тогда-то и появились на рынке Медины огромные рвы, и евреи - от шестисот до девятисот человек, если верить традиционным исламским источникам - были отведены к ним небольшими группами и обезглавлены. Кроме одного человека, перешедшего в ислам, вся мужская половина еврейской общины была уничтожена. А затем пророк разделил захваченное имущество - женщин, детей, лошадей и дома - между мусульманами.

Обладавший острым умом и политических вопросах, Мухаммад впоследствии смог взять верх над влиятельными кланами Мекки. В 628 году, пользуясь договором о ненападении (*худайбийя*) с жителями Мекки, он атаковал оазис Хайбар в 140 километрах к северо-западу от Медины, возделывавшийся другим еврейским кланом. Нападавшие подкрались к оазису ночью и утром атаковали жителей, когда те шли на работу в поле. Их пальмовые плантации были сожжены. После осады, продолжавшейся полтора месяца, жители оазиса сдались, но на определенных условиях - и соответствии с договором, известным под именем *зимма*. В соответствии с этим соглашением, Мухаммад разрешил евреям продолжать обрабатывать свой оазис, но с тем условием, что они будут отдавать захватчикам половину своего урожая; Мухаммад же сохранял за собой право разорвать соглашение и изгнать их, когда ему заблагорассудится. Постепенно все еврейские и христианские общины Аравийского полуострова подчинились мусульманам и в соответствии с условиями *зимма* - договора, впервые опробованного в Хайбаре. Завоеванное население должно было снабжать провизией мусульман, оказывать им помощь и платить денежный налог, известный под именем *джизья*. Налог этот затем распределялся среди последователей Мухаммада в соответствии с конкретными условиями той или иной завоевательной кампании. В дополнение к этому, порабощенное население должно было выделять определенные места в синагогах и церквях в случае, если они могли понадобиться мусульманам. Со своей стороны, Мухаммад обязывался уважать их религиозные обычаи и защищать их.

Зимма Хайбара, установившая взаимоотношения между победителями-мусульманами и завоеванным местным населением, стала с тех пор образцом для последующих договоров арабских захватчиков с порабощенными народами и на территориях кие Аравийского полуострова. Поэтому термин *зимма* будет использоваться в качестве определения неравноправного договора, регулирующего отношения между мусульманами и покоренным населением.

Эти эпизоды из жизни Мухаммада вспоминаются здесь не случайно, поскольку именно они вдохновили творца Корана и придали определенную форму основным чертам будущих отношений между мусульманами и неверными. Они определили стратегию *священной войны* (*джихада*), право мусульман на завоевания, законы распределения захваченного имущества, а также судьбу завоеванных народов, чьи земли были отняты поработителями, так как, в соответствии с традицией ислама, Мухаммад сказал при осаде Хайбара: "Земля принадлежит Аллаху и посланнику Его". Судьба евреев Аравийского полуострова была так подробно описана здесь потому, что она предвещала судьбу всех народов, со временем завоеванных арабами. Основным принципом *джихада* был призыв к немусульманам обратиться в ислам или признать его верховенство; а если они отвергнут этот призыв - напасть и подчинить их власти ислама.

Сила мусульман росла, *священная война* распространялась за границы Аравийского полуострова. Первоначально "набег ради добычи", *джихад* превратился в завоевательную войну, подчиненную определенным законам, и главной целью было - обращение неверных. Перемирие допускалось, но длительный мир - никогда. Приверженцы политеизма должны были выбирать между смертью или обращением: жизнь, свободу вероисповедания и степени сохранность имущества допускались только в отношении евреев, христиан и зороастрийцев, а позднее, по необходимости, и последователей индуизма.

Джихад - глобальная концепция, разделяющая народы мира на два непримиримых лагеря: это - *дар*

ал-харб (земли войны, включающие в себя территории, населенные неверными), и *дар ал-ислам* (земли ислама, родина мусульман, где соблюдаются законы ислама). *Джихад* - нормальное и постоянное состояние войны между *дар ал-ислам* и *дар ал-харб*, войны, которая может закончиться только окончательной победой над неверными и абсолютным владычеством ислама во всем мире. В 14-м столетии юрист Ибн-Таймийя так оправдывал это постоянное состояние войны: он утверждал, что неверные обладают землями незаконно, и поэтому земли должны быть возвращены, согласно Божественному праву, приверженцам истинной религии. Так *джихад* стал средством, с помощью которого мусульмане "возвращают обратно" то, что было од-нажды узурпировано неверными (см. док. 4). В этом смысле *джихад* - святая и законная война, так как она возвращает мусульманам земли и имущество, которые должны были быть частью территории *дар ал-ислам*, но которые незаконно присвоили жители *дар ал-харб*. На этом основании любой военный акт в *дар ал-харб* (не имеющей права на существование) воспринимается как необходимый и узаконенный, и исключает какое либо неодобрение с точки зрения морали.

Поскольку *джихад* - состояние постоянной войны, он исключает возможность истинного мира, но допускает временное перемирие - в соответствии с требованиями политической ситуации. Это перемирие, могущее продолжаться не более десяти лет, должен прервать в одностороннем порядке мусульманский правитель, но только после того, как он сначала предупредит врага. Наконец, *джихад* предусматривает, что все договоры с *дар ал-харб* заключаются всегда только в рамках этой концепции временного перемирия. Рассматриваемое мусульманами-теологами как одно из фундаментальных положений веры, участие в *джихаде* должно быть обязанностью, возложенной на всех мусульман, причем каждый должен не жалея сил трудиться на общее благо: будь это военная служба или материальная помощь, писание и комментарии книг или другие виды деятельности.

Исламские юристы зафиксировали право мусульман на завоевательные войны на основе прецедентов: войн Мухаммада с евреями, проживавшими на Аравийском полуострове. Именно эти случаи стали моделью, служившей универсальной нормой, применявшейся ко всем евреям, христианам, зороастрийцам и другим религиозно-этническим группам, завоеванным в результате *джихад*. Так же, как Мухаммад пощадил евреев Хайбара, признавших его владыкой, так и арабские завоеватели заключали договоры со всеми другими народами, которые, столкнувшись с *джихадом*, подчинились власти мусульман. Состояние *зимми*, являющееся прямым следствием *джихада*, определяется тем же самым договором. Оно заключается в том, что при-останавливается действие первоначальных Иран завоевателя в отношении приверженцев религии откровения при условии платежа ими выкупа - точно так же, как евреи Хайбара согласились платить дань пророку. Так обстоятельства истории (или Провидение) выбрали небольшой еврейский клан, затерянный в песках Аравийского полуострова, для того, чтобы он символизировал участь, ожидавшую мощные, с большим народонаселением. Византийскую и [Сасанидскую](#) империи, а также множество народов Африки, Азии и Европы, в ходе тысячелетней истории павших жертвами агрессивности ислама. Идеологическая суть *джихада* связала судьбу Израиля с судьбой многих других народов. Так участь евреев Аравийского полуострова стала участью многих племен, народов и наций. Судьба евреев не была чем-то исключительным. Она стала, скорее, зловещим зеркалом, отразившим подчиненное исламу положение значительной части человечества.

Города Византии и Сасанидской империи, измотанные продолжавшимися полстолетия войнами и внутренними катаклизмами, подчинились арабским захватчикам. Пакты, заключенные с христианами и зороастрийцами, варьировались в зависимости от того, была ли победа одержана на поле боя или заключена и подписана капитуляция. В этих двух случаях *харби* (жители *дар ал-харб*), бравшиеся за оружие и боровшиеся с мусульманами, могли быть преданы смерти или обращены в рабство, выкуплены, обменены или отпущены на свободу, а их жены и дети - превращены в рабов. Если, однако, *харби*, подобно евреям Хайбара, подчинились власти ислама, захватчики соглашались уважать их религию, их жизнь и имущество в соответствии с условиями договора. Между тем, армии мусульман продол-жали свой завоевательный поход, защищая тылы с помощью создания на

аннексированных территориях военных гарнизонов и арабских поселений. В *зимма* (договор), данный Жире (Ирак) в 633 году, была введена специфическая клауза, относящаяся к различиям в одежде мусульман и немусульман.

В 640 году [халиф](#) Омар ибн ал-Хаттаб изгнал евреев и христиан из Хиджаза, оправдывая свою акцию *зимма*, заключенным с евреями Хайбара. Он цитировал пророка: "Земля принадлежит Аллаху и Его посланнику; посланник Аллаха может аннулировать, если он того пожелает, свой договор". Говорят, он процитировал также завет пророка: "Две религии да не останутся вместе на Аравийском полуострове".

Арабский историк 9-го века ал-Вакиди записал случай, будто бы рассказанный знатным лицом из Медины, посетившим Хайбар вслед за захватом его Мухаммадом:

Обыкновенно, когда нас в Медине поражал голод, мы отправлялись в Хайбар и оставались там некоторое время. А иногда мы отправлялись в Фадак или Тайму. У тамошних жителей всегда имелись в изобилии фрукты и вода... Все это было до возникновения ислама. Когда пророк пришел в Медину и завоевал Хайбар, я спросил моих товарищей: "Отправимся ли мы в Хайбар, так как мы страдаем от голода?" И они ответили: "Наше положение уже не то, что было раньше. Ведь в качестве мусульман мы сталкиваемся теперь с людьми, затаившими злобу и вражду к исламу, тогда как прежде мы не имели никакой религии". Все же мы страдали от мук голода - и пришли в Хайбар, где обнаружили, что обладателями земель и пальм стали другие люди, так как прежних владельцев - евреев - убили, а те, кто остались, были людьми бедными и работали трудами рук своих.

Происхождение зимма

Для мусульман Коран - это слово Аллаха, а Мухаммад - Его посланник роду человеческому:

Не подобает любому верующему, будь то мужчина или женщина, действовать по своему усмотрению, когда Бог или посланник Его определили, как нужно поступать. Тот, кто не подчиняется Богу и Пророку Его, совершает ошибку и сбивается с пути (Коран 33: 36).

Таким образом, Коран является божественной и священной основой исламского закона. Победы мусульман над наиболее развитыми цивилизациями создали комплекс административных проблем, которые Мухаммад не мог предвидеть. Чтобы руководить множеством подчиненных народов, потребовалось создать систему исламского законодательства. Поскольку Мухаммад к тому времени уже умер, теологи пытались обнаружить волю Аллаха в словах Мухаммада и его делах (*хадис*). Запись всех обстоятельств жизни родоначальника ислама, а также его высказываний, передававшаяся от поколения, была объединена под названием Сунна. Различные интерпретации Сунны были также кодифицированы четырьмя главными ортодоксальными школами исламского закона: *ханфи*, *малики*, *шафии* и *хинбали*.

Так как в исламе религия и политика нераздельны, необходимо было дать определение Бога как практического наставника, а не только как духовной сущности. Теологи единодушно согласились, что поскольку ислам - единственная истинная религия, то, значит, и все, что исламская община (*умма*) считает истинным и правильным, должно быть таковым. Этот принцип носит название *иджма*, или консенсус исламского общества. Контролируя огромную империю, арабские армии продолжали, тем не менее, быть меньшинством среди массы немусульман, в основном христиан и зороастрийцев. Византийская и персидская административные системы были восстановлены по практическим причинам, но отношения между арабами и подвластными им народами регулировали специальные законы. Основываясь на Коране и Сунне, мусульманские теологи установили статус *зимми*, то есть немусульманских народов, находящихся под властью ислама. Эта система правил, известная под названием Договора Омара, приписывается арабскими историками Омару 1 (634-644) или Омару 11 (717-720). Однако среди западных востоковедов распространено убеждение, будто этот свод законов находится в противоречии с либеральной политикой первых четырех халифов и 90-летним правлением Омейядов (661-750). По-видимому, эти законы были разработаны при правлении первых [Аббасидов](#), во времена, когда фанатичные религиозные авторитеты были заняты борьбой с

ересями и жестоко подавляли восстания подвластных народов.

Юридический статус *зимми*, определяемый *зимма*, основывался на договорах между Мухаммадом и еврейскими и христианскими кланами Аравийского полуострова, но в то же время он отличался от них составом принудительных правил. Он был разработан спустя много лет после арабских завоеваний, во времена, когда арабская военная и экономическая колонизация находились на взлете. Его унижительный характер может быть понят исходя из того факта, что мусульмане обладали властью, облегчавшей узаконение угнетения с помощью военной организации, при полном контроле над средствами подавления. Так *зимми*, теряя свой первоначальный характер соглашения, принуждающего к выполнению определенных обязательств обе заинтересованные стороны, становилась выражением легализованного угнетения. Именно *зимми* являлась инструментом, ведущим к успеху политику арабизации и исламизации обширных районов вне Аравийского полуострова и к исчезновению местных народов и их культур.

Подчиненный статус евреев, самаритян, христиан, сабеян и зороастрийцев варьировался в разные времена и в разных регионах мусульманского мира. В традиционно исламских районах, таких, как Северная Африка, статус *зимми* существовал вплоть до европейской колонизации, а в Персии и Йемене - вплоть до 20-го столетия. С другой стороны, *зимми* было гарантировано право самоуправления в соответствии с законами их религии, а также, в известных границах, - религиозная свобода, свобода перемещения и жительства. Все это давало определенные гарантии спокойной жизни, правда, не распространявшиеся на времена фанатизма и анархии.

Ислам гарантировал подвластным евреям и христианам право сбора налогов для поддержания-функционирования их общественных институтов, право суда, если дела подпадали под законы, регулирующие отношения между лицами, принадлежащими к одной общине; свободу религиозного образования и отправления религиозных обрядов, а также признание официального статуса главы каждой общины. Такие привилегии не были чем-то новым. В своей борьбе за самосохранение посреди языческой империи еврейский народ - и в своей стране, и в диаспоре - сумел добиться сходных привилегий еще во времена правления греков и римлян. Правда, в Византии греческая ортодоксальная церковь стремилась к ограничению этих прав. Арабские же правители восстановили традиционные римские административные законы, применявшиеся к евреям, и распространили их на все терпимые исламом религии.

В Османской империи статья эдикта Хатти Хумаюн (1856), включенная в этот документ по настоянию европейских стран, отменяла дискриминационный статус *зимми* (*райа* в Османской империи - слово, до того обозначавшее мусульман-крестьян); но эмансипация была гарантирована только позднее.

Исламские правовые документы, исторические хроники арабов и *зимми*, рапорты европейских консулов и записки путешественников дают в распоряжение исследователя ценные данные.

РАЗЛИЧНЫЕ АСПЕКТЫ ПОЛОЖЕНИЯ ЗИММИ

Захват и присоединение территории

Основываясь на прецеденте в Хайбаре, где земли евреев стали собственностью всей исламской общины. Омар 1 запретил деление покоренных земель среди мусульманских воинов. Исключая личные владения, завоеванные территории стали собственностью всей исламской общины.

Народы *зимми* стали ценным источником помощи захватчикам. Участвуя в создании оазисной экономической инфраструктуры расширяющейся империи, владея профессиями, не известными арабам, они поддерживали арабский военный режим путем выплат всякого рода.

Завоевание арабскими странами христианских провинций Византии положило конец беспорядкам в империи, а также преследованиям христианской церковью как еретических движений, отколовшихся от нее, так и приверженцев иудаизма. Однако репрессивная система провоцировала восстания и крестьянские волнения, жестко подавлявшиеся арабскими завоевателями. Восставшие были перебиты, многие народы (персы, армяне, [КОПТЫ](#) и т.д.) обращены в рабство, а некоторые - изгнаны со своих земель.

Первые арабские колонии создавались в виде военных лагерей, контролирующих дороги и границы, и постепенно они превратились в города. По волне победоносного арабского завоевания толпы мигрантов перемещались из одной страны в другую, на запад и восток. Это постоянное, столетие за столетием, смешение населения ускоряло процесс арабизации. Захватчики пользовались специфическими привилегиями, когда они селились на новых территориях. Экспроприация и фискальный гнет, наступившие в результате арабских завоеваний, уменьшали количество крестьян, принадлежавших к категории *зимми*. Они эмигрировали в новые города или области, находившиеся вне доминации ислама.

Между прочим, в многочисленных исламских поучениях, упоминаются предостережения пророка против слишком жестокого обращения с подвластным населением и возложения на него слишком тяжелого бремени. Баладхури рассказывает, что когда некоторые народы в Ливане восстали во время сбора подати (поземельный налог) в Баальбеке, Салин ибн Али ибн Абдалла ибн Аббас послал войска, чтобы подавить восстание. Некоторые из восставших вернулись в свои селения, где им было разрешено придерживаться прежней, христианской, веры, но остальные были изгнаны. Когда ал-Авзай услышал это, он стал обвинять Сачина, говоря:

-Ты уже слышал об изгнании *зимми* из Ливана, хотя они и не были на стороне бунтовщиков, и многие были тобой убиты, а остальные вернулись в свои селения. Как же ты можешь наказывать всех за грехи немногих и заставлять покидать дома и имущество, несмотря на установление Аллаха: "Грехи одного да не будут возложены на другого" (Коран 6:614), а это ведь сущая правда, и ей необходимо следовать. То же самое говорит и пророк: "Если кто-либо угнетает человека, скрепившего с нами договор, и возлагает на него бремя большее, чем он может выдержать, я буду первым, кто выступит против него".

Разрушительные последствия войн и постоянных иностранных завоеваний были усилены законами, установленными завоевателями. Оставляя за собой право отменять *зимма* когда вздумается, победители ставили *зимми* в ситуацию постоянной неуверенности. Терпимый статус, гарантировавшийся им на их собственной земле в обмен на согласие подчиниться, установил не изменявшуюся в течение тысячелетия форму протекционизма, бывшую со стороны правителей условной и временной. Изгнание евреев и христиан из пределов Аравийского полуострова создало прецедент для повторения подобных акций и в более поздние времена. Правда, эти изгнания были редки и часто признавались незаконными.

Дискриминационные налоги

а) Харадж

Право завоевателя, впервые провозглашенное во время завоевания Хайбара, вело к экспроприации имущества завоеванных народов через передачу их земель мусульманской общине. *Зимми*, лишенные таким образом собственности, восстанавливали свое право обрабатывать землю в обмен на уплату налога исламским правителям. *Харадж* превращал бывшего обладателя земли в данника, обрабатывающего собственную землю в качестве арендатора. Его наследники получали те же самые права, тогда как полное владение землей было присвоено арабским правителем.

Поскольку *зимми* запрещалось иметь оружие, они становились полностью зависимыми от захватчиков. В некоторых сельских местностях с течением времени положение *зимми* ухудшалось. В 1884 году Чарлз де Фуко описывал районы южного Марокко, где евреи всецело принадлежали своим мусульманским владыкам и не имели нрава покидать их. Крепостная зависимость евреев определялась их принадлежностью к иудаизму и переходила от поколения к поколению: эти люди были частью имущества хозяина, точно так же, как его земля и скот. Еще в 1913 году евреи Дадеса (Марокко) были крепостными своих мусульманских господ.

Харадж значительно варьировался в разные времена и в разных странах. В Османской империи он иногда объединялся с *джизьей*. Следует заметить, что подобный поземельный налог уже существовал накануне мусульманского завоевания в Византии и у персов. Коли принятие его

арабами не изменило самой сути налога, но, тем не менее, приобрел дополнительную сакральную окраску. Он символизировал отныне неизменное право арабов на завоеванную территорию, ведь передал ее победителям Аллах.

Плата *хараджа* гарантировала протекцию *зимми*. Однако так бывало не всегда: сказывалось различие и культуре и обычаях двух сторон - земледельческой культуре, основанной на каждодневном труде, противостояла воинственная бедуинская традиция. Если в начале периода завоеваний халифы могли защищать немусульманское сельское население, то в дальнейшем, в периоды нестабильности, оно все больше страдало от неискоренимой арабской воинственности, которая наряду с другими факторами препятствовала нормальному сельскохозяйственному труду.

б) Джизья

В дополнение к *хараджу зимми* должны были платить подушный налог - Джизью (Коран 9:29). Причем *джизья* была трех видов - в соответствии с экономическими условиями жизни каждого индивидуума мужского пола, доспи того возраста зрелости.

Согласно предписаниям некоторых юристов, этот подушный налог должен был выплачиваться каждым человеком лично во время унижительной публичной церемонии: *зимми*, платя налог, получал удар по голове или по затылку. Однако Абу Юсуф Якуб (ум. 798) рекомендовал милосердие и справедливость при сборе *джизья*. Женщины, нищие, хронические больные и калеки теоретически освобождались от уплаты этого налога.

Когда репрессивное налогообложение провоцировало массовое обращения в ислам, администрация устанавливала общую сумму платежа для каждой общины *зимми*, а представители общины распределяли ее между членами. При чем *сумма* эта устанавливалась вне зависимости от числа членов общины.

Обладание свидетельством уплаты *джизья* - первоначально это был кусок пергамента, обернутый вокруг шеи, или особая печать на запястье или на груди - давало *зимми* возможность передвижения с места на место. *Зимми*, путешествовавший без этого знака, мог быть подвергнут суду. Печать об уплате *джизья*, отличавшая *зимми*, стала восприниматься вскоре как знак бесчестия. Позднее, в Османской империи, этот знак должен был предъявляться по первому же требованию сборщика налогов с угрозой немедленного лишения свободы. *Зимми* легко распознавались по отличным от остальных групп населения костюмам, и запросто могли быть остановлены на улице. Документы архивов французского консульства в Османской империи убеждают, что одним из главных резонансов против принятия евреев или христиан в консульство в качестве драгоманов (переводчиков) был тот факт, что они платят *джизья* со всеми унижительными условиями, которыми эта плата сопровождалась. Престиж, которым пользовалась профессия драгомана, как оказалось, был совершенно несопоставим с подчиненным статусом *зимми*.

Зимми было разрешено заниматься ростовщичеством, в теории запрещенным для мусульман, но эта коммерция приводила иногда к убийству кредиторов. Более того, давая капитал займа своим банкирам - *зимми*, власти настаивали на получении очень высоких процентов, а это усиливало непопулярность ростовщичества.

в) Прочие налоги (авания: незаконные налоги, взимаемые под угрозой)

Зимми платили также более высокие коммерческие налоги и дорожные сборы, нежели мусульмане. Помимо налогов, большие суммы взимались с общин *зимми* просто по прихоти правителей. В средние века, если эти требования не выполнялись, женщины и дети - *зимми* низводились до рабского состояния. Позднее, в Османской империи, в 18-м столетии христианские церковные деятели и представители знати заключались в тюрьму и подвергались пыткам, пока за них не давали выкуп. К началу 19-го столетия в результате этого еврейская община Феса фактически прекратила свое существование. В Триполи, около 1790 года, Али Бургхул потребовал выкуп у целой еврейской общины, угрожая массовыми репрессиями. В Йемене, Персии и других местах евреи бывали жертвами непомерных фискальных поборов.

В некоторых районах Сирии, Палестины и Ирака возникавшая временами особая опасность и

нестабильность в положении *зимми* побуждала их предохранять себя от вымогательств и погромов платежами денег эмирам, шейхам и главарям банд мародеров. Практика вручения откупных, с помощью которых *зимми* обеспечивали себе безопасность, получала распространение в тех случаях, когда ослабевало центральное руководство, и власть попадала в руки местных кланов кочевников, ищущих добычи. Это нарушало нормальную жизнь безоружного оседлого населения (включая и самих мусульман), которому все время угрожали враждующие воинственные племена.

Необходимость платить за свое благополучие и безопасность стала нормой существования общин *зимми*. Этот обычай легализовал финансовые злоупотребления и вымогательства и в конце концов приводил к уничтожению коренного неарабского населения.

В конце 18-го столетия шейх Дахир ал-Омар, распространявший власть на Галилею и Самарию, установил необычный взнос в казну. Вот как рассказывает в письме французский консул в Сидоне: -Особенность этого девяностолетнего старика состоит в том, что он женится каждый год на юной девушке в возрасте 13-14 лет. Христиане Святой Земли, орден Св. Франциска, должны оплачивать стоимость этой церемонии. Уже установилась традиция уплаты шейху 1000 экю за первую брачную ночь. Только, чтобы получать эту сумму, он будет жениться каждый год до последнего своего дыхания.

Франсуа Чарльз-Рокс так определил налог *аваниа*: "Если пользоваться современным выражением, можно сказать, что *аваниа* - это шантаж, то есть сумма денег, взимаемая с общины под угрозой гонений". Методы, применявшиеся при изъятии, иногда включали конфискацию и пытки. В 1849 году евреи города Тиберии (Тверии) рассматривали вопрос об уходе в изгнание из-за жестокости, чрезмерных поборов и несправедливости властей. В дополнение к обычным поборам, их единоверцы в Хевроне платили ежегодно 5000 пиастров арабскому шейху за охрану их жизней и имущества". Однако тот же самый шейх добавил еще один побор в 1852 году, угрожая напасть и изгнать их из города, если они откажутся платить. Во второй половине 19-го столетия, благодаря усилиям европейских стран, этим поборам, разрушающим целые общины, был положен конец.

Система общественного правления

Отстранение *зимми* от исполнения общественных обязанностей основывалось на нескольких стихах Корана (3:27, 113, 5:56), и в соответствии с которыми неверный никогда не может властвовать над мусульманами. Несмотря на это ограничение, *зимми* постоянно занимали официальные посты; презиаемые и зачастую отстраняемые от дел, они, тем не менее, были незаменимы. Хотя Омар I (634-644) запретил допуск *зимми* к официальным должностям, Омар II (714-720) обнаружил, что многие *зимми* служили в гражданской администрации, и распорядился об их увольнении. В средние века нахождение *зимми* на высоких административных постах могло вести к мятежам местного мусульманского населения: так было, например, в Гранаде в 1066, Фесе в 1275 и 1465 годах, Ираке в 1291 и в Египте под властью [мамелюков](#) (с 1250 по 1517 год). Население, подогреваемое *улама*, требовало их смещения; эмиры иногда пытались защитить их, предлагая им выбор между уходом в отставку или обращением в ислам. И некоторые переходили в мусульманство для того, чтобы остаться на своем посту.

Юридическое неравноправие: присяга зимми не признается законом

Каждый судебный случай, в который были повлечены *зимми* и мусульмане, рассматривался исходя из законов Корана. Хотя сама идея справедливости подразумевает равенство сторон перед законом, *зимми* не разрешалось свидетельствовать против мусульман. Поскольку их показания были недействительны в исламском суде, то мусульманский оппонент мог быть осужден только с очень большим трудом. Для того чтобы защитить себя, *зимми* приходилось покупать мусульман-свидетелей за очень большую плату. Британский консул Боснии отмечал в своем рапорте: Нынешний *кади* [мусульманский судья] Травника настойчиво отвергает все свидетельства христиан перед трибуналами, и хотя всегда находятся свидетели-мусульмане, покупаемые, разумеется, за

деньги, никакая справедливость, но может быть достигнута в результате такой практики.

В 1905 году агент британского консула в Яффо записывал: "Всегда готово фальшивое свидетельство для обвинения мусульманами евреев или христиан".

Отказ религиозных мусульманских судов принимать свидетельства *зимми* базировался на *хадисах*, утверждавших, что неверные - испорченные и вредоносные люди, так как они обдуманно отрицают верховенство ислама. По той же самой причине мусульманин никогда не приговаривался к смертной казни на основании свидетельства немусульманина. В соответствии с *хадисом*, приписываемому Мухаммаду (в комментарии Муслима, ум. 874): "Ни один мусульманин не умрет, но Аллах поместит вместо него еврея или христианина в геенну огненную".

Вот что наблюдал Лейн в Египте в 1830 году: "Евреями часто жертвовали для того, чтобы спасти мусульман". Отказ принять свидетельство *зимми* носил особенно серьезный характер в силу постоянных обвинений евреев и христиан в поношении пророка, ислама или ангелов, так как эти грехи карались смертной казнью. В этом случае *зимми* никогда не могли отвергнуть свидетельство истинно верующих, и единственным способом спасения жизни было обращение в ислам.

Однако существовали исключения из правил, и сохранились записи отдельных судебных процессов в мусульманских религиозных судах (*шариат*), из которых следует, что иногда принимались свидетельства *зимми*. В 19-м столетии в Османской империи ввели новую судебную систему - *меджеле* (1840), которая рассматривала гражданские и уголовные дела в соответствии с модифицированным кодексом законов, заимствованным из Европы, в основном из французской юриспруденции. Это изменение создавало базис для новой юридической системы, признававшей свидетельства *зимми*. Многие судьи-мусульмане продолжали дискриминационную практику в отношении христиан и евреев, но таковая уже не считалась законной на территории Османской империи, что было значительным шагом вперед.

Исламский закон (Коран 2:174,175) применяет *lex talionis* (закон о возмездии) только к конфликтам между равными сторонами, т.е. мусульманами. Наказание, получаемое виновным мусульманином, уменьшалось в значительной мере, если жертвой бывал *зимми* и наоборот, *зимми* зачастую приговаривался к смертной казни, если он поднимал руку на мусульманина, даже при законной самозащите. О таких случаях сообщали путешественники из Персии и Йемена вплоть до конца 19-го столетия. "Евреями жертвовали для того, чтобы спасти мусульман". Отказ принять свидетельство *зимми* носил особенно серьезный характер в силу постоянных обвинений евреев и христиан в поношении пророка, ислама или ангелов, так как эти грехи карались смертной казнью. В этом случае *зимми* никогда не могли отвергнуть свидетельство истинно верующих, и единственным способом спасения жизни было обращение в ислам.

Унижение других религий, не в меньшей степени, чем привилегии, даруемые победителям, служили целям усиления чувства превосходства арабов-мусульман над другими народами. Незаконные запреты, первоначально, вероятно, объяснявшиеся колонизаторской политикой, вошли в обычай.

Хотя эти запреты постоянно нарушались *зимми*, однако, всегда требовала их восстановления, даже после того, как арабская колонизация преуспела в уничтожении коренных культур.

Места богослужений *зимми* не рассматривались как неприкосновенные. Они могли быть ограблены, сожжены или разрушены в результате репрессивных мер против общины *зимми*, например, под тем предлогом, что некоторые из ее членов превысили свои права. Внешне нередко богослужебные здания выглядели пришедшими в упадок, крайняя запущенность внутренних помещений была временами результатом обдуманной политики *зимми*, стремившихся предотвратить, грабительские атаки. Это состояние упадка часто описывалось в хрониках *зимми* европейскими консулами, а позднее - иностранными путешественниками. В 1852 году солдаты-мусульмане устроили конюшню в синагоге города Тверия. В 1855 году при обновлении синагоги в Иерусалиме было запрещено ее расширить и украсить. По фотографиям, датируемым серединой 19-го столетия, можно видеть, в какой упадок пришла церковь Гроба Господня в Иерусалиме. Они подтверждают, что только через несколько лет после указа об эмансипации было разрешено воздвигнуть крест на куполе этой церкви.

Путешественник, посетивший Сулейманию в северном Ираке, записывал, что войска заняли одну из комнат синагоги и, превратив ее в бойню, перепачкали отбросами. Дошедшие до нас описания положения дел в Марокко, Ливии и Палестине во второй половине 19-го столетия свидетельствуют, что выполнение этой обязанности сопровождалось зачастую унижением, грабежами, а иногда и убийствами *зимми*.

Европейские путешественники 19-го столетия описывают случаи, когда евреи и христиане, входившие в мечеть в Северной Африке, рассматривались как преступники и карались смертной казнью. Считалось, что им нечистая природа оскверняет места богослужений мусульман. В 1869 году еврей, проходивший мимо великой мечети Зейтина в Тунисе, был убит из-за ложного обвинения в намерении войти в нее. В 1888 году, когда еврей из Исфахана был ложно обвинен в оскорблении мусульман и осквернении мечети своим присутствием, вся еврейская община была признана ответственной за это и почти полностью перебита. Представитель организации "Альянс Исраэлит Универсаль" в Йемене Семах записывал в 1910 году, что еврей, переступивший порог мечети, не покидал ее живым. С другой стороны, во второй половине 19-го столетия власти Османской империи пытались приучить население к большей терпимости в отношении евреев.

Исключительно благодаря специфическим отношениям между Турцией и Великобританией принц Уэльский стал в 1862 году первым христианином (с 1266 года), которому было позволено посетить пещеру [Махпела](#) в Хевроне. Начиная с этого времени, христианам разрешили свободно посещать гробницы еврейских патриархов Авраама, Исаака и Иакова, но евреи смогли совершать богослужения там и вступать внутрь пещеры только после Шестидневной войны 1967 года.

Ликвидация государством Израиль этой религиозной дискриминации, существовавшей в течение семи столетий, привела в ярость арабо-мусульманское население и спровоцировала беспорядки, основанные на эмоциях, ничем не отличавшихся от тех, что бывали в аналогичных случаях еще в средние века. Хеврон - классический пример избирательного подхода мусульман к многочисленным святым местам евреев и христиан.

Звон колоколов, звук [шофара](#), выставление на всеобщее обозрение крестов, икон, хоругвей и других предметов культа строжайшим образом запрещалось. Хотя в соответствии с правилами, определенными Мухаммадом, иудаизм и христианство считались допустимыми религиями, на практике свобода богослужения не соблюдалась. Поскольку арабские воины в начале исламского завоевания составляли среди завоеванных народов лишь маленькую группу чужеземцев, они были не в состоянии запретить на всей покоренной территории отправление культов других религий. Нетерпимость возрастала по мере усиления арабо-мусульманского элемента. Некоторые теологи допускали религиозные процессии *зимми*, только в городах, где те составляли большинство. В 14-м столетии арабский путешественник Ибн Капута, услышав впервые в городе Кафа (на берегу Черного моря) звон колоколов, был так встревожен, что обратился к мулле с просьбой прочитать что-либо из Корана с вершины одной из мечетей.

Если *зимми* иногда и удавалось отвоевать немислимой ценой некоторые права, местное население зачастую противилось этому и пресекало все подобные попытки. *Зимми* оказались на перекрестке между продажностью властей и фанатизмом народа, который, ведомый *улими*, требовал строгого соблюдения предписаний закона. Эта ситуация поощряла вымогательства и служила источником обогащения правителей. Чем больше возрастали репрессии, тем большая плата требовалась для их прекращения. Мусульманские захоронения должны были отличаться от захоронений *зимми* - чтобы мусульманин не стал молиться на гробнице неверного. Последние должны были хоронить своих покойников без оплакивания. Их кладбища - как находящиеся в пределах ада - не уважались. Их часто полностью разрушали, а захоронения оскверняли. Это продолжается и по сей день.

Преступнику, обращенному в ислам, прощались все его грехи. Вероотступничество, а также оскорбление ислама, пророка или ангелов каралось смертной казнью. Обвинение в богохульстве, будь оно истинным или ложным, зачастую вело к массовым репрессиям против *зимми*. Эти законы вновь вступили в силу во время правления имама Йахьи в 1922 году и были подтверждены в 1925

году. В 1896 году группу армян в районе Бирджика у реки Евфрат силой пытались обратить в ислам, и они вынуждены были отправиться в изгнание, лишь бы сохранить веру отцов. В период великой резни 1915-19 16 годов лишь незначительная часть армян, приняв ислам, избежала смерти. По хроникам Марокко, Алжира и Йемена можно установить, что во времена изменений режима или в иные периоды нестабильности еврейские кварталы регулярно подвергались грабежам, а еврейские женщины - насилию. Свидетели описали разрушение еврейского квартала в Фесе в 1912 году и начале французского протектората и в столице Йемена Сане не позднее 1948 года, после покушения на имама Йахью. Подобные преступления, совершавшиеся в течение столетий, приводили к массовым обращениям *зимми* в ислам. Так, несколько иудео-берберских племен в горах Атласа, а также мусульманских фамилий в Фесе являются, как известно, потомками евреев, принявших ислам, чтобы спасти свои жизни (в 1165, 1275, 1465 и 1790-92 годах). И в Триполитании имеются мусульмане - потомки евреев, насильно обращенных в ислам в различные периоды истории. Евреи Тебриза были вынуждены перейти в мусульманство в 1291 и 1318 годах, а евреи Багдада - в 1333 и 1344 годах. На территории Персии насильственные обращения привели с 16-го и вплоть до начала 20-го столетия к почти полному истреблению христиан и целых еврейских общин. В правление шаха Аббаса II (1642-1666) закон 1656 года давал обращенным в ислам, будь то христиане или иудеи, исключительные права на фамильное наследство. В качестве уступки папе Александру VII в отношении христиан этот закон был отменен, но оставался в силе для евреев вплоть до конца 19-го столетия. Газе упоминает о существовании в Тунисе сходных законов наследования, поощрявших обращение в ислам.

Сегрегация и унижения

Зимма по самой сути своей предполагала унижение *зимми*, обвинявшихся в непрестанном распространении фальшивых версий Старого и Нового Заветов, в которых, как полагали мусульмане, Божественное откровение, предсказывавшее приход Мухаммада, извращалось и искажалось. Приверженность *зимми* своим заблуждениям явно была знаком их дьявольской природы, а, значит, их следует отделять от общества правоверных и подвергать унижениям. К концу средних веков за малым исключением были созданы специальные кварталы для расселения неверных, и за пределами этих кварталов они не могли приобретать ни земли, ни строений. Как по размерам, так и по внешнему виду их дома должны были быть хуже домов мусульман. Дома *зимми* разрушались, если они превышали установленные традицией размеры. Однако бывали исключения. Так, существование этих законов не отмечено в мусульманской Испании. В Тунисе под властью [Хафсидов](#), случалось, евреи владели обширными полями и красивыми домами. С приходом турок началась гораздо более терпимая эпоха, и положение *зимми* значительно улучшилось к регионам, вошедших в Османскую империю.

Зимми не было позволено иметь рабов, обращенных в ислам; им запрещалось также иметь оружие. Но бывали и исключения из этого правила, например, среди еврейских общин Марокко (в горах Атласа) и Центральной Азии. В 1785 году Нольней, посетивший Ливан, где [марониты](#) не были угнетаемы и, следовательно, не рассматривались как *зимми*, так описал этих жителей гор: По обычаям, распространенным в этой области, и из-за политического состояния страны каждый - будь то шейх или крестьянин - всегда ходит, вооруженный мушкетом и коротким кинжалом. Это, пожалуй, не совсем удобно, но есть и преимущество: так, им не нужно привлекать новобранцев, когда, например, необходимо защитить страну от турок".

Арабские почетные обращения и использование арабского алфавита были запрещены для *зимми*. А пользование услугами *зимми* - врачей и фармацевтов не поощрялось, так как они всегда подозревались в отравлении мусульман; и все же, благодаря своим талантам, образованные *зимми* часто занимали высокое положение при дворах халифов. Брак или любовная связь между *зимми* и мусульманкой каралась смертной казнью, но мусульманин мог жениться на женщине *зимми*. Евреи, несториане и армяне Курдистана по прихоти своих господ облагались оброком. В Тунисе

евреи могли быть привлечены к общественным работам, таким, как промывка цистерн для сбора питьевой воды, строительство мостов и т.д., и должны были снабжать армию всем, что могло ей понадобиться.

На долю *зимми* выпадали самые унижительные работы. В Йемене эдикт 1806 года, оставшийся в силе вплоть до 1950 года, когда йеменские евреи переселились в Израиль, обязывал евреев убирать мертвых животных и очищать общественные уборные даже по субботам. В Йемене и Марокко *зимми* обязаны были изымать мозги и солить головы казненных врагов султана, выставлявшиеся затем на городских стенах. Льюис Франк, придворный врач тунисского бея в начале 19-го столетия, записывал:

Когда мусульманин приговаривается к смерти через удушение, нескольким христианам или грекам, живущим в городе, власти приказывают исполнить приговор. Двое из них затягивают хорошо намыленную веревку вокруг шеи жертвы; двое других держат концы веревки, и все четверо трудятся до тех пор, пока не наступает смерть. Обычно бей дает распоряжение отсечь руку вора. После оглашения приговора осужденных ведут в госпиталь для совершения операции, которая исполняется евреем. Он приводит приговор в исполнение хотя и тупым ножом, но наилучшим образом - ампутируя руку.

Несториане - приверженцы христианского учения, основанного константинопольским патриархом Несторием в 428-431 г.г., утверждавшим, что Иисус Христос, будучи рожден человеком, лишь впоследствии стал Сыном Божиим. Несториане пользовались значительным влиянием вплоть до 13 в. в Иране и р-не от Средней Азии до Китая. (Прим. ред.)

Считалось большим оскорблением, если *зимми* использовал для своего передвижения таких благородных животных, как лошадь или верблюд. Вне города ему было разрешено ездить на осле, но в определенные периоды даже это допускалось лишь в особых случаях. В 1697 году француз, посетивший Каир, обратил внимание на то, что христиане могли ездить только на ослах и должны были слезать с них, поравнявшись со знатными мусульманами, "так как христианину следует появляться перед мусульманином только в униженном положении". Испанец Доминго Бадия из Леблиха, путешествовавший и писавший под именем Али Бей в начале 19-го столетия, отмечал, что ни одному христианину или еврею в Дамаске не было разрешено ездить даже на муле. Когда в 1833 году во времена считавшейся терпимой египетской оккупации вновь назначенному французскому консулу власти разрешили ездить по улицам Дамаска, начались беспорядки. Для египетских евреев запрет на езду на лошади или верблюде был в силе еще и в 1948 году, причем при езде на ослах они обязаны были сидеть боком.

В Йемене и в отдаленных районах Марокко, Ливии, Ирака и Персии вплоть до начала 20-го века еврей должен был слезать со своего мула, проезжая мимо мусульманина. Если он не делал, то мусульманин был вправе повалить его на землю.

Зимми не разрешалось собираться группами на улице и разговаривать. Они должны были ходить с потупленными глазами и только позади мусульман, имевших право отталкивать их. В Йемене считалось проявлением враждебности со стороны *зимми* глядеть на обнаженного мусульманина. Стоя перед мусульманином, *зимми* должен был говорить тихо и только тогда, когда ему это разрешалось. Вплоть до середины 19-го столетия с евреями плохо обращались и их постоянно унижали на улицах Иерусалима, Хеврона, Тверии и Цфата. Путешественники по Магрибу и Йемену рассказывали о существовании подобных обычаев даже еще в 20-м столетии. Слауч в начале 20-го века сообщает, что в Бу Зайне (Ливия) у арабских детей было в обычае забрасывать камнями проходивших мимо евреев. Эти трогательные проявления жалости и терпимости в столь нежном возрасте не ограничивались распространением в отдаленных регионах и не были направлены исключительно против евреев. Британские миссионеры, посетившие Иерусалим в 1834 году, записывали:

Когда, облокотясь о парапет пруда Бетесда, мы предавались мыслям о прошлом, мальчишки-мусульмане стали собирать камни и кидать ими в нас с криком: "Назарани!" ("Христиане!").

Оказывается, мы подошли к дверям мечети ближе, чем это позволено христианам".

Путешественники по Персии и Йемену в начале 20-го столетия отмечали низкие притолоки дверей, заставлявшие *зимми* нагибаться при входе в свои дома. Еврейский квартал Саны, население которого составляло несколько тысяч человек, по контрасту с остальными районами города ночами оставался без света, и там никогда не убирался мусор. В Бухаре на еврейском доме должен был висеть клочок одежды, чтобы отличить его от дома мусульманина; к тому же ему полагалось быть ниже.

Вынужденные в определенные исторические периоды ходить только в черной одежде, евреи Бухары должны были сгибаться в своих магазинах, чтобы их клиенты-мусульмане видели только их головы, а не фигуры целиком. Эта практика напоминает обязанность евреев и христиан Дамаска делать пороги своих магазинов ниже уровня улицы.

Закрытые ворота квартала *зимми* не всегда служили целям охраны их обитателей от нападения или грабежа. В Йемене еврейские кварталы напоминали лабиринты, где можно было скрываться и неожиданно нападать на преследователей. Местные еврейские хроники Магриба дают нам возможность почувствовать всю нищету еврейских кварталов, а также ужас и отчаяние их обитателей, часто становившихся жертвами грабежей или погромов.

Запреты на передвижение *зимми* и свободное расселение варьировались в зависимости от времени и места. Практиковались также депортации и изгнания *зимми* из некоторых городов и территорий.

В Персии, Йемене и Северной Африке вплоть до 19-го столетия евреям не разрешалось ходить по определенным улицам города. Они жили в особых кварталах, откуда не имели права выйти после захода солнца. Этот обычай практиковался в Йемене вплоть до эмиграции йеменских евреев в Израиль в 1949-50 годах. Некоторые города были полностью закрыты для евреев, так как их присутствие могло нарушить святость данного места. По тем же самым причинам уже в наши дни немусульманам не разрешается вступать в пределы Мекки или Медины.

Запреты, распространявшиеся на иностранцев христиан, могли быть даже более строгими, нежели те, которым обязаны были подчиняться местные *зимми*. В Северной Африке им было разрешено селиться только в нескольких прибрежных городах, где они объединялись в *фундук* (постоялый двор), патронируемый консулом. Если они изъявляли желание посетить места в глубине страны, они должны были приобрести специальное разрешение или выдавать себя за евреев. Если они приходили и мусульманский город, они считались слишком нечистыми, чтобы оставаться в исламской части города, и поэтому они должны были селиться в еврейском квартале. Европейцы, на протяжении всего 19-го столетия по соображениям безопасности или из-за дискриминационных мер мусульман находившие убежище среди евреев, оставили полное и детальное описание жалкого существования последних. Несмотря на предубеждения, свойственные этой эпохе, преследования евреев возбуждали жалость и сострадание путешественников, в особенности миссионеров, полагавших, что несчастья могут подвигнуть евреев принять христианство, ибо, находясь под защитой иностранных государств, христиане обладали все же значительными привилегиями.

И некоторых районах (во внутренней Триполитании, в горах Атласа и в Йемене) евреи зачастую становились собственностью своих мусульманских хозяев и не обладали правом покидать их. Они могли выжить, только подчинившись условиям, при которых хозяин эксплуатировал их, но все же защищал, так же как он защищал свое имущество, шатры и домашних животных.

Хотя многие положения, касающиеся *зимми*, были заимствованы арабами из статей кодекса Юстиниана, относящихся к евреям и еретикам, проживавшим в Византийской империи, отличие в костюме было, по-видимому, изобретением арабов. С самого начала своих завоеваний арабы были вдохновлены идеей принадлежности к высшей расе пророка Мухаммада; они держались отдельно от других народов и отказывались делить свои привилегии с новообращенными. Однако по мере того, как в правление Аббасидов все больше усиливалась исламизация, расовая дискриминация не арабов уменьшалась, тогда как религиозная дискриминация увеличивалась.

Так, существовало множество законов, регулирующих ношение *зимми* верхнего платья (цвет, фасон, размеры), определяющих вид тюрбанов, обуви и седел, а также платьев их жен, детей и слуг. *Зимми*

часто нарушали эти унижительные предписания и, соответственно, несли за это наказание. Войны между исламом и христианским миром в средние века создали подходящие условия для гонений на *зимми*, а также для усиления дискриминационных законов. Поскольку христиане составляли значительную часть населения дар ал-ислам, они становились - по тем или иным причинам - главными жертвами религиозных преследований. Часто обвинявшиеся в сотрудничестве с соседней Византией и с врагами ислама, они страдали от последствий крестовых походов и испанской [Реконкисты](#); на их положении сказывались также преследования мусульман, живших под христианским владычеством.

Многие источники отмечают, что *зимми* были субъектом унижительных предписаний еще и в 19-м веке. Вплоть до 1875 года евреи Туниса могли носить только голубой и черный бурнус; их обувь и головной убор тоже должны были быть черными. В Триполи (Ливия) евреям было предписано носить отличительный голубой знак. В тот же самый период во всем Марокко, за исключением небольших приморских городков, евреи вне своего квартала должны были ходить босиком. Слауч в рапорте 1912 года писал, что в городе Зенга, расположенном в алжирской Сахаре, арабы не разрешали евреям ни носить обувь, ни ездить на животных. В Мзабе (южный Алжир) еще накануне французской колонизации евреи платили *джизью* и жили в особом квартале, выходя одетыми только в черное. Им запрещалось эмигрировать. В тех же самых условиях жили евреи Тафилалета и Атласских гор. Али Бей упоминает темные цвета, которые были принуждены носить евреи и христиане Иерусалима в начале 19-го столетия. Доктор Лорте обращал внимание на черные тюрбаны евреев Цфата в 1880 году. Возможно, эти головные уборы были просто традицией, унаследованной от прошлых времен, так как в 1856 году власти Османской империи ликвидировали религиозную дискриминацию и провозгласили свободу вероисповедания. Англиканский миссионер Вольф, посетивший Бухару в 1831-34 годах, упоминает, что евреи, в дополнение к необходимости подчиняться ограничениям, относящимся к проведению синагогальной службы, обязаны были носить дискриминационные значки. В 1892 году религиозные лидеры Хамадана в Персии принуждали евреев носить круглую красную заплату в верхней части одежды, а в 1902 году снова заставили евреев носить специальную одежду. В то же время в Ширазе фанатики - фундаменталисты хватили евреев на улицах, сбрасывали им бороды, укорачивали волосы и заставляли носить отличительный знак. В Тегеране в 1897 году муллы опубликовали [фетву](#), требующую, чтобы евреи носили отличительный знак и подстригали свои волосы для того, чтобы их можно было отличить от правоверных мусульман.

Под сильным давлением англичан шах выпустил эдикт, налагающий запрет на исполнение этих предписаний (см. док. 86). Семах описывает костюм, который носили евреи Йемена, рассчитанный на то, чтобы сделать их смешными (см. док. 91); французенка, жившая в Санае в 1947 году, записывала: Женщины не носят чадру, но мужчины подчиняются строгим правилам: они должны носить белую хлопчатобумажную рубашку с черными нашивками. Им не разрешается иметь лошадей, и в основном они очень запуганы арабами. Я видела, как крестьянин, чей плохо навьюченный осел потерял груз люцерны, поймал проходившего мимо еврея, заставил его собирать люцерну и снова укладывать ее на осла.

Эти примеры призваны проиллюстрировать общий характер системы угнетения, оправдываемой принципом неравенства между мусульманами и *зимми*. Но, помимо этого, постоянными случаем жизни были войны, нашествия, эпидемии, деспотизм и волны фанатизма. "Эти бедствия обрушивались на всех, но в особенности страдали от них *зимми*. Отверженные остальным обществом, будучи постоянными объектами ненависти и унижения, они подвергались почти полному истреблению в периоды погромов, насильственных обращений и роста запретов. Бывали периоды, когда благодаря своему трудолюбию и способностям они достигали благосостояния, вызывавшего зависть мусульман; угнетаемые, нередко лишавшиеся в один момент всего нажитого ими добра, *зимми* часто эмигрировали.

Случайно сохранившиеся записи об исчезновении некоторых общин позволяют составить

представление и о судьбе подобных общин, исчезнувших без следа. Этот процесс не был результатом войн, причина кроется в другом: члены этих общин, будучи немусульманами и не имея права на владение оружием, жили в состоянии вечной тревоги, надеясь лишь на снисходительную терпимость завоевателей.

Процесс колонизации

Арабизация завоеванных мусульманами территорий происходила в два этапа:

- 1) *Джихад* - военное завоевание и аннексия территорий, где вводились специфические законы, базировавшиеся на концепции избранничества и оправдывавшие стремление к мировому господству;
- 2) *зимми* - система лишения прав собственности коренного населения, имевшая целью сохранение доминирования исламской общины.

Положение религиозных меньшинств в христианских странах зачастую можно было сравнить с судьбой *зимми* под властью ислама, хотя обобщения подобного рода, если их распространять на значительные регионы и отрезки времени, вряд ли допустимы. Лучше вместо поисков подобий определить различия в положении этих двух угнетенных групп. В течение первых двух столетий своих завоеваний - и, в определенной степени, даже вне этих временных рамок - арабы составляли меньшинство на захваченных ими территориях. Поэтому они должны были с большой осторожностью устанавливать диктат своих законов, своего языка и своей культуры. Объединенное восстание подвластных им народов могло поставить под сомнение успех их побед. Баладхури сообщает, что когда Ирак был завоеван арабами, солдаты решили "поделить" эту страну между собой. Халиф Омар ибн ал-Хаттаб разрешил им разделить трофеи, но дал предписание, согласно которому земля и верблюды должны остаться у местных сельских жителей: "Если вы разделите их между теми, кто живет сейчас, ничего не останется тем, кто придет вслед за вами". А Али, приемный сын пророка, так сказал о крестьянах - немусульманах Савада: "Пусть они будут источником дохода и помощи для мусульман". Сулейман ибн Йасар объяснял:

Омар оставил Савад для потомков, рассматривая его народ как *зимми*. Джилия берется с них, и харадж - с их земли. Следовательно, они - *зимми* не могут быть проданы в рабство (см. док. 2). Здесь явно видна разница между *джихадом* и *зимма*. Трофеи - непосредственное вознаграждение за *джихад* - могут включать рабов из среды завоеванных народов; тем не менее, большинство покоренного населения превращается в *зимми*, продолжающих осуществлять постоянную экономическую функцию поддержания существования исламской общины завоевателей (см. док. 3). Следует помнить, что арабы не изобрели налоги, которые *зимми* платили завоевателям, но только адаптировали и сохранили систему налогов, оставшуюся и наследство от Византийской империи. Баладхури утверждает, что в Сирии и Палестине евреи были *зимми* у христиан и должны были платить им харадж со своих земель.

Зимми прокладывала дорогу арабской колонизации в политической, экономической, религиозной и культурной областях. "Божественное" право завоевателей превращало бывшие зарубежные земли в "арабские территории", тогда как сама арабизация усиливала и обеспечивала успех военных предприятий. Восставшие народы, такие как копты, армяне, [берберы](#) и персы, подвергались массовым избиениям или депортировались из одного района в другой; накатывающие одна за другой волны бедуинских племен расселялись на опустошенных территориях, а исламское государство становилось собственником всех земель и ресурсов завоеванных территорий. Эта постоянная политика уменьшения коренного населения завоеванных территорий и заселения их арабскими племенами сокращала огромный разрыв в численности между оккупационной армией и колонизируемым населением, превращенным (по мере ухудшения условий существования) в дешевый источник рабочей силы, используемый при выполнении наиболее грязных и тяжелых работ. По мнению средневековых мусульманских юристов, *зимми* были терпимы потому, что польза от них перевешивала вред, связанный с самим фактом их существования. Умудренные в строительстве, навигации, агрокультуре, медицине, науке и искусстве, и будучи субъектами налогообложения,

способными в любое время выполнять принудительные работы, в целом снабжали завоевателей средствами и ресурсами, усиливающими мощь исламского общества и дающими возможность продолжения *джихада*.

Из истории известно, что не только *зимми*, но и массы мусульман также страдали от деспотизма своих военных каст. Голод, лишения и несправедливости становились причиной многих восстаний. Но всегда следует проводить различия между превратностями, происходящими от несовершенства данной политической системы, и - с другой стороны - между узаконенным преследованием *зимми*, существовавшим на обочине этой системы.

И все же не следует забывать, что было много *хадисов*, напоминавших мусульманским политическим авторитетам о благотворительности и сострадания, провозглашенных основоположником ислама: "Аллах будет мучить тех, кто мучает людей в этом мире"; "Остерегайся мольбы угнетенного, ибо не существует никакой преграды между ним и Аллахом"; "Тот, кто убьет должника *зимми*, не вдохнет запах рая, хотя запах этот и ощутим на расстоянии сорока лет ходьбы".

Перед смертью Омар ибн ал-Хаттаб говорил будущему халифу:

Я снова послал тебе рекомендации относительно народа (Книги), находящегося под протекцией Аллаха и Его Посланника. Необходимо верно хранить соглашение с ним, защитить его и не возлагать на него непосильное бремя".

Путешествуя по Палестине, Омар освободил некоторых *зимми* из тюрьмы, куда они были носы жены за неуплату подушной подати.

Под властью Аббасидов (750-1258) многие не мусульмане занимали официальные посты, несмотря на законы относительно неверных в эдиктах Харун-ар-Гашида (786-809), ал-Мамуна (813-833), ал-Мутаваккили (847-861), ал-Муктадира (908-932), и иракских эмиров рода Буваджихидов (945-1055). [Сельджукиды](#) в Турции (1038-1194) были более терпимы, хотя халиф ал-Муктари (1075-1094) пересмотрел эдикты ал-Мутаваккили и установил значительные размеры выкупов, взимавшихся с *зимми*.

В 12м столетии условия существования немусульман в Ираке улучшились. Языческая династия Великих Моголов (1265-1353) отменила религиозную дискриминацию. Но когда в 1295 году был обращен в ислам Газан, *зимми* снова страдали от гонений, опустошавших целые общины.

В правление Фатимидов (909-1171) общины *зимми* Египта, Сирии, Палестины и части Магриба пользовались значительной свободой, за исключением времени правления халифа ал-Наким би амр Аллаха (996-1021). Преследования *зимми* [Альморавидами](#) и Альмохадами (1042-1269) уничтожили христианские общины мусульманской Испании и Северной Африки. Евреи, которым Юсуф ибн Ташфин угрожал насильственным обращением, избежали этой участи лишь с помощью тяжелых денежных выкупов. Однако в 1159 году под властью Альмохадов евреи снова были поставлены перед необходимостью выбирать из трех возможностей: обращение, изгнание или смерть (см. док. 94). Обращенные стали внешне мусульманами, но продолжали втайне придерживаться законов иудаизма. Относительно более терпимые Хафсиды (1228-1534) разрешили им вернуться в иудаизм при условии выплаты ими *джизьи* и других тяжелых налогов, ношения ими специальной одежды и исполнения других унижительных предписаний.

В Египте, Сирии, и Палестине султан Саладин (1169-1193) восстановил Договор Омара. В правление мамелюков (1250-1517) усилились преследования евреев и в особенности христиан. Под влиянием *зимми* каждодневным явлением стали унижения, погромы, тяжкие поборы, насильственные обращения и разрушения церквей. Однако условия существования *зимми* значительно улучшились во времена более терпимого османского режима. Султан Баязид II (1481-1512) разрешил евреям, изгнанным из Испании в 1492 году, селиться на территории империи и придерживаться своей религии. Периодические обвинения церковью евреев в ритуальных убийствах были запрещены турецкими властями Османской империи.

В Персии шах Аббас I (1588-1629), хотя и отличавшийся терпимостью, подчиняясь давлению шиитских религиозных лидеров, в конце своего правления предписал всем евреям королевства но-

шение специального знака и обязал евреев Исфахана обратиться в ислам. Его преемник, шах Сафи (1629-1642), разрешил им вернуться в иудаизм; да и христиане подвергались при нем меньшим гонениям. Однако в последние годы правления Аббаса II (1642-1666) евреи снова были принуждены выбирать между насильственным обращением и запретом на свободу религиозных отправления. Синагоги были закрыты, а обращенные должны были порывать со своим прошлым, изменять имена и выдавать своих дочерей замуж за мусульман. Армян и других христиан изгнали из Исфахана, но благодаря вмешательству папы и европейских государств их судьба была менее трагичной по сравнению с участью евреев.

В 1661 году евреям снова было разрешено придерживаться своих религиозных обычаев при том условии, что они будут платить *джизью* и выплатят ретроактивно все налоги с момента их обращения в ислам. Гонения и преследования евреев и христиан продолжались и в правление последующих властителей, за исключением нехарактерно терпимого правителя, Надиршаха (1736-1747).

Во времена династии [Каджаров](#) (1796-1925) преследования и унижения евреев возросли. Между 1834 и 1848 годами волна враждебности спала. Но евреи, подпавшие под дискриминационные законы, должны были носить отличительный знак и головные уборы; на общину была возложена коллективная ответственность за преступление каждого ее члена.

Этот короткий исторический обзор дает представление о том, как один и тот же вид репрессий может варьироваться в разных регионах и в разные времена в зависимости от тех или иных экономических и политических обстоятельств. Случалось, терпимый правитель прекращал или уменьшал преследования, но они вновь возобновлялись по требованию духовенства в периоды войн и фанатизма. Зачастую община, подвергавшаяся преследованиям в одном регионе, перемещалась в другой, отдавая себя под власть более терпимого правителя. Так, *зимми* из Персии часто находили убежище в Афганистане, а евреи Магриба и Йемена эмигрировали в Османскую империю.

Некоторые дискриминационные законы применялись повсюду, но были и такие, что соблюдались только в определенных местностях. В Йемене, например, в 1677 году был обнародован декрет, запрещающий евреям покрывать головы; спустя несколько лет им предписали прикрывать голову куском одежды для спасения от солнечного жара или холода. Декрет 1846 года, принуждавший их очищать общественные помойки и убирать павших животных, был тоже местного происхождения. Он оставался в силе вплоть до 1948 года. Предписания *зимми* ходить босиком вне своего квартала существовали только в Йемене и Магрибе. Законы, основывающиеся на положении о нечистоте неверных, были особенно строги в Йемене и Персии, но и в этих странах применялись не всюду.

Условия существования *зимми* зависели от свода законов, принятого в каждой стране. Юридические школы *ханфи* и *малики*, пользовавшиеся значительным влиянием в Турции и Египте, были более терпимы. С другой стороны, в Сирии и Ираке получила распространение наиболее фанатичная школа ханбали. Она пользовалась значительным влиянием и в Палестине вплоть до 15-го столетия.

Эта система подавления и унижения *зимми* практиковалась на значительных пространствах исламского мира в течение более чем тысячи лет. Она воздействовала на манеру поведения, традиции, образ мышления. Обычаи и привычки возникали без всякого юридического обоснования. В Магрибе, например, евреи должны были ходить босиком и носить короткую черную одежду, обнажающую ноги. Арабы считали, что этот обычай возник на религиозной основе, но Коран ничего не говорит по этому поводу.

Арабские источники, относимые к раннемусульманской эпохе, редко упоминают *зимми*. Это молчание, по-видимому, объясняется презрением, испытываемым правоверными мусульманами к низшим, по их мнению, народам и религиям (см. док. 1). Иногда, в каком-нибудь отдельном случае, упоминается коварство *зимми*, но только для того, чтобы продемонстрировать терпимость мусульман. Эти факты, если и не говорят об исторической правде, то хотя бы дают представление о направленности умов мусульман. Вот почему трагедия *зимми* не может быть выражена и описана ни исламскими авторами, защищающими свою веру, ни даже угнетенными - отверженными и готовыми

подтвердить версию победителей. Поэтому наблюдения западных путешественников, не принадлежавших ни к угнетенным, ни к правящим слоям исламского общества, могут создать более объективную картину. Хотя и в этом случае должны приниматься в расчет суеверия и предубеждения, характерные для данного периода. Вряд ли надо слишком настойчиво предупреждать читателя о предубеждениях западного человека в тех случаях, когда задеваются интересы христиан, но также и евреев, и мусульман. Все же именно эти свидетельства, несмотря на их постоянную антисемитскую окраску, дают нам наиболее ценную информацию о положении *зимми*. Пожалуй, наиболее впечатляющий рассказ о мрачном и безысходном положении *зимми* оставил Чарльз де Фуко, французский офицер и аристократ. Этот рассказ, по-видимому, и наиболее точен, как как Чарльз де Фуко должен был выдавать себя за раввина для того, чтобы иметь возможность посетить Марокко в 1883-1884 годах (хотя его неискоренимая нелюбовь к евреям и влияла на его позицию, но отношению к тем, чье гостеприимство было необходимо для его безопасности).

Зимми зачастую обвинялись в ростовщичестве. Эти обвинения в основном выдвигались против *зимми* - христиан в Египте и Сирии. Похоже, они были старше аналогичных обвинений против евреев Магриба, часто повторявшихся в период европейской колониальной экспансии.

Действительно, ростовщичество практиковалось в среде *зимми*, но именно потому, что они существовали в условиях деспотической политической системы и нестабильного экономического положения. Деньги были им насущно необходимы, и нередко именно ростовщичество давало им возможность выжить.

Европейские источники часто описывают моральную деградацию *зимми*. Вынужденные терпеть иностранное владычество, жившие в ситуации постоянной несправедливости и отсутствия безопасности, *зимми* могли сохраниться только в узком пространстве, оставленном им угнетателями, и обходя законы, воплощавшие несправедливость. Покорная униженность *зимми* дает точное представление о трагедии человека, позволяющего растоптать свою душу и разум ради спасения своей веры.

В этой главе был дан лишь исторический обзор возникновения и существования сословия *зимми*. Дело специалистов - исследовать религиозные, политические и экономические факторы, определившие те или иные особенности их жизни, усиление власти репрессивных законов в периоды фанатизма или ослабление их действия в более терпимые времена. Читатель мог бы и не согласиться с приведенным выше описанием гонений на *зимми*, осуществлявшихся на широких пространствах и течение продолжительного времени, поскольку этот перечень запретов и преследований, оторванный от породившей его исторической почвы, возможно, создает более тягостную картину, чем она была на самом деле. Для того чтобы компенсировать это впечатление, связанное во многом со спецификой самого рассматриваемого предмета, были сделаны попытки (там, где это представлялось возможным) указать на более светлые периоды, а также подчеркнуть, что положение *зимми* изменялось и варьировалось в соответствии с историческими обстоятельствами.

ИНОСТРАННОЕ ПОКРОВИТЕЛЬСТВО

Способы обращения с *зимми* варьировались в зависимости от политических обстоятельств или расположения правителя. Бывали периоды, когда власти относились лучше к одной общине и ущерб другой, а случалось, к *зимми* проявлялась терпимость, позволяющая вспомнить первых халифов. Омейяды в Испании (710-1030), Фатимиды (кроме халифа ал-Хакима) и Османы в ранний период своей экспансии предоставляли *зимми* значительную свободу и даже поощряли их продвижение по социальной лестнице. И в Египте в начале 19-го столетия Мухаммад Али (1805-1848) и его сын Ибрагим смогли утихомирить *умма* и обеспечить эмансипацию христиан. Жерар де Нерваль, посетивший Египет в 1843 году, описывал египтян как гостеприимный и добродушный народ. Очевиден контраст с исламским фанатизмом, превалировавшим в те же самые времена в Магрибе, Сирии, Персии и Йемене, что говорит об очень значительных различиях в условиях существования

зимми на территориях, подвластных исламу.

Так же, как и в сегодняшнем Иране, где муллы захватили власть, народ в течение всей своей истории слепо следовал за своими религиозными и политическими лидерами. Если они были терпимы и надлежащим образом контролировали порядок в стране, *зимми* могли пользоваться некоторой безопасностью. Но эти более светлые периоды, связанные с определенными политическими обстоятельствами, раздражали простой народ, видевший, что немногочисленные *зимми* занимают высокие должности, носят шелковые одежды и ездят на лошадях. В результате - или правители уступали давлению масс, или вслед за падением непопулярного режима на всю общину *зимми* обрушивались репрессии, и члены ее снова оказывались в прежнем униженном положении. Нередко и арабское меньшинство, избранное и приближенное правителем, презиралось большинством своих собратьев, живших в нищете и страданиях. Как известно, мусульманское население тоже страдало от вымогательств султанов, жестокости и тирании правителей. Оно угнеталось не меньше, чем *зимми*. Но все же оно находилось под охраной мощного сословия *улама* или, в крайнем случае, могло прибегнуть к вооруженному восстанию. Подобные возможности борьбы не были доступны *зимми*, не имевшим оружия. Зачастую арабские правители эксплуатировали своей народе помощью *зимми*, занимавших высокие посты. Эти *зимми*, более зависимые, нежели мусульмане, проявляли и большую лояльность по отношению к властям. И народ мстил правителям, вымещая свою злобу на *зимми* и обнаруживая тем самым политические и экономические мотивы своего поведения.

В предыдущей главе была вкратце описана юридическая структура отношений между мусульманами и немусульманами, а также тот род терпимости, который власти гарантировали *зимми* в пределах данной структуры. Христиане, находившиеся под властью ислама, иногда извлекали выгоду из протекции, оказываемой им христианским миром. Следует иметь в виду, что если ислам контролировал свои святы места - Мекку и Медину, ID географические и культурные ареалы, связанные с возникновением христианства, оказались в руках иностранных завоевателей. Так как необходимость сохранять постоянный контакт со Святой Землей была насущной потребностью христиан, защита паломников и владений христианской церкви являлись постоянной заботой Запада. Так, в обмен на важные услуги, предоставлявшиеся султанам, и постоянные подарки христианские страны смогли добиться от мусульманских властей обеспечения относительной безопасности паломников, посещавших святы места, а позднее - облегчения некоторых запретов, накладываемых на христиан *зимми* - таких, например, как запрет на обновление старых церквей и возведение новых. [Фирманом](#), датированным октябрём 1596 года, Франция получила от Высокой Порты заверения в том, что отныне христианские паломники не будут подвергаться притеснениям. Не будут делаться также попытки насильственного обращения их в ислам. В следующем году по требованию короля Франции Генриха IV султан отменил постановление о заключении в тюрьму монахов и священников Святой Земли и о превращении храма Гроба Господня в мечеть.

Однако мусульманские официальные лица постоянно обследовали церкви, желая убедиться, что никакие новшества не были сделаны без их ведома, и всегда находили повод для денежных вымогательств у служителей церкви. Господину де Боннаку, французскому послу в Константинополе, удалось с помощью ["Капитуляций"](#) 1740 года свести эти неприятные визиты к одному разу в год и получить разрешение на починку церквей по требованию посла. После сорока лет переговоров этот же посол приобрел право починки крыши храма Гроба Господня. В течение столетий Византийская империя, европейские страны и Россия пытались взять под защиту местные христианские общины. Бюджеты консульств христианских стран тяжело страдали от необходимости постоянного вручения подарков или значительных денежных сумм местным властям. На этом настаивали сами власти, так как иначе они от-казывались уважать ранее подписанные соглашения, постоянно находившиеся под угрозой отмены.

Экономическая и политическая защита

В дополнение к защите религиозных интересов иностранцев развивался и экономический протекционизм. С самых древних времен установились торговые связи, охватывавшие все средиземноморское побережье и способствовавшие распространению эллинистической и иудео-христианской культуры. Хотя арабская экспансия и затруднила эти процессы, она, тем не менее, не прекратила их.

Здесь не место рассматривать историю зарождения европейских коммерческих торговых компаний, разрешенных в соответствии с "*Капитуляциями*". С учетом статуса неверных в исламских странах и постоянных войн необходимо было вывести иностранных торговцев из-под юрисдикции местных законов, то есть законов, применявшихся к *зимми*. Эти иностранные торговцы пользовались статусом экстерриториальности и подчинялись юрисдикции своих стран, осуществление которой находилось в руках консулов. Торговцы жили вместе, объединялись в *ханы* и *фундуки*, чьи двери ради безопасности плотно закрывались на ночь. Им было запрещено жениться на местных *зимми* и иметь какие-либо, кроме коммерческих, отношения с мусульманами.

Первые "*Капитуляции*" (1535) носили в основном экономический характер. Консульская защита распространялась на некоторых персон, отправление церковных обрядов, а также на торговлю и морские перевозки; она гарантировала также налоговые и юридические привилегии. Кроме представителей своих наций, консулы защищали также не некоторых торговцев-иностранцев, не имевших консульской защиты на Востоке, а также евреев испанского происхождения - в обмен на значительную плату от лиц, приобретающих лишь определенные права, а не все привилегии, доступные другим торговцам.

Так как евреи рассматривались как нация без страны и, следовательно, без представительства, европейские консулы продавали свою защиту не которым из них. Хотя последние и получали значительные выгоды, эти соглашения ни в коей мере не были мотивированы со стороны дипломатов лишь гуманистическими соображениями. Действительно, коммерческие, а позднее и политические мотивы вели к тому, что число лиц, отдававших себя под чью-то консульскую защиту, постоянно возрастало. В Леванте евреи иногда поощрялись к принятию протекции консулами тех стран, чьи законы относительно них в самой Европе оставались дискриминационными, эти евреи, стремясь избавиться от своего нестабильного положения, соглашались добровольно на специальные денежные подношения, что давало им особый статус в сравнении с другими торговцами, осуществлявшими свою коммерцию в рамках статей "*Капитуляций*"; размер таких подношений ограничивался лишь личными аппетитами консулов, бравших торговцев под свою защиту. Торговцы-христиане и другие протеже, находившиеся в сложных отношениях с себе подобными, искали пути изгнания евреев. В основе враждебности лежали предубеждения и алчность; евреи благодаря знанию языков и наличию широких контактов были серьезными конкурентами.

В 1731 году французский консул в Алеппо протестовал против дополнительных поборов с евреев: Сели местные евреи, находившиеся в течение 25 лет под протекцией короля, должны будут лишиться ее, эта потеря обяжет нас значительно увеличить налогообложение торговых корпораций "Ахиллес", что приведет к лишению их многих преимуществ, а также ухудшит положение местных торговцев. Евреи часто жаловались на несправедливое обращение с ними консулов по сравнению с другими торговцами. Однако они обладали мощным оружием: это была угроза найти протекцию у другого консула, что привело бы - с помощью денег и деловой активности - к усилению той нации, к которой принадлежал их новый покровитель. Другие торговцы, с большой неохотой терпевшие евреев-конкурентов, пытались унижить их. На публичных церемониях, на которые, согласно тщательно составлявшемуся протоколу, приглашались послы, консулы, переводчики, именитые иностранцы и их местные протеже, евреи всегда находились на последнем месте. Их присутствие было всегда предметом обсуждения у христианских торговцев, требовавших полного исключения евреев из всех общественных церемоний. Консулы, однако, оставались непреклонны. В 1738 году в Салониках евреи допускались на публичные церемонии по следующим соображениям:

Господин де Вильнев отвечал, что не в интересах христианских торговцев Салоник, если протеже-

евреи будут сопровождать его во время вызовов к лицам из официального окружения султана. Евреям будет разрешено войти в конце приема, ибо это может оказать хорошее воздействие на них, удерживая их под французской протекцией, от которой не рекомендовано им под любым предлогом удаляться.

В 1743 году торговцы Алеппо, поддержанные Марсельской торговой палатой, потребовали не допущения евреев к официальным визитам. Посол писал министру:

Я удивлен, что торговая палата находится под влиянием капризов христианских торговцев Алеппо и не учитывает своих собственных интересов, заключающихся в том, чтобы щадить иностранцев. Ибо, если они будут искать другой протекции, уменьшатся собираемые с них налоги.

Христианские торговцы из Алеппо, однако, преуспели в своих требованиях, и евреи больше не допускались на официальные церемонии.

В 1770 году еврейские общины Каира и Александрии были уничтожены вследствие интриг сирийских христиан, заинтересованных в поражении конкурентов. Следует упомянуть, что некоторые евреи находились под протекцией венецианцев, но для поддержания своих отношений с консулами они должны были платить значительные суммы в казну мусульманских властей: договоры и "*Капитуляции*" не всегда предохраняли иностранных граждан и лиц, находившихся под протекцией, от алчности местных правителей. При чтении консульских отчетов и воспоминаний современников остается впечатление, что эти соглашения чаще нарушались, чем уважались. Это можно увидеть и из следующей истории.

В 1748 году, когда французский консул пытался решить вопросы, связанные с действием "*Капитуляции*", Великий визирь Османской империи реагировал так: он позволил негру смахнуть документ на пол. Когда один из его чиновников поднял этот документ. Великий визирь положил его па то же место, но придавил кошельком, наполненным деньгами. Затем, повернувшись к послу, он сказал:

Видите, как можно придать вес "*Капитуляциям*", чтобы ветер снова не унес их прочь. Консульская защита распространялась и на *зимми*, работавших зачастую при консульствах в качестве переводчиков и выполнявших другие официальные функции. Но и эти *зимми* в качестве подданных султана были обязаны носить специальное платье и платить *джизью* - символ унижения. Их оскорбляли на улицах и постоянно унижали. Иногда султан или паша, недовольный консулом, брал реванш, отдавая приказ выпороть, заколоть или повесить работающего в консульстве христианина-переводчика. Поэтому консулы пытались вывести своих *зимми* из-под контроля местной юрисдикции. Эта защита местных *зимми* служила источником постоянных трений между консулами и турецкими властями, настаивавшими на уплате налогов их подданными *зимми*. Протеже, со своей стороны, для подтверждения своих привилегий должны были получить за плату специальные документы от султана и консула; продажа их была прибыльным делом для консула, и султан также искал любую возможность нажиться на торговле ими.

Уже отмечалось, что немусульмане стояли в центре конфликта между алчностью правителей и фанатизмом масс, а эта ситуация вела к тому, что *зимми* вынуждены были прибегать к хитрости и коварству. Если рассматривать конфликт, как противоборство между *дар ал-харб дар ал-ислам*, то можно сказать, что *зимми* снова оказались в самом центре борьбы. Рост числа евреев-протеже давал иностранным правительствам в исламских странах двойное преимущество. Во-первых, с помощью протекции приобретались коммерческие привилегии, что шло на пользу экономике; во-вторых, иностранные консульства могли оказывать влияние на политику мусульманских правительств. Европейские политики осознали, что дискриминация *зимми* дает им возможность вмешиваться во внутренние дела исламских стран и осуществлять свои политические и экономические интересы; *зимми* же, со своей стороны, чувствовали, что единственным способом освободиться от униженного состояния было стать под защиту европейских представителей. Евреи и христиане, искушаемые предложениями консулов, искали покровительства, теоретически охранявшего их от вымогательства, а также от противоречивого и непредсказуемого местного правосудия. И в то же время они

становились пепельными инструментами европейского проникновения на Восток. *Зимми* видели в статусе "протеже" первую степень на пути к эмансипации. Но так как эмансипация способствовала усилению влияния христиан в *дар ал-ислам* и вступала в противоречие со статусом *зимми*, это стремление вызывало усиление враждебности мусульман по отношению к *зимми*.

Консульский протекционизм в Леванте распространялся, начиная с 16-го столетия, в основном благодаря политическому прагматизму и экономическим притязаниям правителей Османской империи. Хотя этот процесс и стимулировал торговлю с Западом, он становился также причиной многих политических злоупотреблений. Однако постоянные и упорные попытки нескольких поколений консулов разных стран ослабить пути *зимми* не проходили даром; поэтому в 1856 году ряд европейских правительств мог уже потребовать упразднения статуса *зимми* по всей Османской империи.

Защита, распространявшаяся на меньшинства, отражала также взаимную борьбу европейских конкурентов (см. док. 53). Так, на Мадридской конференции 1880 года британский делегат сэр Джон Дрюмон Хэй, пытаясь уменьшить коммерческую активность Марокко и некоторых европейских государств, поддержанный султаном (хотя у султана были другие мотивы), предложил, чтобы существующая система европейского протекционизма в Марокко была упразднена. В результате еврейские купцы, чьи действия во многом способствовали росту торговли в этом районе Средиземноморья, были поставлены в такое положение, из-за которого торговля между Марокко и враждебными Англии государствами значительно ослабла. Британский дипломат скрывал политические мотивы своих предложений за внешне резонными утверждениями. Он настаивал на том, что предоставление равных с иностранцами нрав евреям, находящимся под иностранной защитой, так оскорбит мусульман, что в отместку они могут захотеть уничтожить тысячи ни и чем *in*-повинных мужчин, женщин и детей.

Проблема протекционизма стала в центре политической жизни Марокко не потому, что евреи здесь подвергались большей дискриминации, чем в других местах (условия их жизни были столь же плохи в Персии и Йемене, а также в районах Триполитании и Ирака), но в основном из-за быстрого роста коммерческих связей между Марокко и Европой. Эта система могла быть уничтожена лишь с установлением равных прав для всех подданных султана и законности свидетельств евреев и христиан в исламских судах. Но любая попытка таких реформ неизбежно вела к росту гнева фанатиков и мятежам; практически мстили тем, кому султан (под воздействием европейцев) обязывался оказывать покровительство. Этот фанатизм способствовал сохранению системы протекционизма. Поскольку любое изменение *зимми* могло вести к ответному удару *умма* против общины *зимми*, проблема казалась неразрешимой.

В конце 19-го - начале 20-го столетия появились сочинения, критически настроенные по отношению к *зимми* и сочувственно по отношению к арабам. Это был период колонизации Северной Африки, когда европейские и левантийские переселенцы, искатели приключений и торговцы хлынули и Магриб и восточно-средиземноморские страны. Конфронтация между этими амбициозными иностранцами, воспитанными в духе европейского антисемитизма, и местными евреями, чьи экономические позиции значительно улучшились сначала в результате смягчения *зимми*, а позднее - ее отмены, была весьма сильной и глубокой. Эти сочинения изобиловали явными противоречиями; в них обычно превозносились терпимость и великодушие местных властей, улучшивших положение *зимми* (будто незначительные свободы, предоставленные *зимми*, заслуживали столь громких похвал). Фактически же эмансипация *зимми*, к которой призывал Запад, была очень длительным процессом. Он далек от завершения еще и сегодня.

Европейский протекционизм и значительной мере влиял на политическую, социальную и экономическую ситуацию *зимми*. Одной группе отдавалось большее предпочтение в сравнении с другой - в соответствии с размерами влияния покровительствующей европейской страны на султана. В результате к началу 20-го века положение христиан улучшилось благодаря протекции ряда европейских стран и России, тогда как социальная ситуация евреев, в сравнении с положением

христиан и армян, в Персии, например, ухудшилась, а также - в Сирии, Палестине и Египте. Посредством системы протекционизма Европа развивала свою торговлю, а позднее отстаивала свои колониальные интересы. Для возрастания численности протеже миссионерами были созданы госпитали, монастырские гостиницы и школы; поощрялся прозелитизм, хотя в 19-м столетии не всегда существовала координация между действиями церкви и светской политикой европейских государств. Миссионерское рвение выводило из себя религиозных лидеров *зимми* и заставляло обращаться за помощью к мусульманским авторитетам. В начале 20-го столетия большое число христиан-несториан в Азербайджане приняли греческую православную веру для того, чтобы обеспечить себе покровительство России. Здесь следует упомянуть о деятельности "Лондонского общества по распространению христианства среди евреев", посылавшего обращенных в христианство евреев в некоторые уязвимые еврейские общины. Имея в своем распоряжении значительные средства, это общество распространяло переводы Нового завета на иврит, арабский, идиш, а также и обеспечивало госпитальями, школами и мастерскими своих протеже.

Могли бы народы *зимми* совершенно исчезнуть в процессе арабизации и исламизации без защиты и вмешательства европейских государств? В Йемене, где европейское влияние никогда не ощущалось, в начале 20-го века еще существовали еврейские общины, но член одной из этих общин описывал условия их существования в терминах, более подходящих для описания жизни животных, нежели для описания жизни человеческих существ. Евреи и самаритяне были, можно сказать, искоренены в городах и селениях Палестины. То же относится и к армянам на их бывшей родине, и к многочисленному христианскому населению Ирака. Трудно точно учесть степень влияния Европы на эволюцию народов *зимми*, но помогая Греции, балканским странам и Ливану завоевывать национальную независимость, Европа открывала тем самым новые возможности и для других поработанных народов.

Западное влияние породило две противоборствующие тенденции: оно препятствовало уничтожению народов *зимми*, но в то же время подогревало мусульманский фанатизм, приводивший к кровавой резне *зимми*, поскольку контракт "терпимости" между ними и *умма* больше уже не существовал. Так (как это ни покажется парадоксальным) западное влияние иногда способствовало уничтожению целых общин *зимми*, подвергавшихся погромам и изгнанию в результате подъема националистических чувств мусульман, стимулировавшихся европейской колониальной политикой.

Межрелигиозные отношения

Правление арабов, сменившее византийскую теократию, утверждало свою власть над народами, отличавшимися религиозной нетерпимостью. Система легализованного преследования, сегрегации и унижений была уже создана православной церковью, истинным творцом будущей *зимми*. Кодекс Феодосия и кодекс Юстиниана (534) представляли собой гармоничную и хорошо организованную юридическую систему, оправдывавшую преследования язычников, еретиков и евреев на всей территории Византийской империи. Эти законы изучались и интерпретировались в академиях, судах и школах. Многие имперские чиновники, ответственные за исполнение этих законов, позднее способствовали включению их в юридическую практику завоевателей; кстати, стремление христианских правящих классов сохранить свою доминирующую роль в обществе было главной причиной их обращения в ислам. Таким образом, византийские законы, прежде действовавшие при иной системе ценностей, перешли в исламское законодательство. Обе системы, однако, покоились на одном и том же: власть религии является доказательством ее истинности, а униженность других религий свидетельствует об их лживости. Ирония истории состоит в том, что на территориях, подпавших под власть ислама, ислам оказался способен использовать для разрушения восточного христианства ту самую систему подавления, которую создала и довела до совершенства византийская церковь. Вводя антиеврейское законодательство, отцы церкви - бессознательные агенты истории готовили почву для разрушения восточного христианства. И точно так же, как церковь доказывала превосходство своей догмы, унижая иудаизм, так и ислам в свою очередь утверждал свое собственное превосходство, унижая церковь. Чем больше были унижены враждебные вероучения,

тем ярче истина одержавшей победу веры, поддержанная земной властью, подтверждала волю Аллаха.

Сходные законоположения существуют в статьях, относящихся к обладанию рабами, прозелитизму богохульству, вероотступничеству, богослужению, обращению (включая детей), социальной сегрегации, запрещению смешанных браков, неприятию свидетельских показаний *зимми* и исключению их из службы в административном аппарате. Законы бывшей Византийской империи постепенно стали определяющими в положении *зимми*. Арабские завоеватели добавили *джизью* и подушный налог, тогда как на практике жизнь *зимми* уже подчинялась определенным правилам и предписаниям.

В конце концов эти унижительные законы достигли высокой степени изощренности.

Соответствующие правила предписывали цвет и вид одежды *зимми*, прическу, а иногда и форму обуви. Предписания относились к типу животных, на которых *зимми* могли ездить, способу сиденья на них и виду седел, которые им разрешалось использовать. Предписывалась манера их поведения на улице, способы общения с ними и т.д. С другой стороны, *зимми* обладали, хотя и ограниченной, юридической и социальной автономией, доставшейся им в наследство от римского и византийского права.

В раннеисламский период арабские завоеватели - в разных частях Византийской империи - для достижения своих целей вступали в союз с евреями, самаритянами и христианскими группами, подвергавшимися угнетению византийской православной церковью. Завоеватели знали, как использовать их разобщенность для того, чтобы, применяя принцип "разделяй и властвуй", привлекать одних, а других низводить до ничтожного уровня. Не должны быть забыты ни роль, которую мусульмане играли в качестве арбитров и защитников в спорах между немусульманскими общинами, ни несправедливости, чинимые мусульманами *зимми*.

Арабское завоевание изменило позицию православной церкви. Она превратилась из угнетателя в угнетаемого. Даже хуже, она была поставлена в то же униженное положение, в которое раньше ставила тех, кого она преследовала. Бывшие угнетатели теперь как бы оказались в одной упряжке со своими бывшими жертвами, но прежняя ненависть, хотя и более скрытая, продолжала жить между ними, а также (в разных формах) между отдельными направлениями внутри самой православной церкви.

Одинаковые несчастья мало способствовали примирению различных общин *зимми*. Напротив, их деградация лишь усиливала взаимную враждебность. В унижении евреев византийская православная община видела отраженным свой собственный образ - образ вдвойне болезненный, поскольку он был порождением политики самой православной церкви. Что касается евреев, то ислам, хотя и более терпимый поначалу, продолжил политику угнетения, во многом подобную той, от которой они уже страдали под властью Византийской империи. Для них, по сути дела, ничего не изменилось, если не считать перемены в положении их заносчивого владыки. Они разделили общее страдание, которое должно было продолжаться до тех пор, пока сохранялась *зимми* и породившие ее условия.

Факторы, способствовавшие политическим манипуляциям

Анализ тонких и сложных взаимоотношений, в течение столетий существовавших между различными общинами *зимми*, не входит в задачу данного исследования. Переплетение вражды, заискивания, иногда - дружбы и преданности в общинах образует самую ткань многовековой истории *зимми*. Например, когда копты Каира в 1343 году подверглись угрозе предания смерти за выход на улицу, евреи одалживали им свои (дискриминационные!) одежды, и лишь благодаря этой маскировке, заимствованной у другой угнетаемой общины, те могли покинуть свои дома. В 1853 году итальянский путешественник Бенджамен описал добрые отношения между евреями и армянами в Курдистане. В 19-м столетии евреи и христиане Туниса часто объединялись вместе, протестуя против фактов несправедливости по отношению к ним. Шейх Мерва приглашал к себе жить некоторых евреев Метода, насильно обращенных в мусульманство, и разрешал им вернуться в прежнее вероисповедание. Во время погромов в Дамаске в 1860 году некоторые мусульмане пытались спасти

христиан, в особенности эмир Абд ал-Кадир, и евреи скрывались в домах мусульман (см. док. 45, 46, 47). Многочисленные примеры солидарности между представителями различных угнетенных групп, так же, как и помощи им со стороны мусульман, потребовали бы отдельной монографии. Здесь были перечислены лишь некоторые постоянные факторы, не только способствовавшие угнетению *зимми*, но и делавшие их объектами интриг и манипуляций.

Выбор духовного лидера каждой общины *зимми* должен был быть ратифицирован халифом или правителем. Продажность властей зачастую была причиной прихода к власти наиболее коррумпированных элементов из среды *зимми*, так что моральный и культурный уровень общин падал, дискредитируя их не только в глазах *умма*, но и среди своих христианских судов никоим образом не подразумевало отмену *зимми*, основой которого считались священные тексты "Сунны". Эти люди, чьи таланты эксплуатировались их хозяевами и притеснителями, но, тем не менее, с помощью взяток старавшиеся обходить некоторые запреты, были аномальны в ситуации постоянной несправедливости и неравенства. Явное противоречие между их фактически привилегированным положением и легальным статусом провоцировало взрывы народного фанатизма. Не будучи узаконенным исключением из правила, существование самостоятельных судов *зимми* былое точки зрения исламского духовенства нечестивостью, ересью, опасной для *умма*. Несмотря на наличие своих внутриобщинных судов, евреи дир ал-ислам оставались презируемым источником рабочей силы, привлекаемым постоянно к принудительному труду. Уязвимые, окруженные *умма*, они выполняли полезную функцию козлов отпущения. Метеорический взлет по ступеням социальной лестницы нескольких человек, а затем их еще более впечатляющее падение, за которым следовало неизбежное коллективное наказание целой общины, не изменяло ни дискриминационных законов, ни бремени угнетения, возложенного на целый народ. Более того, власть, приобретенная некоторыми евреями *зимми* и запрещенная религиозными законами *умма* (а еще раньше - византийскими кодексами законов), лишь увеличивала враждебность к евреям. В 1856 году, когда султан гарантировал равноправие меньшинствам своей империи, некоторые христианские лидеры протестовали, потому что евреи получили одинаковые с ними права.

Вполне возможно, что роль евреев как посредников в проведении политики мусульманских властей привела к крайним формам антиеврейских гонений в период реконквисты в Испании, и Греции в 19-м столетии и в других балканских странах. Во время войн за независимость в балканских провинциях Османской империи еврейские общины и силу своей уязвимости страдали от преследований христиан, что приводило иногда к протестам султана и его попыткам защищать своих бывших подданных.

Экономическое и религиозное соперничество

Эмансипация и освободительные движения в Османской империи на протяжении всего 19-го века возбуждали ненависть мусульман к христианам, провоцируя многочисленные погромы греков, славян, маронитов и армян. Более слабые, униженные и по необходимости аполитичные еврейские общины были пощажены. Им даже оказывались некоторые знаки благосклонности турками, желавшими выглядеть либеральными в глазах своих европейских союзников. Это политическое неравенство наряду с экономическими достижениями еврейской элиты еще больше увеличивало межобщинное напряжение.

В профессиях, служивших полем соперничества *зимми* разных общин, религиозная враждебность усиливалась из-за экономической борьбы между ними. Она проходила тем ожесточеннее, чем меньше были размеры рынка и чем больше была зависимость от прихотей поощрявших коррупцию деспотов.

Именно соперничество между общинами *зимми* лежит в основе обвинений в ритуальном убийстве евреев Дамаска в 1840 году со стороны сирийских христиан и французского консула Ратти-Ментона. Позднее установился тесный контакт между эмансипированным европейским еврейством и еврейскими общинами Востока и Северной Африки, что совершенно изменило их внутреннюю структуру.

Начиная с 1860 года и далее, неутомимые представители "Альянс Исраэлит Универсаль", а с 1872 года члены "Англо-еврейской ассоциации" сделали своей главной задачей эмансипацию еврейских общин Северной Африки и Леванта. Значительное количество сохранившихся писем и отчетов дают нам свидетельство не только упадка и несчастий, но также и высоты духа этих угнетаемых общин. В последние десятилетия 19-го века европейское еврейство с помощью консулов смогло несколько улучшить баланс сил между евреями-*зимми* и христианами, относящимися к той же категории. Но различия по-прежнему сохранялись. *Зимми*-христиане, вступившие на путь эмансипации раньше, пользовались протекцией европейских государств как на национальном уровне (например, создание школ и политических институтов в Ливане), так и на уровне отдельных индивидуумов, благодаря существованию множества миссионерских учреждений. Более многочисленные и экономически более мощные, нежели евреи, они содействовали увеличению традиционной мусульманской юдофобии. Медленная экономическая эмансипация евреев подогревала старую вражду, порождая современную форму восточно-христианского антииудаизма, против которого евреи могли защищаться в пределах своих ограниченных возможностей.

Восточное еврейство пользовалось поддержкой европейского еврейства, которое само лишь относительно недавно вступило на путь эмансипации, после чего стало объектом современных форм политического и экономического антисемитизма. И ниже слабость евреев в сравнении с силой христианских общин была уравновешена постоянным стремлением евреев к защите своего достоинства и получению образования. Сохранились свидетельства путешественников, отмечавших эти характерные черты даже у членов наиболее униженных общин. Начиная с 1840 года, эти стремления стали достижимой целью. Моральное и культурное возрождение превращалось в явь. Если справедливость и не восторжествовала во время Дамасского дела, то несправедливость, как минимум, была ограничена. Народ, насильно принужденный жить в унижении и невежестве, начинал теперь видеть свет в конце тоннеля.

Если внешне борьба за эмансипацию еврейских и христианских общин и кажется сходной, способы борьбы были различны; одинаковой была лишь реакция их общего угнетателя. Формы давления, применявшиеся к той и другой общине, были также различны. Христианские нации могли применять политическое давление, поддерживаемое военной силой, тогда как евреи Европы (а позднее США) могли апеллировать только к этическим принципам, разоблачая действия фанатиков перед общественным мнением западных стран через парламенты и европейскую прессу. Эксцессы фанатизма дискредитировали мусульманские режимы или христианское священство, если оно несло за них ответственность. То ли по необходимости, то ли из чистосердечного убеждения - трудно разделить эти две побудительные причины - власти принимали меры, пресекавшие расистские и религиозные преследования. Церковные лидеры не поддерживали обвинений евреев в ритуальных убийствах, а также другие публичные антисемитские выступления, в особенности распространенные среди греческих православных общин; мусульманские политические вожди издавали эдикты, защищавшие национальные меньшинства. После 1880 года со стороны еврейских организаций Франции и Англии в сотрудничестве с консулами этих стран предпринимались неоднократные попытки гарантировать евреям - и в конце концов всем угнетенным меньшинствам - возможность эмансипации, первоначально предоставлявшуюся только *зимми*-христианам. Хотя власти Османской империи и опубликовали эдикты Гюльхана (1X39) и Хумаюна (1X5()), провозглашавшие терпимость, они не имели никакой силы, когда дело касалось евреев.

Эти попытки установить религиозное равенство в Османской империи осуществлялись только на самом высоком уровне. Главная же задача - заставить правителей областей действительно уважать предписания султана - не была выполнена. Турецкие власти, сами находившиеся в меньшинстве, зачастую не могли проводить в жизнь реформы по либерализации статуса *зимми* из боязни оттолкнуть от себя простых людей, убежденных в своей правоте и привыкших к своему, ставшему традиционным, доминирующему положению в обществе. Неспособные контролировать действия враждебных кланов или уменьшить общие размеры коррупции и отсутствие безопасности в

провинциях, центральные власти нередко оставляли меньшинства на произвол тирании местных правителей или племенных вождей. Впоследствии установление контактов с Европой породило серьезное напряжение и поставило все общины *зимми*, хотя и противостоящие друг другу, в оппозицию к традиционным установлениям *зимми*, освящавшим узурпацию их территорий и их униженное положение. Борьба велась одновременно несколькими общинами *зимми* - но в обстановке отсутствия единства, ненависти и соперничества, приводившей к предательским союзам с властями, эта ситуация могла быть на руку только их общим угнетателям.

Национализм

В начале 20-го столетия конкуренция между движениями за политическую эмансипацию евреев, с одной стороны, и арабоговорящих христиан, с другой, еще больше сказалась на их отношениях, и до того весьма сложных. У этих движений, выражавших себя соответственно в сионизме и в арабизме, был общий враг - панисламизм.

Христианское направление арабского национализма во второй половине 19-го столетия возникло в результате влияния арабского империализма и стремления христиан - *зимми* к эмансипации. Провозглашая себя проводником арабизма, Франция преследовала цель превратить в свои колонии территории Османской империи. Она стремилась также ослабить экономическое и политическое влияние Великобритании. Идеологическая и стратегическая поддержка Францией автономии арабских провинций, входивших в состав Османской империи, вряд ли отличалась по своей мотивации и методам от действий других современных ей империалистических стран. Стремление арабо-говорящих христиан к эмансипации использовалось, чтобы дискредитировать и ослабить Турцию и привести к успеху французскую колониальную политику. Россия точно так же оправдывала свой захват турецких и персидских провинций тем, что турки преследуют православных христиан, а Великобритания скрывала поддержку евреям и позднее сионистскому движению, чтобы осуществлять контроль над Палестиной.

Другое направление христианского национализма было связано с движением за эмансипацию. По сути своей религиозное, оно поощрялось клерикальными кругами и миссионерскими институтами, находившимися под французским влиянием или принадлежавшими Франции. После христианских погромов в Сирии, Ливане и Наблусе (Палестина) это движение поставило своей задачей заменить религиозную концепцию *умма* концепцией секулярной арабской нации. Конечно, эта идея не отличалась новизной. Это был арабский эквивалент османизма, вдохновлявшегося Великобританией, который в 19-м столетии пытался предотвратить упадок Османской империи, интегрируя многочисленных *зимми* в структуре османского национализма. Другими словами, религиозный империализм пытался восстановить свое влияние в пределах современной националистической идеологии, трансформируясь в секулярное османское националистическое движение.

Вдохновленные западной либеральной идеологией, турки пропагандировали равенство всех подданных империи. Так они вступили в бескомпромиссный конфликт с теократической политикой *умма*, оправдывавшей дискриминацию покоренных народов. Но османизм проглядел один из фундаментальных аспектов этнических восстаний народов, их движения за религиозную эмансипацию были по сути дела войнами за национальное освобождение. Борьба сербов, румын, болгар, греков, армян и евреев была скорее борьбой за свою землю, свой язык, свою историю и культуру, а не просто отстаиванием своей религии, к которой власти относились терпимо. Этот же самый территориальный и культурный османский империализм был в свою очередь воспринят панарабистами и по сходным мотивам арабским империализмом, распространившим с помощью завоеваний свою власть на неарабские территории и подавлявшим другие народы и культуры. *Зимми - христиане*, пытавшиеся эмансипироваться внутри арабского националистического движения, позднее столкнулись с дилеммой: арабские духовные идеалы, связанные с исламом, оправдывали те дискриминационные законы *зимми*, от которых они пытались освободиться с помощью арабизма. Это движение арабского ренессанса, в котором христиане принимали активное участие, содержало в себе семена исламского ренессанса, отрицавшего "Запад", его ценности, его

секуляризм и прокладывающего дорогу грядущему восстановлению статуса *зимми* для евреев и христиан.

Недавний распад Ливана связан именно с этой дихотомией внутри арабского национализма: с одной стороны - требование эмансипации христиан, и с другой - попытки сохранить дискриминацию *зимми*. Поскольку марониты никогда не хотели или не были способны определить ясно свои требования, они вместе с другими христианскими общинами в наши дни оказались вовлечены в конфликт с *умма*, возобновленный уже внутри самого движения арабизма. Борьба восточных христиан за эмансипацию создала трагический круг страданий и унижений, заканчивающийся в том же месте, откуда и началось движение: восстановлением обновленной *зимми*. А примитивный антисюицизм христианской ветви арабского национализма - в особенности среди приверженцев православия - может быть объяснен их религиозной принадлежностью и тем, что они существовали на протяжении многих столетий в условиях незащищенности и нестабильности, провоцировавших всевозможные манипуляции мусульманских властей.

Прежде чем завершить этот короткий обзор межобщинных отношений в течение 19-20-го столетий, необходимо сделать три замечания. Первое касается условий жизни евреев, народа без земли, находившегося в изгнании, рассеянного среди других народов. Вследствие последнего обстоятельства он стал жертвой конфликта между исламом и христианским миром. Второе замечание касается характера самого процесса образования независимого еврейского государства - Израиля - в сравнении с эксцессами фанатизма, сопровождавшими реконкисту в Испании, войны за независимость греков, балканских народов, а в недавние времена - борьбу за независимость самих арабов. Третье замечание состоит в одной исторической параллели: применение *джихад* против армян в начале 20-го столетия послужило моделью геноцида против евреев. Немцы, союзники турок в Первую мировую войну, наблюдали попытку ликвидировать целый народ, боровшийся за свою независимость. Они видели, как гражданское население загонялось в церкви и сжигалось заживо, они видели людей, массами отправлявшихся в лагеря; они видели, как армян предавали смерти, превращая в груды золы, или как их заставляли под конвоем идти и рыть могилы самим себе, или как их бросали в пустыне, или снова, как столетия назад, продавали в рабство арабским племенам и принуждали принять ислам. После того, как 1 ноября 1914 года султан провозгласил *джихад* против армян, у правительств Германии и Австро-Венгрии не могло быть сомнений в том, что местное мусульманское население Анатолии, Армении, Ирака и Сирии примет активное участие в окончательном решении армянского вопроса". И они видели паралич европейских государств, вполне осведомленных о кровавой резне, о которой сообщали газеты всего мира.

Этот исторический урок вспомнится в следующем поколении, когда Гитлер приступил к планированию еврейского геноцида со всей той изощренностью, что была ему доступна благодаря технике наших дней. Не составляет труда заметить параллели в поведении жертв, убийц и тех, кто был пассивным наблюдателем этих событий. Достаточно вспомнить караваны послушных армянских обывателей, полагавших, что их транспортируют и места временного пребывания, тогда как на самом деле их доставляли к месту гибели. Жертвы разделялись в соответствии с конечной целью: немедленная смерть или рабство, выкуп или проституция. Дети служили в качестве живых мишеней. Все это указывает на сходство в коллективном поведении народов при повторении одних и тех же исторических обстоятельств.

ЭМАНСИПАЦИЯ

Европейский протекционизм связан с движением за эмансипацию *зимми*, так как он не только вдохновлял идеологически, но и давал практическую поддержку стремлениям *зимми*, причем, если было необходимо, даже военной силой. Идеологически эмансипация имеет своим истоком "Декларацию прав человека" в качестве принципов национального самоопределения. В своей наиболее радикальной форме это движение стало борьбой за национальное освобождение народов *зимми*.

Эмансипация *зимми* подразумевает фундаментальную трансформацию ценностей. Выдвинулась

новая концепция; понятие "прав" заменило прежнюю концепцию "терпимости", бывшую порождением иерархических отношений между высшими и низшими; эта концепция создавала и поддерживала ситуацию неравенства. Права отнять нельзя, но терпимости, базирующейся лишь на доброй воле, можно лишиться по прихоти правителя. Права гарантируют достоинство и безопасность, но терпимость без прав, порождает коварство, интриги и коррупцию со стороны угнетенных, как единственное средство самосохранения в условиях постоянной опасности. В исламских общинах 19-го века, где неравенство между *зимми* и мусульманами еще являлось нормой, концепция нрав и равноправия представлялась исламским традиционалистам подрывной ересью, распространявшейся христианским миром для того, чтобы подорвать и ослабить ислам. Знакомство с западными идеями свободы личности порождало в Османской империи острые религиозные и политические проблемы. Введение реформ, в особенности равенства религий, на котором настаивала Европа в обмен на военную и технологическую помощь, вело к конфликту между правительством и религиозными кругами. И действительно, эмансипация *зимми* составила важную часть в процессе сотрудничества и взаимодействия культур. Эти модифицированные отношения создали фермент социальной, политической и идеологической революции. Традиционная концепция постоянной войны должна была уступить место мирным отношениям, благоприятным для принятия реформ и идей. А последняя уже не могла рассматриваться исключительно с точки зрения презрения и ненависти. Оправдание открыло путь эмансипации *райи*. Однако этот процесс неизбежно вел к территориальным конфликтам из-за того, что "терпимые" религии были в основном религиями наций, лишенных своей родины. Поэтому внутренняя логика *джихада* была несовместима с религиозной эмансипацией. Постоянная война, козни и подчиненное положение образовали три взаимосвязанных и нераздельных принципа, подразумевающих экспансию и политическую доминацию *умма*.

Консульская корреспонденция и дипломатические отчеты из Османской империи этого периода дают наглядные каждодневные примеры этой ситуации. Османская империя - не исключение. Подобная политическая модель внушает подозрения повсюду, где бы она ни возникала. *Улими*, хранительница традиционных политико-религиозных ценностей, разжигала фанатизм народа. Мотивация этих восстаний - стремление восстановить *зимма* и наказать нечестивых и высокомерных *райа* - была религиозной. Но цель преследовалась политическая: запугать турецких наместников, ответственных за проведение реформ. В Сирии и Ливане, Палестине, Герцеговине и Морее официальные лица не хотели проводить реформы, опасаясь обвинений в предательстве ислама (см. док. раздела "Эпоха эмансипации"). В качестве альтернативы коллективным или индивидуальным репрессиям, могущим вызвать гнев христианского мира, объектом нажима и угроз были избраны *зимми*, стремившиеся к эмансипации.

В 1841 году после издания прокламации Хатти Шерифа Гюльхана, обещающей, по настоянию европейских властей, равноправие всем османским подданным, британский генеральный консул записывал:

Достоин внимания тот факт, что уже через полгода после опубликования декларации Хатти Шерифа Гюльхана в этой стране возникла массовая поддержка Корана и исключительных привилегий мусульман в сравнении с христианами, что является знаменательной противоположностью доктрине равенства всех перед законом, зафиксированной в декларации Хатти Шерифа.

Когда западная техническая и военная помощь стала необходимой для сохранения Османской империи, Франция, Британия и Австрия заставили султана принять прокламацию 1856 года, признающую равенство всех граждан перед законом. В обмен на их помощь европейские власти настояли на том, что должны быть признаны и гарантированы права *зимми* на достоинство, равенство и безопасность их самих, их семей и их собственности. Европейец, нанятый на службу султаном, не мог терпеть упадка и подавления немусульманских религий, так как это наносило серьезный ущерб его собственному престижу.

В Египте [эмансипация христиан](#), вслед за которой начался соответствующий процесс и среди евреев,

проходила относительно гладко. Мухаммад Али, заинтересованный в сохранении экономической и военной поддержки Франции, заставил замолчать религиозную оппозицию. В Магрибе эмансипация *зимми*, вдохновленная европейскими странами, спровоцировала конфликт между мусульманскими духовными авторитетами и фанатизмом народа. Так, фундаментальный закон "Гарантия безопасности", введенный по настоянию Франции тунисским беем в 1857 году, был отменен в 1864 году вслед за началом вооруженного сопротивления народа. Эта же историческая модель вновь возникла в третьей четверти века к Марокко и в Персии, где, соответственно, султан и шах оказались неспособными проводить политику реформ против воли масс.

Сделав небольшие исключения для местных условий, можно сказать, что процесс эмансипации развивался везде одинаково, и это относится к Османской империи в не меньшей степени, чем к Магрибу и Персии. Где бы упадок империи ни создавали климат, благоприятный для европейской политики поощрения эмансипации *зимми*, попытки покончить с дискриминацией приводили к конфликту между реформистскими элементами среди мусульман (как бы слабы они ни были) и враждебными религиозными кругами, манипулирующими народом. И действительно, эта эмансипация была частью более широкой программы реформ, покушавшейся на политические и иерархические традиции *умма*. Возникновение современных обществ включало в себя реформы, предполагавшие уважение к личности и всеобщее равноправие. Архаические социальные законы, освящавшие унижение неверных и поощрявшие угнетение и коррупцию, были несовместимы с новым обществом, к которому стремились политики мусульманского мира. Европейские консулы обращали внимание на недостатки османского правосудия. [Холмс](#), британский консул в Босна-Серай, обобщает ситуацию в письме 1887 года к секретарю иностранных дел:

Не соответствующие необходимости отсрочки и манкирование своими обязанностями, предубежденность к невиновным лицам, открытое взяточничество и коррупция, постоянное и несправедливое предпочтение мусульман во всех спорных случаях между турками и христианами отличают турецкую администрацию от всего того, что зовется "справедливостью" по всей Европе. Эта ситуация однозначно отвечает на вопрос: а что бы случилось с множеством иностранцев в Турции, если бы европейские правительства капитулировали? Я убежден, что ситуация в провинциях стала бы нетерпимой, и власти не впустили бы в страну ни одного человека из Европы, тогда как всеобщее негодование в Европе против Турции в конце концов привело бы к ее краху. Всеобщее невежество, коррупция и фанатизм всех классов отодвигают надежды на торжество справедливости еще на одно поколение.

Традиционалисты, со своей стороны, полагали, что эмансипация, освобождающая *зимми* от их состояния унижения, аннулировала "де факто" обязательства ил-ислам покровительствовать им, так как законы *джихада* терпели *зимми* только до тех пор, пока сохранялась их дискриминация, а обязательные платежи *джизьи* символизировали их подчиненное положение. В соответствии с этой логикой, отмена *джизьи* и гарантия равных прав всем османским подданным порывали с *зимма*. "Этот разрыв - в соответствии с законами *джихада* - восстанавливал право *умма* убивать *зимми*, захватывать их собственность, обращать в рабство их жен и детей или изгонять их, то есть совершать все те акты, которые были приостановлены согласием *зимми* подчиниться. Эти репрессии против бывших *зимми* и их собственности рассматривались не только как оправданные, но и как достойные похвалы.

Следует подчеркнуть, что приверженцы терпимых религий находились под протекцией (покровительством) только в контексте особой политической идеологии территориальных завоеваний (*джихада*), а не в соответствии с универсальным моральным кодексом, признающим равенство прав всех людей. Точнее говоря, сама идея равных прав рассматривалась как нечестивость, и на этом основании могла быть внедрена в *умма* только с чрезвычайным трудом и лишь с помощью военной силы. Как бы робко ни осуществлялись реформы, они шокировали *умма* и народные массы вообще. На *зимми* все время совершались нападения, их иногда убивали с молчаливого одобрения властей, которые под предлогом предотвращения кровавой бойни спешили отменить непопулярные меры. Так

зимми снова оказались в центре конфликта между исламским движением за либерализацию, стремившимся модернизировать военный потенциал страны, и реакционным движением мусульманского фундаментализма. Этот конфликт между реформистскими и консервативными силами, а иногда и их сговор (например, в случае геноцида армян) придает 19-му и началу 20-го столетий противоречивый характер - как периодам надежды, но в то же время и массовых убийств, погромов, преследований, геноцида.

Заметим, что отсутствие беспорядков в Египте было скорее исключением из правил. И так случилось потому, что реформы были проведены Мухаммадом Али по собственной воле, а не так, как везде, под давлением извне. В начале 19-го века Египет встал на путь модернизации и добивался религиозного равноправия всех населявших его этно-религиозных групп. Обновляющийся Египет служил для некоторых европейцев примером реформирующегося исламского общества. И действительно, документы свидетельствуют, что условия существования *зимми* в Египте и Турции были менее тяжелыми, нежели в Палестине, Сирии, Ираке, Магрибе, Персии и Йемене. В Палестине и Сирии реформы, проводимые администрацией Османской империи, провоцировали значительные беспорядки. В Магрибе для того, чтобы изменить традиционные модели поведения, потребовался полный переворот, связанный с европейской колонизацией. В Персии меньшинства эмансипировались после Первой мировой войны в результате революции, а в Йемене преследования прекратились только с началом массовой эмиграции евреев в Израиль в 1949-50 годах. Различия в моделях поведения связаны с различиями в исторических обстоятельствах и культурных особенностях многочисленных народов, населяющих дир-ал-ислам.

В общем, можно выделить три различные, но действовавшие одновременно силы, дестабилизировавшие многонациональные исламские земли: освободительное движение *зимми*, эмансипация *зимми* и европейская колонизация. Эти три движения, связанные с экономическим и интеллектуальным развитием Европы, разрушали традиционные исламские общества и усиливали дезинтеграцию Османской империи. Они ускоряли прохождение ею фазы регрессии, сменившей период экспансии, во время которого армии империи дошли до ворот Вены в 1683 году. По вполне понятным геополитическим причинам первое восстание подчиненных народов произошло на европейских территориях, захваченных турками. Это восстание христианских народов, поддержанное, хотя и по разным причинам, Россией и Великобританией, опустошало земли *умма* в течение всего 19-го столетия. За изгнанием турок из Трансильвании (1691), Венгрии (1686-1697), Валахии и Молдавии (1829) последовало, в результате столетней борьбы, освобождение Сербии и части Греции (1830), Болгарии, Боснии, Черногории и Герцеговины (1878), большей части Фессалии и Эпира (1881), Крита (1908), Македонии и всей европейской Турции (1911-1913). В Центральной Азии ислам вынужден был уступить перед лицом русской оккупации Крыма (1783), Бесарабии (1812), Грузии (1813), Кавказа (1841-1859), Туркестана (1864-1885), Бухарского ханства (1868), Хивы (1873-1881), Коканда (1875) и Мерва (1884). Эта дезинтеграция Османской империи происходила одновременно с захватническими войнами европейцев в Индии, Алжире (1830-1843), Тунисе (1881), Египте (1882), Триполитании (1911), Марокко (1912), а также с предоставлением Великобритании и Франции после 1918 года мандата на управление ближневосточными провинциями Османской империи.

Националистические движения народов *зимми* и их борьба за эмансипацию взаимодополняли друг друга. Хотя они и поддерживались колониальной политикой России и европейских государств, народы *зимми* зачастую бывали жертвами их эгоистических манипуляций.

Союз народов *зимми* и Запада основывался только на взаимовыгодных интересах, *зимми* нужна была помощь Европы для того, чтобы освободить себя от *зимма*, тогда как европейцы искали их поддержки, чтобы ослабить исламские теократические режимы.

Национализм и эмансипация оставались двумя равными процессами (национализм ставит своей целью освобождение родины, а эмансипация стремится к уничтожению правовой дискриминации), они всегда были взаимосвязаны. Каждая община *зимми* принимала участие в обоих движениях. Хотя

греки, армяне, а позже и евреи - в зависимости от исторических обстоятельств - требовали равноправия в пределах Османской империи, они все же настаивали и на освобождении своих стран. Вот почему преследования и казни обрушивались на все общины *зимми* без разбора, и *умма* в своей ненависти объединяла Европу. Эта реакция *умма* оставила след в истории многих общин *зимми*. Поражение Персии в войне с Россией спровоцировало массовую резню евреев в Тебризе (1830) и других городах Азербайджана, а также погромы и насильственные обращения в ислам евреев Метода в 1839 году и их последующие преследования на протяжении всего 19-го века. Страдания евреев Магриба были результатом унижений и притеснений, причиняемых мусульманам французским колониализмом. Греческие и балканские освободительные войны сопровождалась погромами в Хиосе и "боснийскими ужасами". Процесс эмансипации привел к истреблению двадцати тысяч христиан в Сирии, Ливане и Палестине в 1860 году. Армянский национализм был раздавлен геноцидом. Как национально-освободительные движения народов *зимми*, так и их эмансипация приводили к противодействию и репрессиям со стороны *умма* сдерживаемым лишь военной силой европейских колониальных армий. Ведь эмансипация *зимми* ставила на повестку дня неразрешимые проблемы, коренящиеся как в их территориальных, так и культурных притязаниях. Поэтому европейские попытки поддержать местный национализм (османизм или арабизм) следует понимать как выступление против политики *умма*. Открывались возможности отделения религии от политики. Основывая межнациональные отношения на принципе равноправия всех граждан и законности наций, национализм отвергал концепцию *джихада* и ее прямое следствие: *зимма*. После погромов 1860 года в Ливане сирийские христиане стали самыми яростными сторонниками арабского национализма.

Мусульманская реакция

Реформистское течение, вдохновленное абстрактными концепциями, импортированными из-за рубежа, *дар ил-хирб*, было достаточно поверхностным. С другой стороны, консервативное движение было глубоко укоренено в исламской истории и традиции. Все новые факторы постоянно придавали ему силу: непрекращающийся поток беженцев-мусульман из потерянных исламской властью провинций был охвачен фанатизмом и жадой мести. Эти мусульманские беженцы из Европы, потомки мусульман-поселенцев (*мухиджири*), или христиане, принявшие ислам, чтобы не потерять свои земли после завоевания их мусульманами, придавали силу исламской религиозной партии. Правительство Османской империи расселяло их в регионах, вызывающих беспокойство, и распространяло, таким образом, с помощью политики колонизации свою власть. Беженцы из балканских провинций направлялись в Армению. В 1874-75 годах черкесы-мусульмане с Кавказа поселились в провинциях Данубии, а затем, охваченные националистическими чувствами, - в Галилее и на Голанских высотах. В 1878 году после аннексии Австрией Боснии-Герцеговины мусульманские колонисты, жившие там, прибыли в Македонию и на приморское побережье Палестины. В 1912 году Россия пыталась предотвратить их проникновение в Армению. В течение 19-го и начала 20-го столетий непрекращающийся поток более чем двух миллионов мусульман-колонистов из Крыма и Балкан расселялся властями Османской империи в Анатолии, Армении, Ливане, Сирии и Палестине с надеждой, что мощная исламская колонизация покончит со стремлением *зимми* к национальному возрождению.

В 1878 году был издан османский закон, гарантирующий предоставление земель Палестины мусульманским поселенцам. Причем они освобождались на 12 лет от налогообложения и военной службы. В районе Кармеля, Галилеи, на равнине Шарон и в Кесарии земли были розданы славянам-мусульманам из Боснии и Герцеговины; грузины поселились вокруг озера Киннерет и на Голанских высотах, а марокканцы - в Нижней Галилее. В Заиорданье и Галилее туркмены и черкесы, изгнанные в результате захвата Россией Крыма, Кавказа и Туркменистана, пополнили кланы, поселившиеся в этих местах еще в 18-м столетии. Около восьми тысяч египетских феллахов иммигрировали в Яффу, Газу и Иерихон в тридцатые годы 19-го века; алжирцы, отправившиеся в изгнание вместе с Абд ал-Кадиром, расселились в Галилее, на Голанских высотах и в Иерусалиме.

Исламское консервативное движение, особенно сильное в подвергшихся арабизации провинциях Османской империи, черпало свою силу не только в религиозных предубеждениях, но и в природе арабо-исламского империализма, определившего структуру этой многонациональной мусульманской империи. Во время ее создания захват территорий и покорение местного населения привели к разрушению их культур. Однако интерес, проявившийся европейскими учеными к их древнему прошлому, снова пробудил гордость этих народов и стремление к освобождению из-под власти ислама, причем в то же самое время, когда реформы, проводившиеся в империи, лишали арабов их традиционных привилегий. Евреи, греки, армяне и марониты стали все больше осознавать, что они не всегда были религиозными меньшинствами, но были времена, когда они существовали как гордые нации, после арабского завоевания терпимые, однако, только в религиозном контексте, да и то - ценой унижений и уплаты поборов. С глубокой ненавистью мусульманское население наблюдало, как национальные отчизны доарабского прошлого восставали в сознании *зимми* из руин и забвенья. Эмансипация *зимми* и их культурное возрождение содержали, с арабской точки зрения, опасные семена национализма, могущие угрожать их доминации. Разрушение общины *зимми* требовало отныне не только ее уничтожения в физическом смысле, но также и уничтожения ее культуры, языка и искусства - символов ее творческой силы. В Палестине конца века недавно прибывшие мусульманские колонисты обдуманно разрушали все, что еще оставалось от древней еврейской цивилизации после столетий непрекращающейся ненависти оккупантов. Этим колонистам вполне обдуманно селили таким образом, чтобы уничтожить в зародыше всякую попытку *райи* обрести национальное освобождение. В Армении физическая ликвидация сопровождалась насильственными обращениями, массовой депортацией, разрушением церквей или прекращением их в мечети. Все бедствия, перечисленные в данной главе, объясняют те мотивы, которые придали борьбе за эмансипацию и освобождение народов *зимми* в Османской империи фанатичный и насильственный характер религиозной войны.

От эмансипации к национальной независимости

Мусульманским правителям было трудно различить, где кончается борьба за религиозную эмансипацию меньшинств, а где начинаются их требования о возвращении захваченных земель - наряду с возрождением национального языка, культуры и собственных общественных институтов дихотомии, коренящаяся в самих условиях существования *зимми*, оказывала влияние на политику Османов и младотурок. С одной стороны - подавление греческого и армянского национализма, а с другой стороны - протекция христианам - *зимми* по всей империи. В том же самом духе запретительные законы, распространявшиеся только на евреев, проживавших в Палестине, предполагалось, должны были противостоять проникновению сионизма, самого молодого движения за национальное освобождение. Как оказалось впоследствии, турки в этом мало преуспели. В 1987 году был опубликован закон, запрещающий евреям иммигрировать в Палестину, селиться здесь, покупать земли, строить дома и жить в Иерусалиме. Этот закон применялся только к евреям - безразлично, были ли они *зимми* или подданными иностранных государств, - но не к христианам или мусульманам-иммигрантам.

Эти аспекты турецкой политики могут быть проиллюстрированы на одном весьма специфическом примере. Когда расправа с армянами в 1895 году спровоцировала взрыв религиозного фанатизма, мусульмане Алеппо стали угрожать местным евреям и христианам применением тех же самых действий. Порядок был восстановлен только благодаря энергичным мерам, предпринятым турецким военным комендантом Адхамом-пашой, защитившим еврейские и христианские кварталы и угрожавшим направить свои пушки на мусульман, если они попытаются напасть на немусульман. Опасность, ощущаемая при чтении документов того времени, не была связана исключительно лишь с армянским кризисом, но являлась постоянным признаком существования *зимми*. Новыми факторами в этой ситуации были, однако, борьба за независимость, поддержанная европейскими странами, и большая доступность для *зимми* разнообразной информации.

Точно так же, как Запад проникал в исламские страны с помощью политики протекционизма,

европейцы в своих интересах манипулировали стремлением к национальному возрождению народов *зимми*. Последние были легкой добычей, так как их безопасность в значительной степени зависела от поддержки из-за границы, всегда готовой прийти им на помощь - но в обмен на расширение сферы своего влияния. Так, традиционный антагонизм народов *зимми* в отношении друг к другу перерастал в политическую борьбу, поддерживаемую и оплачиваемую Западом. Арабский национализм, первоначально служивший идеологическим базисом эмансипации христиан, поддерживался Францией, имевшей целью ослабить Турцию, союзника Англии. Европейский и российский империализм сталкивались с идеологиями арабизма и сионизма, в то время как Австрия и Россия разжигали мятежи на Балканах и в Армении.

Под влиянием европейской колонизации в общинах *зимми* происходили радикальные изменения. Возникновение мелкой буржуазии, получившей европейское образование, обостряло классовые конфликты. Демократизация внутриобщинных институтов подрывала позиции нобилитета. Это развитие, осуществлявшееся по европейским образцам, имело и свои недостатки. Национальные корни во многом были утеряны, групповое единство, ослабленное уже существованием во враждебном окружении (что относится к христианским общинам), - уничтожено. Следствием влияния Запада было отдаление от собственной культуры и принятие культуры европейской, становившейся все более притягательной для *зимми*, так как она несла в себе идеи освобождения. Интеллигенция, раньше находившаяся на службе у *умма*, теперь с жадностью подхватывала любую западную идею или модель поведения.

Так как процесс деколонизации арабских стран совпал с возрождением еврейского государства, изменилась ситуация восточного еврейства. Эмигрируя в Израиль, оно восстанавливало суверенное право на национальную независимость, тогда как христианские общины восприняли панарабскую идеологию.

Христианский арабский антисионизм проистекает из двух источников: византийской юдофобии и традиционной ментальности *зимми*, отражающей состояние зависимого меньшинства, принужденного к лавированию, компромиссам и существованию в постоянной униженности. В наши дни фундаментализм, ставящий под сомнение арабский национализм, сам сталкивается с опасностью быть абсорбированным движением панисламизма.

ДЖИХАД И ЗИММА: СОВРЕМЕННЫЕ ФОРМУЛИРОВКИ

Так же, как на протяжении истории сосуществовали разные тенденции в политике и мышлении, а поведение индивидуумов и целых обществ варьировалось в широких пределах от крайнего фанатизма до взаимопонимания, так и в наши дни концепции *джихада* и *зимми* представляют одну из многих тенденций в современном арабском политическом мышлении. Однако наш анализ ограничится только ими.

После ликвидации *зимми* исламскими правителями Османской империи и в Персии с помощью изгнания или в результате европейской колонизации, возникает вопрос: подходит ли термин "*зимми*", характеризовавший определенные исторические условия, к современным реалиям. И оказывается, что мышление и модели поведения, уходящие корнями в прошлое, сформированные образованием и традицией, указывают на сохранение "*синдрома зимми*". Связанные по рукам и ногам и часто ограниченные определенными историческими обстоятельствами, члены религиозных меньшинств тяготели к сохранению своего маргинального состояния. По-прежнему продолжали существовать факторы, определяющие традиционные связи меньшинств и *умма*, заключающиеся в подчинении и отчуждении одних и терпимости других. Но хозяин остается терпим постольку, поскольку *зимми* признает свое подчиненное положение. Сила и живучесть на протяжении истории этой ситуации может быть объяснена ее постоянным возобновлением в пределах одних и тех же социальных и психологических структур благодаря тому, что в некоторых современных политических идеологиях содержатся те же самые ценности, которые и раньше освящали и защищали эти структуры. Следовательно; термин "*зимми*" актуален, поскольку остается актуальной определенная концепция в

контексте определенных политических систем и условий жизни. Так как статус *зимми* зависел от концепций *джихада* и *зимми*, необходимо выяснить факторы, способствующие сохранению, видоизменению или отказу от их взглядов в исламском мире.

В арабоязычных странах можно проследить переход от мусульманских религиозных ценностей к политическому арабизму. Бывший президент Алжира Ахмед Бен-Белла, президент "Лиги прав мусульман", говорил в интервью 1982 года:

- У меня складывается впечатление, что между арабизмом и исламом развивается некая форма взаимопроникновения. Я настроен очень оптимистично и глубоко верю в реализацию замечательных, величественных планов, в арабский гений и его победу.
- Вы подразумеваете победу над государством Израиль?
- Совершенно верно.

Джихад против Израиля

Не раз арабские лидеры единолично и коллективно объявляли Израилю *джихад*, подтверждая тем самым свою приверженность теократической системе, включающей в себя все человечество. На третьей исламской конференции глав исламских государств по Палестине и Иерусалиму, состоявшейся в январе 1981 года, тридцать восемь руководителей арабских стран (кроме Египта) и Ясер Арафат, представляющий Организацию освобождения Палестины, провозгласили из Мекки *джихад* против Израиля. Т.к. *Джихад* был провозглашен под знаменем арабского национализма, а ООП всегда утверждала, что она находится в авангарде арабского национализма, следует проанализировать характер *джихада* ООП.

В 1970 году Ясер Арафат утверждал:

Освобождение Палестины и недопущение сионистского проникновения - политического, экономического, военного и пропагандистского - в мусульманский мир является одной из обязанностей исламских государств. Мы должны объявить священную войну (*джихад*) сионистским врагам, оскверняющим не только Палестину, но и весь арабский мир, включая его святые места. Призыв к *джихаду* для того, чтобы создан, секулярное, демократическое государство, в котором мусульмане, христиане и евреи обладали бы равными правами, несет в себе терминологическое противоречие, поскольку цель - обращение неверных или превращение их в *зимми*.

Арабские лидеры часто указывали на необходимость уважать законы *джихада*. Даже Сирия, проводившая политику секуляризации, вспомнила в 1971 году некоторые из этих правил. Законы священной войны ислама (*джихада*) говорят, что для того, чтобы победить врага, допустимо применять осаду его лагерей и населенных пунктов. Допустимо также разрушать дома врагов и поджигать их, вырубать их деревья и поджигать их поля, чтобы принудить их к сдаче. Допустимо также перекрывать водоснабжение врага, даже если это женщины и дети.

Третья исламская конференция в верхах 1981 года, состоявшаяся в Таифе (Саудовская Аравия), особо упомянула *джихад* в пятой из своих шести резолюций:

Исламские государства со всей ясностью подчеркнули, что слово *джихад* употребляется в его мусульманском смысле, не подверженном разночтениям и различиям в интерпретации, и что для осуществления *джихада* будут приняты практические меры в согласии с его смыслом и при постоянных консультациях между исламскими странами.

Не каждый конфликт представляет собой *джихад*, но если он объявлен таковым, его участники обязаны выполнять его стратегические и тактические предписания, подчиняющиеся вечным, не подверженным изменениям законам, в особенности правилу, запрещающему сотрудничество между верным и неверным, если последний ведет себя вызывающе **или** не слушается предписаний.

Первая статья хартии ООП объявляет о принадлежности арабского народа Палестины к арабской нации и, таким образом, о его праве на землю, отстоящую примерно на тысячу километров от арабской метрополии. Итак, право палестинских арабов на неарабские земли (читай, Израиль) основывается на их предыдущей аннексии в результате *джихада* и их последующей арабизации с

помощью *зимми*.

Палестина является родиной арабского народа Палестины; она - неотторжимая часть арабской родины, а палестинский народ - интегральная часть арабской нации.

Статья 9 этой хартии утверждает:

Вооруженная борьба - единственный путь освобождения Палестины, это - всеобъемлющая стратегия, а не просто временная тактика.

Важность вооруженной борьбы была подтверждена снова в статье 2 "Пятнадцати резолюций"

Тринадцатого палестинского совещания, состоявшегося в Каире в марте 1977 года. Захват земель силой в соответствии с законами *джихада* дает завоевателю право на полное владение ими.

Завоеватели могут убивать местное население, изгонять его или превращать в данника; места поклонения могут быть разрушены, а их восстановление или возведение запрещены. Короче говоря, если война является *джихадом*, то завоевание с помощью силы дает завоевателю абсолютную власть над побежденными, тогда как их согласие подчиниться ограничивает победителя определенными условиями.

Точно так же, как все мусульмане разделяли коллективную ответственность за *джихад*, так от всех арабов требовалось коллективное участие в *джихаде* ради освобождения палестинских арабов.

Освобождение Палестины является с точки зрения арабов обязанностью всей нации, стремящейся отразить сионистскую и империалистическую агрессию против ее родины, и имеющей конечной целью уничтожение сионизма в Палестине. Полная ответственность за это ложится на всю арабскую нацию - как правительства, так и народы, а в авангарде борьбы выступает арабский народ Палестины. В соответствии с этой целью арабская нация должна мобилизовать все свои военные, человеческие, моральные и духовные силы для активного участия в борьбе вместе с палестинским народом в освобождении Палестины. Она должна, в соответствии с данной фазой вооруженной борьбы палестинской революции, предоставлять палестинскому народу всю необходимую ему помощь, оказывать как материальную, так и духовную поддержку, чтобы дать возможность ему и в дальнейшем играть ведущую роль в вооруженной борьбе вплоть до освобождения его родины" (Параграф 15 Устава ООП).

Эта же точка зрения подтверждается в статьях "Пятнадцати резолюций" ООП (Каир).

Законы *джихада* запрещают массовые убийства невинных людей, но допускают уничтожение противников и представляющих опасность. Завоеванные народы, соглашающиеся подчиниться, могут жить под их протекцией в качестве *зимми*. В Уставе ООП содержится и такое определение: сионисты должны быть изгнаны или убиты, но к евреям, подчинившимся арабским законам, следует относиться терпимо.

Целью *джихада* всегда было подавление политической независимости неверных. Затем подавлялись культурные и социальные стремления *зимми*. Статья 12 Соглашения от 6 мая 1970 года, подписанная всеми организациями, входящими в ООП, провозглашала ту же политику (подтвержденную в Дамаске):

Таким образом, целью палестинской революции является ликвидация этого врага (Израиля) во всех аспектах: политическом, военном, социальном и культурном, и полное освобождение Палестины.

Все время повторяющийся призыв к *джихаду* подтверждает значимость этой концепции, являющейся основной причиной арабе израильского конфликта. Поскольку к Израилю следует относиться только как к религиозной общине, его право на национальные прерогативы - географическая территория, соотносимая с историей народа, юридическая система, особые культура и язык - постоянно отвергаются.

Самой логикой *джихада* подтверждается "арабский" характер территории Палестины. Став территорией, относимой к категории ("отобранной у неверных"), она должна оставаться в пределах *дар ал-ислам*. Поэтому государство Израиль должно перестать существовать.

Точно так же, как все мусульмане разделяли коллективную ответственность за *джихад*, так от всех арабов требовалось коллективное участие в *джихаде* ради освобождения палестинских арабов:

Освобождение Палестины является с точки зрения арабов обязанностью всей нации, стремящейся отразить сионистскую и империалистическую агрессию против ее родины, и имеющей конечной целью уничтожение сионизма в Палестине. Полная ответственность за это ложится на всю арабскую нацию - как правительства, так и народы, а в авангарде борьбы выступает арабский народ Палестины. В соответствии с этой целью арабская нация должна мобилизовать все свои военные, человеческие, моральные и духовные силы для активного участия в борьбе вместе с палестинским народом в освобождении Палестины. Она должна, в соответствии с данной фазой вооруженной борьбы палестинской революции, предоставлять палестинскому народу всю необходимую ему помощь, оказывать как материальную, так и духовную поддержку, чтобы дать возможность ему и в дальнейшем играть ведущую роль в вооруженной борьбе вплоть до освобождения его родины" (Параграф 15 Устава ООП).

Существование Храма на месте мечети ал-Акса - или наличие гробниц еврейских патриархов в Хевроне возмущает арабо-мусульманскую общину, поскольку, как они полагают, религия *зимми* покушается на доминацию религии ислама. В декларации ЮНЕСКО (Париж, 1976) представитель ООП утверждал, что израильское присутствие оскверняет святость мечетей, расположенных в этих местах. Было ли это ностальгией по прошлым временам, когда *зимми*, ступивший на порог мечети, предавался смерти? Представитель ООП не утруждал себя этими религиозными рассуждениями, но просто сообщил, что израильское (то есть еврейское) присутствие оскверняет всю Палестину. Связь с традицией и с архетипом еврея несомненны: именно эта религиозная идея нечистоты подвигла арабов на изгнание евреев и христиан в седьмом столетии со святой земли Аравии. До сего дня ни одной церкви или синагоге не было позволено осквернить ее. Та же религиозная точка зрения парадоксально прикладывается "к арабским территориям Палестины" идеологами "секулярного и демократического Палестинского государства".

Запреты, традиционно накладывавшиеся на собственность *зимми* с целью облегчения арабо-мусульманской колонизации, подобны тем, которые были выдвинуты ООП в отношении арабской Палестины (то есть британской подмандатной территории), и, фактически, с 1948 по 1967 год ни одному еврею не было разрешено посетить Иорданию (то есть восточную Палестину, Иудею и Самарию).

Свобода передвижения и расселения евреев в Иерусалиме, Иудее, Самарии, Галилее и в целом в историческом ареале Эрец-Исраэль (Палестине) категорически отвергалась ООП как явление, находящееся в противоречии с основополагающими целями *джихада*. Поскольку иудаизм - в согласии со взглядами ООП - лишь религия, лишенная каких бы то ни было национальных характеристик, этот запрет является религиозной дискриминацией, уже поэтому не совместимой с секулярными, демократическими принципами, провозглашаемыми ООП.

Если несколько случаев массовых убийств евреев арабами в 20-м столетии просто свидетельствуют о сохранении старых повадок мусульман, то убийства евреев в подмандатной Палестине обнаруживают большую связь с войнами 19-го века против греков, других народов Балканского полуострова и армян. Это говорит о том, что, сталкиваясь с аналогичной ситуацией, потомки мусульман-поселенцев в Палестине вели себя точно так же, как и их предшественники. Значит, арабский терроризм в Израиле и арабский террор против евреев и сионистов во всем мире являются не чем иным, как современной версией права без разбора убивать мятежных *зимми*, а отрицание права Израиля на существование напоминает войны Османской империи против греческих, балканских и армянских националистов.

Арабский национализм и статус зимми

Несмотря на различия в мотивах и различные, подчас космополитические истоки, арабский национализм сегодня представляет собой политическое движение, стремящееся к восстановлению главенства арабов, подобного тому, которое существовало в арабо-мусульманской империи во времена халифов. Не следует забывать, что империя эта родилась в результате арабизации земель

зимми и порабощения местного населения. Следовательно, идеологически и исторически арабский национализм связан с идеологией *джихада* и *зимми*. Так как арабизм воспринял основополагающие исламские ценности, не удивительно, что арабский национализм и панисламизм иногда перекрывают друг друга, а иногда вступают в борьбу, ибо в них имеются и противоположные элементы.

Значимость статуса *зимми* уже в наши дни была признана на Четвертой конференции Академии исламских исследований, проведенной в каирском университете Ал-Азхар.

Участовавшие в ней видные исламские, теологи утверждали:

Можно сказать, что они являются немусульманами, живущими в нашей среде, и, следовательно, мы должны заботиться о них. К этой группе относятся и евреи, проживающие в некоторых мусульманских странах, руководители которых оказывают им покровительство и защищают от масс мусульман. Но мы говорим тем, кто защищает евреев, что последние являются *зимми*, народом, имеющим обязательства по отношению к мусульманам, но нарушившим договор, то есть *зимми*, в соответствии с которым им оказывалась протекция... Этот народ разорвал свой договор и превысил свои привилегии: как же мы можем держаться наших обязательств по отношению к нему?

Из этого следует, что в соответствии с исламскими догматами евреи в современных исламских государствах все еще рассматриваются как *зимми*; христиан также следует относить к этой категории, и если это так, они не могут иметь равные права с мусульманами.

Процесс взаимопроникновения арабизма и ислама, на который ссылался Бен-Белла, отнюдь не предвещает в будущем свободу и равноправие для арабов-христиан. Начиная с девятнадцатого столетия, они боролись за ассимиляцию в "секулярной арабской демократии", которая должна заменить "исламское общество", где, согласно традиции, арабы могли быть только мусульманами. Ливийский президент Каддафи, отвечая на вопрос о судьбе десяти миллионов христиан, живущих в арабских странах, заявлял:

- Арабы-христиане пошли по неправильной дороге, и они должны изменить свои пути, по-тому что на самом деле они - арабы.

- Но ведь нет никаких сомнений в том, что они арабы.

- Если так, они должны принять ислам.

Однако, если они и не изменят своей религии, арабо-исламская история уже имеет решение этой проблемы и снабдит их проверенным, апробированным статусом *зимми*.

Так традиционные ценности *умма*, описав круг в пределах развития идеологии арабского национализма, увековечили уже в наши дни противоречие между культурно-лингвистическими устремлениями более древних, чем арабы, народов, и панисламизмом. Этот конфликт оказывает влияние на аспекты религиозной жизни (на свободу вероисповедания, статус культовых строений, порядок проведения процессий, использование церковных колоколов), а также на вопросы прозелитизма, обращения, смешанных браков и права наследования наряду с вопросом равноправия и возможностями трудоустройства.

Здесь не место в деталях описывать волны насилия, прокатившиеся по всему Ближнему и Среднему Востоку, а также Магрибу в течение и после Второй мировой войны. Ксенофобия, возникшая вслед за деколонизацией, напомнила старые традиции *зимми*, только лишь выраженные на языке арабского национализма. С точки зрения современного арабского национализма преодоление унижительных последствий европейского колониализма состоит прежде всего в лишении групп *зимми* их права на религиозную и культурную эмансипацию - права, приобретенного ими в результате интервенции европейцев. Мусульманская *зимма* превратилась теперь в арабскую *зимма*. Исламская *умма* стала арабской нацией, а восточный доарабский национализм возродился как национализм *зимми*. Арабо-израильский конфликт выявил застарелую вражду, бывшую под контролем только в короткий период господства европейского колониализма. Прорываясь спорадически, как возобновляющаяся болезнь, она достигла своего пика в тридцатые годы 19-го века, пробудив в массах застарелую агрессивность по отношению к *зимми*. Коренящиеся в психологии масс, эти эксцессы перекатывались по всему арабскому миру. Некоторые страны, такие, например, как Марокко и

Тунис, пытались обуздать фанатизм масс, но в Ливии, Египте, Сирии и Ираке сами власти подогревали толпу, уже возбужденную демагогами. Арабские националисты, выпустившие наружу эти коллективные эмоции, говорили языком ненависти и высокомерия прошлых веков, но поскольку эти действия вызвали возмущение всего остального мира, власти пытались подменить принципы *джихада* идеями Мауварди (см. док. 5). Полностью лишенное своего имущества, большинство евреев было вынуждено (в основном под воздействием неофициальных мер принуждения) покидать арабские страны. В Сирии из примерно миллиона евреев осталось лишь 20000, удерживаемых к качеству заложников. Аналогичным образом на Ближнем Востоке и в Северной Африке почти полностью исчезли древние доисламские еврейские общины, обвиненные в мятежах против арабской *зимма*.

После Второй мировой войны статус религиозных меньшинств в мусульманских странах варьировался достаточно широко. Их свобода и безопасность возросли настолько, что доминанция религии (как и арабского национализма) в политике мусульманских государств значительно уменьшилась. Так произошло, например, в Турции, в особенности после того, как Мустафа Кемаль стал президентом (1923), и в Иране во времена правления шаха Геза Пехлеви и его сына Мухаммада Реза (1925-1979). В Египте аналогичный процесс стал разворачиваться к концу правления Анвара Садата, когда эта страна вышла из орбиты влияния арабского мира и начала проводить более либеральную политику - в согласии с египетской историей, интересами страны и стремлением к мирному сосуществованию.

Внутренняя нестабильность, мешающая нациям успешно развиваться, напоминает о тех периодах конфликтов (особенно в 19-м столетии), когда исламские силы, стремившиеся к переменам и прогрессу, наталкивались на сопротивление консервативных сил, враждебных любым нововведениям. Как и в те, более ранние периоды, судьба немусульманских общин и степень агрессивности *джихада* будут зависеть от того, какая партия в конце возьмет верх.

Все попытки секуляризации арабского национализма, начатые более ста лет назад христианами, которые даже больше, чем евреи, рискуют очутиться в положении *зимми*, в свете нынешней войны в Ливане выглядят совершенно утопично. [Марониты](#) и христиане сплотились в наши дни против общей опасности, подвигнутые к этому союзу также и общим прошлым, в котором уязвимость обеих групп и их склонность к политическим манипуляциям приводили подчас к взаимной вражде.

Умма арабов и государство зимми; Израиль: конфликт идеологий

В контексте арабской истории Израиль является примером успешного национального освобождения цивилизации *зимми*. На территории, арабизированной *джихадом* и *зимми*, возродились доисламский язык, культура, топонимика (библейских городов) и национальные институты. Это обратило вспять тысячелетний процесс, в течение которого были разрушены культурные, политические и социальные структуры коренного населения.

В 1974 году Абу Айяд, бывший вторым человеком после Арафата в иерархии ООП, провозгласил: "Мы должны сражаться, чтобы наша палестинская родина не превратилась в новую Андалусию". Сравнение Палестины с Андалусией - не пустословие, поскольку обе эти страны были сначала арабизированы, а затем деарабизированы той культурой, что существовала в них до арабского завоевания.

Более того, поскольку евреи были наиболее деградировавшими из всех *зимми*, возрождение Израиля является и наиболее унижительным фактом для *зимми*.

Как сказал Насер в 1953 году:

Катастрофе Палестины нет примера в человеческой истории.

Он добавил в 1955 году:

Произнесения имени "Палестина" достаточно, чтобы напомнить каждому арабу - т. е., каждому свободному человеку - о величайшей национальной трагедии, когда-либо произошедшей на протяжении всей человеческой истории.

Более того, опасность представляет и то, что Израиль может послужить примером для других *зимми*, сохранившихся на территориях, завоеванных *джихадам*, что может привести к сохранению арабской власти лишь на первоначальной территории.

Целью бандитского государства Израиль является переселение всех арабов на Аравийский полуостров, их первую родину двухтысячелетней давности" *|sic|*.

Так писал Абдалла ал-Таль в 1964 году, косвенно признавая, таким образом, наличие арабского экспансионизма, начавшегося еще в 7-м веке.

В 1959 году Насер был более откровенен:

Я не могу говорить об арабском национализме, не упоминая Израиль, так как существование и идейные основания Израиля угрожают арабскому национализму в Палестине, ибо вслед за ликвидацией арабского национализма в регионе последует господство сионизма.

Абд ар-Рахман ал-Баззас, профессор права Багдадского университета и в прошлом премьер-министр Ирака, объяснял, почему еврейское национальное движение представляет угрозу ценностям арабизма:

Самая большая опасность Израиля состоит в том, что он, будучи идеологической угрозой нашему национализму, бросает вызов нашему существованию как нации в целом регионе. Существование Израиля сводит на нет единство нашей родины, единство нации и единство нашей цивилизации, которая охватывает целиком этот район мира. Более того, существование Израиля - наглый вызов нашей философии и идеалам и непреодолимый барьер на пути к тем ценностям и целям, к которым мы стремимся.

Арабский палестинский писатель Файяз ал-Сайег так углубил эту точку зрения:

Помимо политического конфликта между двумя борющимися нациями, существует основополагающая философская и духовная несовместимость. Даже если бы все политические задачи и были решены, два движения - сионизм и арабский национализм - остались бы двумя мирами, идеологически и духовно разделенными, между которыми невозможна какая-либо коммуникация или значимый диалог.

В полном согласии с взглядом на *зимми* как на нечто низшее, презиралась и идеология *зимми*. Ахмад Шукейри, руководитель ООП в период, предшествовавший Шестидневной войне, с истеричностью выразил это отношение в 1961 году:

Сионизм был ужаснее фашизма, отвратительнее нацизма, опаснее империализма, ненавистнее колониализма. Сионизм был комбинацией всех этих зол. Его главными целями были агрессия и экспансия.

А вот как эта позиция отражена в уставе ООП:

Сионизм является политическим движением, органически связанным с международным империализмом и противостоящим всем освободительным и прогрессивным движениям в мире. По своей природе он фанатичен и агрессивен, носит расистский характер, преследует экспансионистские и колониалистские цели и применяет для их достижения фашистские методы (параграф 22).

Тунисский писатель Хичем Джайат утверждал, что существование Израиля ставит под сомнение окончательный характер арабизации и исламизации, достигнутых благодаря арабским завоеваниям.

Посрамление зимми как настоятельная необходимость

В границах *умма* деградация *зимми* была вполне закономерна. Внутренняя диалектика власти и завоеваний требовала унижения покоренных, оправдания монополизации достоинства и права в руках победителей. В следующей колониальной фазе (рождение *зимми*) зло становилось зримо всем благодаря унижению *зимми* - в противоположность силе и солидарности *умма* (см. док. 19, 20). Во многом точно так же зло (государство *зимми*), испорченное и развращенное по самой своей сути (как и народы в прошлом, ставшие объектом *джихада*), играет сходную роль в нынешнем конфликте на Ближнем Востоке.

Некоторые способы выражения ненависти к Израилю напоминают изощренные правила

относительно формы и цвета обуви *зимми*, длины и ширины рукавов его одежды, формы пояса и седла, характера прически - ежедневный и презрительный ритуал, направленный на постоянное унижение его, а также жены, детей, слуг, домашних животных и даже умерших. Постоянные инвективы против сионизма, звучащие с трибун интернациональных форумов, напоминают старую традицию унижения *зимми*. Израиль - козел отпущения, ответственный за все зло, причиняемое как арабскому миру в целом, так и его отдельным регионам. Израиль - объект насмешек и унижения, словно на него тоже стараются натянуть унижительные одежды *зимми*. Фактически Израиль для арабов символизирует изоляцию, ненависть и презрение, подавившие некогда общины *зимми*. Восприятие Израиля арабским миром возрождает традиционное поведение *умма* относительно *зимми*, которыми сегодня могут быть израильтяне, а завтра - марониты или какая-либо другая национальная общность, подвергающаяся атакам *джихада*. Более того - сама терминология, используемая при нападках на Израиль, - "нечестность", "высокомерие", "наказание", - совершенно традиционна и всегда применялась в тех случаях, когда нужно было обвинить непослушных *зимми*, боровшихся за свою свободу и человеческое достоинство.

Разжигание ненависти

Как было показано, ненависть является составной частью *джихада*, так как если бы ее не было, к *харби* относились бы как к равным. Захват американского посольства в Тегеране в 1979 году продемонстрировал всю глубину той ненависти, сознательно, ради достижения политических целей подогревавшейся средствами массовой информации. Огромные деньги расходуются ради распространения и выражения ненависти к Израилю; "антисионизм" проник в систему образования, он пропитал культуру. И сегодня на международных форумах весь мир может быть свидетелем и проявлений закоренелой ненависти к мятежным *зимми*, проецируемой на государство Израиль.

СТЕРЕОТИП ЗИММИ В СОВРЕМЕННОМ АРАБСКОМ НАЦИОНАЛИЗМЕ

Стереотип и статус зимми

Если условия существования *зимми* производны от специфических юридических установлений, состоящих из множества правил, то стереотип *зимми* относится к области массового сознания. Этот стереотип тоже показывает положение *зимми*, но как отраженное в сознании *умма*. Суммирование основных факторов, влияющих на положение *зимми*, даст возможность обрисовать стереотип их восприятия.

Джихад экспансионистская война ради исламизации немусульманских земель, является основной стратегией, с помощью которой покоренные жители низводятся до статуса *зимми*. Потеря ими родины обрекает их на жизнь нации, лишенной своей земли. Им остается выбор - или страдать и подвергаться преследованиям на земле, некогда бывшей их родиной, или покинуть ее под угрозой уничтожения. Так как подвластному населению запрещается иметь оружие, оно не может защищать себя; его язык, культура и моральные ценности подменяются социальными и культурными структурами захватчиков, вносящими глубокие изменения в повседневную жизнь и обычаи людей. Их целостность как нации или общины уничтожена; и состоит лишь в объединяющей их религии, терпимой захватчиками.

Статус *зимми* может быть охарактеризован как коллективный и в то же время наследственный. Он служит главной характеристикой группы населения, рассматриваемой как нечто низшее с моральной точки зрения и, следовательно, причиняющей беспокойство и вызывающей презрение своим несоответствием принятым стандартам. Само право на жизнь дается (исходя из политики религиозной терпимости), что на уровне повседневности предоставляет выгоды завоевателям. И взаимоотношения между побежденными и захватчиками составляют тот базис, на котором формируется договор о покровительстве. Он остается и силе до тех пор, пока продолжает быть выгодной эксплуатация *зимми*. а эта задача требует, чтобы *зимми* находились на низшей ступени социальной лестницы. Покровительство прекращается, если *зимми* восстают или пытаются вернуть себе свою родину и независимость - или, отрицая предписанный им жизненный путь, приобретают

права и привилегии, доступные лишь группе избранных. На примере этой "наглости" - если пользоваться словом, применяющимся постоянно *умма* для характеристики подобных "злоупотреблений", - отчетливо видна подмена равных взаимоотношений асимметричными, дающими гарантию продолжения и постоянного воспроизведения условий существования *зимми*. "Наглость" *зимми* отменяет договор покровительства, его жизнь и собственность уже не находятся под защитой, и он может быть, согласно закону, предан смерти. Договор также может быть уничтожен, если правитель решает в одностороннем порядке расторгнуть его. В обоих случаях наказание, дамокловым мечом висящее над *зимми*, может быть приостановлено возобновлением покровительства, вновь ставшего в данных обстоятельствах выгодным для правящей группы. *Зимми* не только становятся отверженными из-за низкого статуса, но служат также козлами отпущения. Исключенные из общества, терпящего их лишь для того, чтобы сильнее эксплуатировать, они - жертвы любого конфликта. Пробуждающиеся у толпы во времена нестабильные и животные инстинкты, а также политическое и социальное напряжение ведут к преследованиям и массовым убийствам *зимми*.

Понятие нечистоты неразрывно связано со статусом *зимми*. Именно эта физическая отвратительность *зимми* лежит в основе закона о смертной казни *зимми* в случае его половой связи с женщиной-мусульманкой. Стремление запретить социальные контакты с группой, нечистой с теологической точки зрения, мотивирует разработку многочисленных подробных законов, регулирующих форму одежды *зимми*, их поведение и сегрегацию, а также создание раздражающих и унижающих предписаний, ограничивающих их религиозную и социальную активность.

В этом коротком очерке обрисованы основные характеристики стереотипа *зимми*. На политическом и коллективном уровнях данный стереотип представляет целую нацию, чьи земли были исламизированы в результате *джихада*, войны, которая с теологической точки зрения подразумевает очищение захваченной территории от греха. На метафизическом уровне *зимми* представляют собой воплощение зла, извращенность неверного, который, отвергая правоту веры завоевателя, продолжает цепляться за свои примитивные взгляды. Из-за неразвитости он страдает от унижения, никудышности и подчиненного состояния - безразлично, в изгнании или на земле своей бывшей родины, уравнивая, таким образом, своим презренным существованием условия "асимметричного контракта" между ним и высшей нацией.

Случайные исторические обстоятельства могут, отменяя эти асимметричные отношения, ликвидировать статус *зимми*, но стереотип *зимми* поддается разрушению с большим трудом, так как он существует в коллективной психологии независимо от писанных законов. Стереотип, будучи чем-то неосязаемым и абстрактным, обладает, тем не менее, огромной силой, коренящейся в традиции; он использует политические факторы сегодняшнего дня для того, чтобы в будущем, в подходящих обстоятельствах, возродить привычную форму существования *зимми*. Так стереотип продолжает оставаться потенциальной базой для возрождения социального статуса *зимми*, даже если тот статус временно уничтожен в результате успешного восстания подвластной группы населения или ее изгнания. Стереотип, даже лишенный своей субстанции, сохраняется благодаря наличию в нем его собственной идеологической структуры, чья функция заключается в отборе факторов, которые в будущем могут привести к возрождению уже в реальной жизни представлений, заложенных в стереотипе. Наличие стереотипа в сознании создает подходящие условия, что кончается не чем иным, как его возрождением в действительности.

Эти динамические взаимоотношения стереотипа и реальности могут быть проиллюстрированы на примере арабо-израильских войн, причиной которых было, во-первых, стремление *умма* к восстановлению своих прежних позиций с помощью арабизации Израиля, и, с другой стороны - противодействие этому израильтян. На этом примере можно воочию увидеть попытку возрождения *джихада* и *зимми*. Стереотип проявляется даже в лексике: сам факт объявления Израиля **арабским** подразумевает, что евреи по необходимости представляют собой *зимми*, осужденный жить под арабским владычеством на своей собственной земле. По логике арабской истории, понятия "арабская

Палестина" и "статус *зимми* для евреев" - синонимы. Они представляют собой два разных аспекта одной и той же реальности. Термин "арабская Палестина" или даже просто "Палестина" (последний термин заимствован у римлян) подразумевает возрождение *зимми* для израильтян в подходящее для этого время.

Будь эта цель реализована, евреям бы снова пришлось искать спасения среди других народов. Таким образом, факторы, способствующие изгнанию или деградации подвластного населения, благодаря живучести стереотипа *зимми* могут вновь возродиться и вместо абстрактного представления стать реальностью. Стереотип *зимми* можно различить и за призывами к *джихаду*, в утверждениях, что Израиль - арабская земля, и самым непосредственным образом - в многочисленных декларациях мусульманских политических и религиозных лидеров, что явно подтверждает обязательность статуса *зимми* для евреев.

Вне сомнения, ни обыватель-мусульманин, ни массовое сознание в целом не воспринимают стереотип *зимми* и его статус как чистые концепции. Увлекаемые течением истории, поднимающиеся из коллективного подсознания и приобретающие вид отчетливых политических формулировок, эти концепции выражаются в поговорках и обыденной речи народа, в литературе и юриспруденции, в обычаях, традициях, коллективной психологии и политической идеологии. Критическое отношение к праву Израиля на национальный суверенитет подразумевает не только постоянное возобновление почитания современных арабских ценностей, но и интерпретацию арабского империализма с универсалистской точки зрения, а не как до сих пор - лишь в терминах арабской этики. По разным причинам (включая социальные и культурные обстоятельства и отсутствие свободы самовыражения) арабская интеллигенция никогда не отваживалась на непредвзятый ретроспективный анализ прошлого своей нации. Вместо этого она преуспела в приложении традиционных стереотипов мышления к изменяющимся историческим обстоятельствам. Что же касается подчас услужливого и послушного поведения общин *зимми*, то это поведение является результатом практики угроз, дискриминации и состояния нестабильности, что, в свою очередь, проистекает из двойственного положения *зимми* - как пленников и козлов отпущения.

Стереотип *зимми* в арабо-палестинском сознании

Многочисленные книги о расовых преследованиях в разных обществах демонстрируют тот вредоносный эффект, который оказывают стереотипы массового сознания. Уже отмечалось, что модификация взаимоотношений между угнетателем и угнетаемым - посредством эмансипации или ассимиляции - совсем не предполагает уничтожения демонического образа подвергающейся дискриминации группы. Иногда эмансипация открывает простор новым отвратительным формам коллективной психологии. И действительно, чем дальше отдалается реальность от традиционного образа, тем больше делается упор на стереотип - для того, чтобы преодолеть разрыв между реальностью и фантазией. Поэтому, например, чем меньше израильтяне соответствуют традиционному образу *зимми*, тем более искаженной становится карикатура.

Известно, что успешная революция угнетенных оказывает травмирующее воздействие на угнетателей. Реваншизм и ненависть выражают горечь угнетателя, вынужденного противостоять восстанию своих жертв. Равенство прав с низшей по социальному статусу группой унижает доминирующую группу, которая отныне, лишенная своей ведущей роли, ищет утешения в иллюзиях. Эта реакция была с исчерпывающей полнотой проанализирована в книгах, исследующих феномен расизма.

Эти общие принципы на двух уровнях применимы к характеристике арабо-израильского конфликта. С одной стороны, они воздействуют на коллективную позицию арабов в отношении сионизма и остатков еврейских общин, сохраняющихся еще в арабском мире; с другой же стороны, и на гораздо более травмирующем уровне, они дают объяснение позиции палестинских арабов в отношении сионизма.

В то время как в диаспоре взаимоотношения евреев и их окружения определяются принадлежностью

евреев к иной религии, на их древней земле их положение будет оставаться положением народа, живущего на своей национальной территории. И это остается истиной, несмотря на демографические перекосы, образовавшиеся в результате политики угнетения. Вследствие политических причин дискриминация в Палестине проводилась гораздо более последовательно, нежели и других местах, так как ее главной целью было лишение евреев их земли. Редко случалось, чтобы нация столь систематически унижалась и разрушалась по всем ее национальным параметрам (демография, история, язык и культура), как это произошло с остатками евреев на их древней родине. Превращение Палестины в арабскую землю выражало политическое устремление победителей к постоянному пребыванию здесь и установлению своих моральных ценностей, так как захватчики не имели никаких сомнений в божественности своей миссии.

В новое время, однако, ситуация, благоприятствовавшая прежде оккупантам, радикально изменилась. Слабость центральной власти Османской империи, не способной контролировать положение в Палестине, позволила правительствам европейских стран взять под протекцию проживавших здесь немусульман. Рост числа газет наряду с развитием современных средств массовой коммуникации и транспорта давал возможность сионизму стать частью единого, охватившего весь мир движения за национальное освобождение. Применение современной технологии компенсировало незначительную численность проживавшей здесь еврейской общины. Времена изменились: маленькая группа вернувшихся евреев - прежде нейтрализованная преследованиями и гонениями - породила могучее движение, в конце концов приведшее к образованию независимого государства Израиль. Этот исторический контекст объясняет то травматическое воздействие, которое оказали на арабов Палестины успехи сионистов. На уровне коллективного сознания поведение европейских евреев не укладывалось в привычный стереотип *зимми*, чья деградация подтверждала и оправдывала чувство превосходства и доминацию *умма*. Стремление *зимми* к равенству воспринималось угнетателями как унижение, низводящее их до уровня их прежних жертв, многие столетия бывших социальными изгоями, достойными в лучшем случае лишь снисхождения. В политическом смысле восстание *зимми* потрясло арабское сознание, поставив под вопрос законность арабской доминации в регионе - как над территориями, завоеванными *джихадом*, так и над ярко выраженными неарабскими этническими группами.

Поэтому вряд ли может вызвать удивление тот факт, что эти психологические элементы беспокоят палестинских арабов, непосредственно заинтересованных в территориальных аспектах конфликта. Возвращение территории, арабизированной *джихадом*, у *зимми* воспринимается как катастрофа космических масштабов. Арабская палестинская антиссионистская литература отражает в мельчайших деталях арабскую концепцию *зимми* и их судьбы. Можно задать правомерный вопрос - не превратился ли Ливан в результате политических манипуляций в еще одно государство *зимми*?

Терпимость или угнетение?

Чем была *зимми* - системой угнетения или терпимости? Отвечать на этот вопрос абстрактно было бы абсурдом. Как характеристика определенной цивилизации она должна быть рассматриваема во всей совокупности своих экономических и политических свойств. Только в отношении к другим, современным ей системам экспансии могут выявиться ее позитивные и негативные черты, варианты ее интерпретаций и различия - в разных условиях места и времени. Главная цель которого - рассмотрение данной системы с точки зрения *зимми*. Вне сомнения, интерпретация с позиции доминантной группы дала бы совершенно другую картину. Так, уже утверждалось, что арабомусульманское правление предоставляло протекцию своим данникам, - на что можно возразить, что первоначально "протекция" состояла в насилии захватчиков над безоружным населением. Безусловно, это "покровительство" откладывало исполнение угрозы уничтожения (в случае непослушания подвластного населения), но сама по себе угроза продолжала существовать, и исходила она от доминантной группы, так как та присвоила себе право и на это, исходя из своих представлений о порядке ведения войны.

Довольно часто можно прочесть, что *зимми* была абстрактной концепцией и редко применялась на практике. Исследование и тщательное сравнение многочисленных документов, происходящих из разных источников, подтверждает, что это утопическое мнение инспирировано апологетами данной системы и вряд ли соответствует исторической реальности. И, наконец, иногда утверждается, что *зимми* мало страдали от своего низшего статуса. Это - субъективный и расистский аргумент, подобный тому, как если бы кто-то защищал рабство на том основании, что рабы якобы страдают меньше, чем господа, от отсутствия свободы и достоинства. Двусмысленная природа этой "терпимости" проистекает из ее связи с уникальным представлением о всеобщей войне, рассматриваемой как единственно возможный способ взаимоотношений с другими народами, взаимоотношений, целиком и полностью определяемых религиозной точкой зрения. В других культурах, где теологические системы не содержали этой концепции, конфронтация между народами и государствами приобретала подчас не менее жестокий и кровавый характер, но поскольку война не воспринималась там ни как религиозная обязанность ни как интегральная часть человеческих взаимоотношений, эти системы смогли в конце концов достичь представления о возможности плюралистического существования в контексте всеобщего равенства и не выродиться в доминацию или "терпимость". Постоянная и универсальная религиозная война придает исламской "терпимости" ее особый характер. Действительно, протекция, гарантированная пророком народу Книги, его запрет на принуждение в религиозных вопросах способствовали сохранению в течение столетий традиции религиозного покровительства, игравшей важную роль в обуздании фанатиков во времена смут и предубеждений. Вполне достаточно упомянуть здесь этот позитивный перманентный аспект исламской традиции, бросающий слабый луч света на тяжкие условия жизни *зимми*.

Никто не отрицает, что арабо-исламская колонизация, особенно вначале, значительно улучшила положение меньшинств по сравнению с предыдущим теократическим византийским правлением. Действительно, период, предшествующий арабским завоеваниям, был отмечен официальным узаконением религиозных преследований византийской церковью. Так по контрасту с фанатичной византийской тиранией мусульманское правление, признававшее - хотя и подчиненное - существование других "религий Откровения", было значительным шагом вперед. Сама идея сосуществования различных народов - даже и в неравноправном положении, а также предоставление им самоуправления говорят о терпимости, отсутствовавшей у византийской власти. Следовательно, можно утверждать, не впадая в противоречие, что в ранний период арабских завоеваний, до принятия византийских законов и установлений относительно подвластного населения, *зимми* не была лишена положительных моментов. Согласно *хадису*, пророк говорил: "Кто убьет данника, не вдохнет запах рая", а Омар ибн ал-Хаттаб изрек на своем смертном одре:

Я советую тебе помнить о народах, с которыми Аллах заключил союз, ибо соглашение с нашим пророком защищает их; и будут они оказывать всевозможную помощь твоим родам.

Эта система, одновременно и деспотическая, притеснявшая народы *зимми* - и в то же самое время защищавшая их, представляет сегодня в своей религиозной направленности главное препятствие на пути установления равноправных взаимоотношений между группами (или нациями) *зимми* и их мусульманским окружением. Тот же самый религиозный фактор, который в отношении божественной воли служил раньше защитой, превратился сегодня в камень преткновения, поскольку статус *зимми* - в соответствии с религиозной интерпретацией - должен сохраняться до конца времен. Остается только надеяться, что мусульманские мыслители с помощью новой интерпретации традиционных текстов окажутся способными модифицировать или преодолеть концепции *джихада* и *зимми*.

Фундаментализм

Наше исследование не ставит целью анализировать ситуацию сегодняшних дней и дать определение процессам, но на одном примере стоит показать живучесть традиционного способа мышления. Разрыв Ираном дипломатических отношений с Израилем наряду с исламизацией его политического режима; подтверждает укорененность антисиионизма в таких исламских представлениях, как *джихад*

и *зимми*. Иудаизм как религия - терпима, но сионизм как национально-освободительное, с определенной территорией, движение еврейского народа - враждебен ей.

В речи от 16 августа 1970 года аятолла Хомейни назвал Израиль, Соединенные Штаты Америки и все те страны, которые не примут участия в специальном Дне солидарности с палестинским народом, "врагами ислама". Он добавил:

Правительства мира должны знать, что ислам не может быть побежден. Ислам победит во всех странах мира, и ислам и учение Корана будут властвовать надо всем миром.

В свете опыта прошлого можно предположить, что подтверждается стремление к распространению *джихада*, а, следовательно, и *зимми*, но всему миру. Подобно этому ливанский и арабо-израильский конфликты демонстрируют такие идеологические полюсы, которые не могут не волновать человечество, в особенности во времена возрождения мусульманского фундаментализма. Это мусульманское идеологическое движение вне сомнения вносит нечто совершенно новое в ситуацию в мире. Исламский фундаментализм всегда был постоянно действующим фактором истории. То затухая, то набирая мощь, он возвращается на историческую арену и периоды социальных и политических напряжений, когда массы народа тянутся к религиозным лидерам, излучающим харизму и ауру святости.

Современный мусульманский фундаментализм выражает крайнее внутреннее напряжение и деформацию традиционных религиозных общин под давлением извне, кризис их ценностей и переход в новое состояние, приспособление к новым условиям. В авторитарных режимах, запрещающих все формы политической оппозиции, религия СЛУЖИТ единственным способом выражения и прикрытием многочисленных и противоборствующих сил, стремящихся к социальным и политическим изменениям.

На протяжении двадцатых годов в Египте, а в наши дни в Иране фундаментализм, выражающий народное недовольство, подогревается я консервативно-религиозным пылом. В Иране фундаментализм взял на вооружение практику коммунистической партии, а также объединился с прозападно настроенной интеллигенцией, стремившейся к реформам.

Можно сказать, что целью фундаментализма является установление Корана и "СУННЫ" как единственных авторитетов в юрисдикции мусульман в концепции *джихада* и фундаментализма. На Западе технология является лишь одним из выражений культурного развития, которое в силу своей внутренней свободы всегда осознанно и самокритично. Но эта же самая технология, импортированная в третий мир, оторванная от своих истоков и вырванная из своего культурного контекста, теряет связи с окружающей реальностью, а значит, не может быть ассимилирована ею. Технология становится независимой силой, оказывающей магическое, разрушительное воздействие на ее обладателей, бросая в то же время безгласные и нищие массы в ад бесчеловечной эксплуатации и уничтожения.

Расплодившийся в результате этого процесса люмпен-пролетариат воспринимает, таким образом, Запад как угнетающую и агрессивную власть, целью которой является унижение человека, его достоинства, его традиционных моральных и культурных ценностей, власть, замещающую все это заграничными суррогатами. Повергнутый в отчаяние нищетой, он слепо следует за религиозными доктринами, выросшими в его же среде, знающими его проблемы, говорящими на его языке и обещающими возрождение славного прошлого. Эти обещания становятся все более соблазнительными, если принять во внимание манну в виде нефтедолларов, снизошедшую на этих харизматических лидеров и предоставленную в их распоряжение. С помощью этой всепобеждающей силы они завоевывают влияние у масс и оправдывают свои собственные нарушения проповедуемой ими религиозной морали. Гораздо лучше, считают они, если их подданные обратятся к Аллаху, нежели к марксизму.

Так силы, вскармливающие мусульманский фундаментализм, проявляются на разных уровнях. С общекультурной точки зрения фундаментализм берет свое начало от конфронтации с западным миром и следующим за этим отрицанием его материалистической субкультуры, воспринимаемой в

качестве системы подавления традиционных мусульманских ценностей. На социальпо-политическом уровне возрождение религиозного рвения дает возможность создать оплот против распространения коммунизма в массах под гнетом нищеты (правда, советский империализм может использовать в своих интересах и фундаментализм). Славное прошлое исламской истории служит гордым знаменем для испуганной и надломленной элиты, введенной в заблуждение вымышленной идеей "золотого века", разрушенного - так ей представляется - европейской колонизацией.

Как бы ни были противоречивы и противоположны эти силы, какой бы ни была их социальная, политическая или экономическая мотивация и их поляризация в отношении конфликта Запад-Восток, все эти направления обретают единство и общую ориентацию в той религиозной и исторической структуре, на которой они базируются, с которой противоборствуют и спорят. Например, восстание против иранской монархии не только имело социально-экономические корни, но направлено также и на свержение не уважающего ислам правителя. Замышляя убийство прозападно ориентированного Садата, террористическая группа успешно осуществила покушение на него.

Целью ее было приведение в исполнение смертного приговора над "предателем ислама" и ускорение возврата к халифату. Начиная с этого времени, организации провели в Ливане многочисленные террористические акции (1983) против американских, французских и израильских войск, а также против гражданских объектов этих стран в Европе. Эти акции продолжаются и по сей день и они оправдываются и объясняются с точки зрения религии.

Можно задаться вопросом, было ли такое развитие событий неизбежным или существовал где-то решающий момент в истории, когда можно было направить это движение в противоположном направлении. Если и впрямь этот момент существовал, он должен был иметь место в период выбора между войной и миром. Совершенно очевидно, что арабо-израильский конфликт придал этому политическую окраску. Отказ лидеров арабских стран абсорбировать арабских беженцев из Палестины (что делалось всегда, когда происходило передвижение больших групп населения) и вместо этого превращение их в орудие борьбы против Израиля создали в лагерях беженцев благодатную почву для действий ООП. Правительства арабских стран, пленники своих собственных поступков, уже не были способны к выбору между войной и миром. Вместо ограничения конфликта они интернационализировали его для того, чтобы принудить другие страны - с помощью угроз и давления - к сотрудничеству с ними в деле уничтожения Израиля - страны, часть населения которой являются потомками *зимми* (как местные жители, так и беженцы ИЗ арабских стран). Эта универсализация конфликта содержит семена дальнейшего распространения *джихада*, а тем временем нестабильные арабские режимы накапливают горы современного оружия. И именно арабо-израильский конфликт, благодаря своему размаху, стал в наши дни пробным камнем реалистичности и дальновидности политических деятелей мира.

Настоящее и будущее - выбор пути

В двадцатом столетии лидеры мусульманских стран должны решить ключевой вопрос - продолжать ли им придерживаться идеологии *джихада*, которая в конце может вовлечь весь мир в гигантский ядерный *джихад*, или стремиться к обновлению умов и сердец и восприятию неверных как человеческих существ, которым свойственны те же надежды и страдания, что и мусульманам. Негативная позиция была выражена первым алжирским президентом в 1982 году в следующей лапидарной формуле:

Как арабы, мы хотим быть. Однако быть мы можем только в случае небытия других.

Хотя некоторые современные арабские лидеры и интеллектуалы отдают отчет в необходимости смены традиционной идеологии, либерально настроенное меньшинство мусульманских стран захлестывает волна фундаментализма, интеллектуального террора и апологетики, старающейся оправдать традиционные подходы вместо поиска - с помощью анализа и самокритики - новых путей для реформ и изменений.

Бен-Белла открыто оправдывал покушения на тех лидеров, чью политику он не одобрял - это было

общепринятой практикой еще во времена мамелюков, а также настаивал - после приобретения арабскими странами ядерного оружия - на ядерной войне против Израиля:

Если нет другого решения, должна быть ядерная война, и это будет окончательное решение вопроса. Такая всенародная демонстрация агрессивности и моральной безответственности возможна лишь при наличии монолитного сознания, совершенно безучастного к таким "частностям", как трагедия существования *зимми*. Эта позиция проистекает из полного забвения уроков истории и тотального отрицания права на существование восточных неарабских и немусульманских народов, чьи история, страдания и права как будто не имели и не имеют места в истории.

Следует отметить, что президент Саадат в свое время революционизировал арабскую политику, а это говорит о попытке понять опасность ядерной эры и универсальную ценность национального суверенитета. Но, например, крайности реакции Фронта сопротивления арабских стран на его действия подтверждают, как много усилий еще потребуется для изменения политической идеологии, существовавшей на протяжении последних тринадцати столетий. Однако возникающее чувство дружбы между египтянами и израильтянами показывает, что душевная щедрость, свойственная человеческому роду в целом, может совладать с ошибочными политическими идеологиями и действиями правительств.

ПСИХОЛОГИЯ УГНЕТЕННЫХ: МОРАЛЬНОЕ ВЫРОЖДЕНИЕ И МОРАЛЬНОЕ ВЕЛИЧИЕ Супер-эго доминантной группы

Империалисты любых мастей всегда пытались оправдать себя тем, что они выполняют "цивилизаторскую" миссию, возложенную на народ, чьи победы свидетельствуют о прогрессе в распространении доброты, справедливости и благородства на Земле. Эксцессы же, связанные с завоеванием, - такие, как убийства, конфискации, депортации и угнетение, - обдуманно замалчиваются. Подразумевается, что покоренные народы встречали своих поработителей с распростертыми объятиями. История, таким образом, превращается в оправдывающую и прославляющую высшие ценности завоевателей. Легенды приписывают побежденным выдуманный макиавеллизм, усиливающий мифические достоинства победителей, а те, в свою очередь, описываются как истинные и великодушные герои.

Открытая практика подавления, санкционированная законом и властью, развивает и доминантной группе модели поведения, определяемые традицией, привычками и историей. Социологи, специализирующиеся в этой области, уже проанализировали поведение доминантной и угнетаемой групп. В настоящем исследовании будет достаточно указать на некоторые черты, связанные с деградацией групп, относящихся к категории *зимми*.

Но, во-первых, следует сказать, что нельзя читать историю народов *зимми* исключительно в версии победителей. Надо помнить, что *умма* рассматривала поведение *зимми* с точки зрения своих собственных ценностей: если *зимми* едет на лошади - он хвостун, а если носит белые и зеленые одежды - наглец. Таким образом, обвинения, выдвигавшиеся против *зимми*, должны интерпретироваться в свете ценностей и табу того общества, которое установило их. Более того, зависть и ненависть со стороны *зимми*, заметные в описаниях их поведения, зачастую выглядят недостоверными. Обвинения, выдвигавшиеся против *зимми*, - предательство, коварство, богатство, экономический монополизм, разрыв *зимми*, - самим своим постоянным повторением провоцируют, по всей видимости, наказание - в особенности, если вспомнить, что доминантная группа оставляет за собой право отменить *зимми*, когда ей это заблагорассудится. Отчеты консулов 19-го века дают противоречивые версии и интерпретации одних и тех же событий. Поэтому при исследовании этих текстов необходимо проявлять осторожность, так как нельзя забывать о том, что *зимми* были лишены права свидетельствовать в мусульманских религиозных судах. Более того, принцип коллективного наказания, делающий всю общину ответственной за прегрешения одного или двух ее членов, даже и не применявшийся повсеместно, добавлял еще один фактор нестабильности к ситуации, в которой находились *зимми*.

Мы отнюдь не собираемся утверждать, что *зимми* были более добродетельны, нежели их

завоеватели. Человеческая природа - всегда та же, те же достоинства и недостатки существовали у обеих групп.

И все же самым страшным грехом *зимми* в глазах их завоевателей было то, что они являлись наследниками цивилизаций, наук, земель и богатств, ставших частью их. Их трагедия была по сути дела политической, поэтому можно сказать, не боясь впасть в противоречие, что ислам в качестве религии терпимо относился к евреям и христианам как к "народам Книги". Действительно, именно это противоречие между религиозной терпимостью ислама и политическим угнетением дало возможность народам *зимми* сохраниться, пусть и в отсталом состоянии.

Выталкивание и изоляция зимми

Моральный и интеллектуальный уровень общин *зимми* зачастую зависел от их лидеров. Если последние были невежественны и коррумпированы, уже деградировавшая община еще глубже погружалась в состояние стагнации. Решающая роль лидеров общин особенно заметна в периоды насильственных обращений, когда находившаяся в нерешительности масса обыкновенно следовала примеру тех, кто руководил общиной и отвечал за сохранение ее духовных ценностей. Ситуация, в которой оказалась знать *зимми*, не была лишена определенных противоречий. Будучи посредниками между массами *зимми*, которыми они управляли, и мусульманскими властями, использовавшими их в своих целях, лидеры общин нередко становились проводниками и защитниками политики угнетателей, так как не могли преодолеть соблазн привилегий, предоставлявшихся им как лицам, выполнявшим определенные функции.

Такое поведение, позволявшее им добиваться для себя всевозможных выгод, поддерживало их власть над общиной. Знать *зимми* была тем более предана правителям, что ее престиж и особая позиция в обществе целиком зависели от прихоти тиранов. Осознающие ответственность (также находящиеся под влиянием и классовых интересов) лидеры общин, создавая механизм их подавления, способствовали сохранению этих общин, пока не созрели условия для процесса эмансипации в Европе. Отмена *зимми* позволила высвободиться силам, выступавшим против деспотизма местной знати, что привело к аналогичным кризисам во всех общинах национальных меньшинств, не ассимилированных *умма*.

Комбинированный эффект экономической мощи знати, духовной ауры ученых и власти священства помогали поддерживать единство общин. Однако умаление роли общественного мнения вело к появлению перебежчиков. Амбициозные индивидуумы отвергали попытки быть униженными доминантной группой, чьей культурой и славой они восхищались. Всевластье общинной знати расстраивало личные планы. Поэтому в крайних случаях у некоторых раздраженных интеллектуалов наблюдались такие индивидуальные и коллективные искривления мировосприятия, что это граничило с ненавистью к самим себе. Данный феномен стал в особенности очевиден после 1860 года, когда началась эмансипация христианских общин, и он частично объясняет также "арабский выбор" христианских интеллектуалов.

"Обращение" восточных христиан к арабизму имело далеко идущие последствия. Оно лишило их славной доисламской истории и низвело до уровня их арабо-бедуинских завоевателей, которым они передали достижения своей культуры. Отказавшись от своей истории, своего языка и своей культуры, они превратились в неукорененный, изломанный, бессильный народ. Распались традиционные культурные и религиозные связи, поддерживавшие отношения солидарности и взаимопомощи между христианами-*зимми*. И на этом разъединенном коррозией палимпсесте были написаны мифы. Маскируясь под арабов, христиане боролись за свои арабские права, вместо того, чтобы бороться за свои права христиан. В течение периода европейской колонизации многие из них, борясь за национальную независимость арабов, смогли достичь большого влияния в культуре и политике, но положение их христианских общин, за исключением общины ливанских христиан, не улучшилось по окончании этого периода. Евреи выбрали другой исторический путь. Их редко увлекал панарабизм, они не играли никакой политической роли, но были, тем не менее, вытеснены из

умма. В заключение следует сказать, что иудео-христианский эксперимент существования на протяжении тринадцати столетий в дир ал-ислам закончился полной неудачей.

У большинства *зимми* вполне естественными были причины жаловаться не только на угнетение внутри общины со стороны общинной знати, но и на притеснения извне. Но всякое отрицание иерархической структуры внутри общины, необходимое для ее полного освобождения, потребовало бы политической программы и политической организации. Однако это не просто было невозможно в положении *зимми* и при наличии соответствующего окружения - это означало бы акт самоубийства. Восстание внутри общины поставило бы под удар регулярную выплату налогов и иных поборов. Оно привело бы к массовым репрессиям со стороны мусульман, поскольку *зимми* были терпимы лишь как данники. Таким образом, эта система эксплуатации, функционировавшая с помощью общинной знати, - система, гарантировавшая сбор дани, - была и единственной, делавшей возможным само существование общины. Восстание против знати в то же время легально санкционировало бы физическое уничтожение членов непокорной общины и конфискацию их собственности. И более того, уровень жизни народов, в среде которых находились *зимми*, делал их восстание немислимым. Отсутствие прессы, дорог, опасности передвижения и враждебное окружение усиливали моральную и физическую изоляцию анклавов *зимми*, бывших вкраплениями внутри остального населения, раскиданными на огромных пространствах, беспомощными в столкновениях с властью и политикой дискриминации. Ко всему этому следует добавить разногласия между самими общинами, разделенными фракционной ненавистью, обдуманно поддерживавшейся и разжигавшейся доминантной группой.

Синдром зимми

Двенадцать столетий унижений деформировали как индивидуальную, так и коллективную психологию угнетавшихся групп населения, в результате чего возникла весьма распространенная форма отчуждения, которую можно было бы назвать "синдром *зимми*". В индивидуальном плане для него был характерен глубокий уровень дегуманизации. У человека, обреченного на пассивное существование, в результате отсутствия безопасности развивались чувства бессилия и зависимости, а также раболепство и невежество. Угнетенный и дискриминируемый, он относился к себе подобным с презрительной, осуждающей, саморазрушительной ненавистью, интенсивность которой варьировалась в соответствии со степенью его желания быть ассимилированным среди доминантного большинства. "Этот тип отчуждения еще и по сей день можно наблюдать в чистой форме среди маргинальных меньшинств *зимми*."

Основные характеристики синдрома *зимми* связаны с психологическим процессом унижения достоинства человека. Низведенный до зависимого существования в обстоятельствах, способствовавших физической и моральной деградации, *зимми* рассматривал себя как обесцененное человеческое существо. Осознавая, что восстание может навлечь на него смерть, он не имел иного выбора, как только превратиться в сознательный инструмент своего собственного разрушения. Человеческая свобода, направленная против самой себя, - наиболее трагичный пример отчуждения личности.

Как писал современный французский философ:

"Асимметричный Социальный контракт - одна из причин отчуждения". И именно в символической форме уплаты налогов, (мусульмане также платили тяжкие налоги, правда, и другом виде) следует искать исток самоотчуждения *зимми*. Победенные обязаны платить победителю за право существования на территории своей бывшей родины, а продукт их труда не просто должен отдаваться государству, но идти на финансирование *джихада* и дальнейшее расширение экспансии захватчиков. Так *зимми* трудились ради власти, угнетавшей их и для общества, из которого они были исключены (см. док. 3).

И 1855 году по всей Османской империи наряду с отменой запрета ношения оружия *зимми* был отменен и сбор *джизьи*. Вместо него ввели другой налог, его платили немусульмане и качестве замены прохождения военной службы. Правда, если для мусульман этот налог не был обязательным,

христиане и евреи были принуждены платить его, причем размер платы зависел от размера состояния плательщика. Так, когда христиане Дамаска попросили разрешить им записываться на военную службу и отказались платить налог, они превратились в глазах мусульман в мятежных, потерявших право на протекцию.

И это - наряду с другими факторами спровоцировало массовые погромы 1800 года. Другим существенным элементом процесса деградации было право победителя распоряжаться жизнью и смертью побежденных. Принятое в периоды войн, это право передавалось, однако, и в мирное время от одного поколения завоевателей к другому. Спасенные от смерти, *зимми* должны были постоянно защищать свою жизнь денежными платежами и подчинением победителю, который, отсрочил на время вынесение им смертного приговора, чувствовал себя всемогущим (см. док. 19). Сходный порочный круг действовал и в тех случаях, когда властитель считался умеренным и терпимым, поскольку в эти времена лишь усиливалось презрительное отношение большинства к маргинальным группам. В конце доминантная группа, приобретшая власть судить и миловать, оставляла за собой право уничтожения побежденных, даже и прекративших сопротивление.

Исключение зимми из истории

На коллективном уровне синдром *зимми* проявляется в забвении истории своего народа, его культуры и политического опыта. Это забвение является следствием адаптации или узурпации захватчиками прошлого народов. *Зимми* победители рассматривают себя как законных наследников всех цивилизаций, созданных на колонизированных территориях. И действительно, деградация и забвение связаны воедино, поскольку у нижестоящей группы нет места в истории. Молчание относительно прошлого *зимми* отнюдь не случайно, но представляет собой намеренное искоренение истории и их пародов. Изменение статуса какой-либо группы от высшего к низшему влечет за собой передачу вышестоящей группы культурного наследия низшей (навыков цивилизации, наук и искусств). Вследствие своего положения она уступила захватчикам все свои права. Это низведение до рабского уровня законных наследников собственной культуры только по экономическим причинам, уничтожает единственного соперника, могущего заявить о своих правах, присвоенных узурпаторами. Таким образом, деградация закономерно предается забвению, если понимать под этим забвение своей истории и географии. Культурный империализм поддерживает и оправдывает территориальный империализм; культура, монополизируемая доминантной группой, политизируется и выхолащивается, становясь инструментом подавления и отчуждения.

Арабо-израильский конфликт обнажает эту тактику. Палестинская пропаганда, предназначенная для Запада, направлена на фальсификацию истории с помощью семантической подмены "палестинскими арабами" - евреев. Этот маскарад арабов (или "палестинцев"), выступающих "вместо" евреев, способствует передаче им исторических прав Израиля, а также наделению их достоинством еврейского народа и симпатиями к нему. Лишая евреев их прошлого (то есть используя эффект подмены), ООП низводит их до уровня лишенной корней зависимой группы, достойной только снисхождения арабов.

На пресс-конференции в ООН 2 сент. 1983 г. в Женевском Дворце Наций Ясер Арафат утверждал: Именно *мы* были под пятой римского империализма. Именно *мы* послали палестинского рыбака, прозванного Святым Петром, в Рим; он не только завоевал Рим, но завоевал также сердца людей. Именно *мы* знаем, как противостоять империализму и оккупации. Иисус Христос был первым палестинским феодалом*, пронесшим свой меч по той же тропе, по которой палестинцы сегодня несут свой крест" (синхронный перевод с арабского).

* Феодал - боец боевых арабских групп. (Прим. ред.)

Таким образом, ради успеха палестинского дела Иисус Христос перекрашивается в палестинского суперфеодала (то есть борца за ислам), и сам Ясер Арафат напрямую ассоциируется с основоположником христианства.

Более того, все, что имеет отношение к культуре, монополизируется *умма*. Любое интеллектуальное достижение *зимми* должно восприниматься как высокомерие. Чтобы в полной мере оценить глубину

бесчестия статуса *зимми*, термин "унижение" должен быть помещен в контекст арабской системы ценностей, где понятие чести играет главную роль.

Другим важным фактором, способствующим моральной деградации *зимми*, является предписание молчания, возложенное на какую-либо специфическую группу населения. Отрицание за *зимми* права свидетельствовать в исламском суде против мусульманина определяет эту позицию и обнажает психологическую закономерность, лежащую в ее основе.

Зимми, лишенные права защищать себя, были поставлены в ситуацию потенциальных заложников, находящихся под угрозой любого необоснованного обвинения. Это положение постоянной уязвимости поощряло раболепство и лесть. Уже после эмансипации европейские консулы отмечали боязнь *зимми* защищать свои права, даже если могли выиграть судебный процесс, потому что "наглость" со стороны *зимми* каралась смертью (см. док. 35 и 52).

Что касается доминантной группы, отказ принять свидетельство *зимми* в суде символизирует даже большее отрицание - отрицание свободы высказываний, этого существенного права всякого человека. Отказ выслушать, установить копта, обменяться взглядами был не чем иным, как отрицанием страданий и прав других людей. Подавление свободы речи принуждает обвиняемых к молчанию. Это отрицание права на свидетельство переносится с индивидуума на группу в целом и постоянно воспроизводится во времени.

Восточный сионизм

Народы *зимми* не только не имеют истории, они не обладают даже правом на нее. Эта коллективная амнезия свойственна всем им. Восточное еврейство особо выделено в этом исследовании, так как недавние исторические события увеличили значимость аспекта исторической памяти. Из-за этой амнезии национальная борьба Израиля за существование никогда не была объяснена в ее полном историческом и географическом контексте. Так как коллективная память сосредоточилась лишь в ашкеназской ветви еврейства, потеряно объемное восприятие пути, пройденного народом в целом. Введение восточного измерения дополняет историю европейского еврейства, способствуя, таким образом, созданию целостной картины истории всего еврейского народа. В этом случае сионизм обретает свои истинные рамки как движение, нашедшее выражение и действовавшее свободно лишь в отдельный специфический период истории за пределами *дар ал-ислам*. В соответствии с этим роль и активность ашкеназского еврейства обретают истинную перспективу и глубину.

Сионизм развивался по большей части в Европе и Америке; там весьма слабо представляли себе условия существования *зимми* и психологические последствия, вытекающие из этого явления (отсутствие чувства безопасности, страх, привычка к молчанию). Сионизм обычно рассматривался как исключительно западное движение. Политико-культурные реалии, вступавшие в противоречие с этой точкой зрения, затемнялись. Султан Османской империи говорил в конце девятнадцатого века, что не позволит Палестине превратиться "во вторую Армению". Из этого высказывания ясно, что любое, даже самое незначительное проявление еврейского национализма среди изолированных, разбросанных по огромной территории общин евреев *зимми* было бы, вероятно, подавлено с такой же жестокостью, как и армянский национализм, организованный и вооруженный соседкой Россией. Кровавые бои между османским правительством и его христианскими подданными в Европе, стремившимся к национальному освобождению (включая первые погромы армян в 1890-е годы), убедили евреев *дир ал-ислам*, лишенных фактически поддержки европейских правительств, что цена свободы будет очень высока. Они не объявляли себя воинствующими сионистами, поскольку само их существование находилось под вопросом, даже если они и чувствовали себя в относительно большей безопасности в переходный период европейской колонизации. Позднейшие события подвели базу под эти опасения, так как в большинстве обретших независимость арабских стран поддержка идей сионизма превратилась в преступление, наказуемое смертной казнью. Однако, постоянно маскируясь, восточные евреи прибегали к иным формам борьбы.

Верно, что такие побудительные стимулы развития сионизма на Западе, как антисемитская реакция против эмансипации и ассимиляции евреев, не имели места на Ближнем Востоке и в Северной

Африке. Но совсем не обязательно ["дело Дрейфуса"](#) для того, чтобы вспыхнуло стремление к освобождению; к тому же "дело Дрейфуса" было невозможно на Востоке, где ни один еврей или христианин не имел шансов дослужиться до высокого военного чина. Более того, мусульманское государство не могло быть так морально расколото, как Франция, несправедливым приговором мусульманину, а уж тем более - еврею или христианину. Следовательно, распространение сионизма на Востоке не могло основываться на западных критериях, но прежде нужно было приступить к изучению взаимоотношений *зимми* и *умма*, как в действительности, так и с учетом их возможных изменений. Освобождение земель *зимми*, управлявшихся по правилам *джихада*, могло начаться только извне - как и произошло в некоторых случаях (например, с армянами), что и сделало решающей роль ашкеназского еврейства в отношении Палестины.

Поселение евреев на их древней родине и их право на владение этой землей, отрицавшееся мусульманами, могли осуществляться только через систему правил, известную под названием *"Капитуляции"*. Благодаря этим соглашениям, заключенным между османскими султанами и европейскими правительствами, только европейские евреи могли принимать участие в этой самой важной фазе сионистской борьбы. Попытки султана воспрепятствовать европейским евреям селиться в Палестине были не до конца эффективны, поскольку европейское еврейство могло протестовать: ограничения и запреты на посещение или поселение в Палестине, а также на покупку здесь земли трактовались как религиозная дискриминация евреев, каковая возможность не упоминалась в *"Капитуляциях"*. Восточные евреи - подданные султана или других восточных правителей - не могли использовать этот аргумент, и поэтому им регулярно отказывалось в праве въезда в Палестину, в особенности в конце 19-го века. И снова: существование восточных евреев на обочине общества, а также запрет *зимми* возвращаться на их прежнюю родину - среди прочих факторов - привели к тому, что на этой первоначальной фазе сионистская иммиграция в Палестину осуществлялась в основном европейским еврейством. Этот суммарный перечень факторов приведен здесь для того, чтобы выделить некоторые существенные обстоятельства в истории восточного еврейства, почти не известные широкой публике.

Постоянное отрицание восточного измерения сионизма помогало создать образ Израиля в виде некоего колониального государства западного образца - даже если Израиль воспринимался как ответ евреев на геноцид нацистов. В этом случае Израиль рассматривается исключительно с точки зрения Запада, а это вступает в противоречие с реальностями истории, географии и демографии. Ни в коей мере не отрицая особой динамики, присущей европейскому сионизму, и его значительных достижений, не следует также забывать, что судьба Палестины и ее еврейского населения определялась законами *джихад* и неявными последствиями этой практики. Именно историческая амнезия, присущая восточному еврейству, послужила причиной интерпретации сионизма как исключительно европейского движения, даже если данное движение объединяет и охватывает все части нации, рассеянной в изгнании. Эта короткая память во многом ответственна за приписывание нынешней ситуации, в которой палестинские беженцы аналогизируются европейскому антисемитизму и нацизму, тогда как это следствие значительно более древней трагедии. Только если будет принята во внимание история *зимми*, найдется и решение, удовлетворяющее стороны конфликта, - в соответствии с историческими реальностями, создавшими это положение.

Ситуация, с которой сталкивается сейчас Израиль, представляет собой наглядную иллюстрацию не существования *зимми* в истории, стертую с арабских карт (за исключением Египта, покончившего с этой практикой), государство Израиль не упоминается в протоколах и документах международных организаций в тех странах, где ООН пользуется автоматической поддержкой большинства населения. Подобная политика возрождает принцип исключения из истории народов *зимми*, наследников древних цивилизаций Востока. Процесс забвения - процесс, связанный с завоеваниями с последующим провозглашением исключительных арабо-исламских прав, продолжается и по сей день.

Кумулятивный эффект этих факторов, действовавших в течение столетий, должен был привить

народам *зимми* политическую инфантильность - иными словами, безответственность в отношении своего исторического предназначения. Для современных событий в Ливане характерны феодальные распри сект маронитов и соперничество между их лидерами, проводящими в жизнь политику знати *зимми*, этого финансового оплота арабизма. Можно найти сходные модели поведения в сопоставимых ситуациях прошлого, например, среди армянской и еврейской верхушки, а в девятнадцатом столетии - у греков.

В Израиле аполитичная позиция широких масс восточного еврейства составляет один из аспектов синдрома *зимми*. С этой точки зрения политическая активность "палестинских арабов", многие из которых являются потомками мусульманских колонистов 18-19 веков из Восточной Европы и с Кавказа, может быть сравнима с молчанием евреев - выходцев с Востока. А они могли бы не только защищать свои права на свою древнюю землю, но также и доказать, что в арабских странах (где они подвергались эксплуатации и вынуждены были покинуть их), еврейские общины существовали задолго до арабских завоеваний. Этот контраст между активизмом "палестинцев" и молчанием бывших *зимми* наглядно демонстрирует различие между теми, кто привык к доминации, и теми, кто привык к безропотности и безгласности. Причина состоит в том, что *зимми* не способны думать в терминах права; скорее, они ограничиваются представлениями о благодарности и терпимости. Этой позицией они обязаны угнетению со стороны доминантной группы; правда, как дополнительный фактор, следует упомянуть и иерархический характер социальной структуры общин самих *зимми*. Вряд ли уместно здесь обобщать, но уже довольно часто случалось, что в трудных исторических обстоятельствах официально утвержденные властями лидеры *зимми* не поднимались до уровня храбрости и терпения всего своего народа. Зависимость от посторонней помощи, отказ от ответственности, вследствие отсутствия политической свободы, связанность традиционной экономической ролью, развившейся во времена угнетения - вот типические характеристики данной группы, не смогла ни достичь политической зрелости, ни обрести полного национального суверенитета.

История *зимми*, прослеженная во всем ее многообразии, наглядно показывает, как тирания приводила к искривлениям в поведении низшей группы, а эти искривления оправдывали ее угнетение в глазах тиранов. Противоречит логике убеждение, состоящее в том, что некоей группе приписываются вредоносные и извращенные свойства, причем, на самом деле, лишь для того, чтобы сохранить монополию на человеческое достоинство и оправдать собственную тиранию. Если условия существования *зимми* напоминали положение подвергшихся колонизации народов, в некоторых аспектах они были гораздо трагичнее. Типичные характеристики этой ситуации: унижения, отверженность и непрекращающиеся страдания, наводят на мысль о мученичестве, сознательно принятом ради защиты духовной свободы.

Экзистенциальное значение состояния зимми

Изучение исторических документов, т.е. всего комплекса имеющих отношение к делу, возбуждает, помимо прочих чувств, чувство известного недоумения. Как все-таки смогла выжить группа человеческих существ, подвергавшихся столь сильному угнетению, даже если, как это уже было замечено, имелась значительная разница в степени и характере угнетения в разных регионах и в разные периоды истории исламского мира? Описывая условия жизни марокканских евреев в районе Атласских гор в 1901 году, французский писатель отмечал:

Достоин удивления, как под властью такой тирании народ смог сохранить свою веру, несущую ему лишь мученичество. Можно только вообразить ненависть, которую возбуждало в завоевателях сопротивление этих несчастных постоянным погромам и казням.

Эта проблема носит настолько сложный и самостоятельный характер, что в рамках нашего исследования невозможно ее рассмотреть. Единственное, что можно попытаться сделать - это придать ей форму четко сформулированного вопроса.

Во-первых, следует спросить, возможно ли сохранение народа в таких обстоятельствах, или то, что

мы видим, - не что иное, как жалкие остатки некогда процветавших общин Древнего Востока, свидетельство политики, приведшей, скорее, к их уничтожению, нежели сохранению? Некоторые историки называют эти остатки "ископаемыми культурами". Мы знаем случаи массового вероотступничества членов больших христианских и зороастрийских общин, навряд ли возможно, чтобы люди по собственной воле отказались от своей веры в пользу веры завоевателей. Молчание, окружающее два первых иска арабских завоеваний, вынуждает историка обратиться к предположениям. Вряд ли можно оспаривать тот очевидный факт, что огромные материальные и социальные блага, распространявшиеся на завоевателей, были одной из главных причин обращения в ислам. Следует помнить, что массовые обращения всегда следуют за периодами великих регрессий. Слово "вымирание" подразумевает как физическое, так и духовное уничтожение какой-либо группы населения - вне зависимости, какие методы при этом используются. Похищение детей и насильственные обращения сирот - примеры принуждения, не связанного с физическим уничтожением, так, например, действовали власти Османской империи, осуществляя насильственный набор в армию и последующее обращение в мусульманство христиан-подростков. Если и впрямь что-то сохранилось, то это следует рассматривать в соответствии с двумя критериями - количественным и качественным. Качественный аспект относится к сохранению таких характеристик народа, как история, язык, литература, а также осознание нацией своего прошлого и наличие созидательных устремлений. Многочисленные факторы повлияли на степень самоотчуждения каждой из групп *зимми*. Так, например, общины коптов и армянский народ всегда рассматривали себя как общность, объединенную специфической культурой и историей, тогда как православные христиане осознавали себя только как религиозное меньшинство. Уже в наше время евреи стали единственным немусульманским народом на Ближнем Востоке, добившимся политической независимости. С известными допущениями то же можно сказать и о ливанских христианах. Но если в Израиле евреи говорят на своем национальном языке, христиане в Ливане говорят на языке своих завоевателей - арабов. Три главных причины способствовали успешному национальному возрождению Израиля: наличие исторической памяти, сохранение национально-религиозных институтов и рассеяние (изгнание). Можно до бесконечности заниматься спекуляциями на тему о том, какие факторы в экстремальных исторических обстоятельствах (таких как потеря территории и подчинение чужеземной власти) способствовали сохранению этнического сознания в общинах *зимми*. Предмет слишком обширен и сложен, и обстоятельства различны в каждом случае (например, марониты, обосновавшиеся в Ливане из-за выгод географического положения этой страны, всегда обладали собственным оружием и не рассматривались в качестве *зимми*), так что выскажем ниже несколько гипотез, делая упор на значимость таких факторов внутриобщинной жизни, как сплоченность и солидарность.

Внутриобщинные связи

На уровне общины групповая сплоченность была следствием наличия жесткой структуры внутриобщинных связей, ограничивавшей действия каждого члена общины чувством ответственности за коллектив в целом; причем структура эта постоянно поддерживалась властями общины. В общине существовали всевозможные институты, созданные для удовлетворения духовных и материальных потребностей ее членов: религиозные и учебные заведения, система благотворительности и т.д. *Джизья* за старых, больных и бедных выплачивалась из общинных фондов. Из этих же средств выплачивался выкуп за единоверцев (пленников-евреев или христиан). Распределение продовольствия, денег, одежды и лечебных средств нуждающимся, старикам, вдовам и сиротам шло также из этого источника. Общинные фонды помогали путешественникам-единоверцам и общинам, находившимся в бедственном положении.

На уровне коллективной психологии положение представляется не столь простым. Можно выделить два представления, имевших решающее влияние в ее формировании. Во-первых, это идея искупления

через страдания, выраженная с огромной силой в пророческой литературе Ветхого Завета. Она была духовным прибежищем для евреев и христиан, хотя и по-разному оказывала влияние на них. Для этих двух групп *зимми* деспотическая власть, установленная над ними силой оружия, вряд ли казалась выше духовных ценностей их собственных культур, продолжавших развиваться, несмотря на все формы угнетения. В особенности это относится к евреям, поскольку в их культуре содержалось больше жизненных сил. У *зимми* всегда сохранялось убеждение, что принудительность их внешнего унижения не лишает их чести, но лишь приводит к деградации самих притеснителей, и они черпали из этого сознания силу, позволявшую им противостоять давлению угнетателей и продолжать движение по собственному пути.

Несмотря на внутренние теологические разногласия, объединяющая всех идея восстановления справедливости и наказания притеснителей, столь характерная для библейской литературы, тоже поддерживала в течение веков пассивное сопротивление *зимми* и давала им чувство единства. Не прерывность существования национального наследия: религии, языка, истории - обеспечивалась сословием священников. Но в силу деградации и унижения властями представителей терпимых религий, для тех, кто стремился ассимилироваться среди правящего большинства, священники превратились в ненавистный символ сохранения унижительных условий жизни.

Мессиянские ожидания

Другим фактором, способствовавшим сохранению народа, наиболее сильными были мессиянские ожидания. Народ Израиля, в течение столетий рассматривавший себя в качестве "пленников Сиона" "сыновей изгнания", всегда хранил надежду на возвращение в свою освобожденную землю, то возвращение в Сион было частью видения некоего нового мирового порядка, где наступит конец власти тиранов, и будут восстановлены в правах униженные, нагнанные и несправедливо осужденные. Отсутствие мессиянского национализма у христиан было одной из причин отступничества последователей этой веры, как в массах, так и среди элиты и разочарованиям, и потере идеалов современных интеллектуалов христиан. Община маронитов в этом смысле стоит особняком. Благодаря благоприятным географическим условиям они смогли противостоять завоевателям. И феодальная система, сохранение в их руках оружия и связи с Европой позволили им сохранить определенную автономию и единство, а также дали им чувство своей религиозной миссии, состоящей и защите других преследуемых христианских общин.

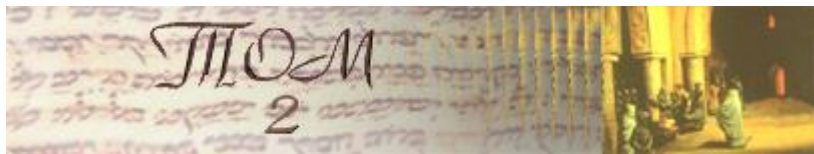
Не вызывает сомнения, что многие *зимми* с разрешением от представителей властей избегали запретов, возложенных на них, - но они были наказаны, как только преступление обнаружилось. И как еще можно интерпретировать многочисленные мелочные придирки, унижающие *зимми*, как не выдающие откровенное и непрерывное упорство фанатиков, мстящих подвластному населению за крепость его веры. Да, несмотря на деградацию, на которую они были обречены, *зимми* отказывались признать главенство своих завоевателей. Иногда утверждают, что занятие *зимми* некоторых важных государственных постов свидетельствует о терпимости и покровительстве властей всем *зимми*, находившимся в пределах *умма*. Даже не принимая во внимание тот факт, что ситуация эта не была характерна для большинства, привилегии, которыми пользовались "счастливчики", вступали в противоречие с повсеместными обычаями и законами. В этом отношении очень поучительно мнение знаменитого философа Моше Маймонида, придворного врача визиря правителя Египта Саладина, правившего страной в конце 12-го века.

Мнение, что ненависть мусульман к евреям и христианам была результатом европейской колонизации, противоречит истории и содержанию исламских сводов законов, фактически враждебность к немусульманам занимает центральное место в концепции *джихада* и мусульманской эскалации по всему миру. Смехотворно на основании многочисленных отчетов европейцев, описывающих невыносимое положение *зимми*. делать выводы, что раньше условия их существования были лучше. На самом деле большое количество описаний унижения *зимми*, оставленных европейцами тех времен, свидетельствует лишь о развитии коммерческих и дипломатических связей, облегчавших коммуникацию и путешествия и выработанных веками

предубеждений. Проблема меньшинств, отрицание их прав переносится на нацию: отрицается национальный суверенитет "государства *зимми*". Однако по окончании работы возникает чувство, что не были найдены ответы на вопросы, поставленные историей общин *зимми*. Мы имеем в виду вопросы, связанные с социальными последствиями исключения из общества группы, преследуемой и угнетаемой правящим большинством, а также философские проблемы сохранения духовной свободы, образующие ядро проблемы *зимми* в целом.

Поскольку не может быть исследования истории без рационального исторического осмысления ее, а всякая рационализация предполагает некую законченность, может возникнуть вопрос: имеются ли у страданий оправдание и цель? Фраза Джорджа Санта-яны, высеченная над дверью музея в нацистском концлагере Дахау, отвечает на этот вопрос: "Те, кто не помнят прошлого, осуждены на повторение его".

Если бы знание прошлого вдохновило врагов на построение мирного будущего, где бы уважались нравы всех наций и граждан, тогда жизнь *зимми* не была бы напрасной. Можно надеяться, что эта работа подвигнет ученых и студентов на более глубокое изучение темы.

ЮРИДИЧЕСКИЕ ТЕКСТЫ (фрагменты, прим. ред)

1. Джихад

Джихад есть установленное, данное от Бога. Выполнение его известными лицами может освободить от него других. Мы, *малики* (одна из четырех школ мусульманской юриспруденции), считаем, что за исключением тех случаев, когда неприятель нападает первым, предпочтительнее сперва предложить ему религию Аллаха и лишь затем начинать военные действия против него. У врагов имеется выбор: либо обратиться в ислам, либо платить подушную подать (*джизья*), за неисполнение чего против них объявляется война. *Джизья* приемлема лишь в тех случаях, если на землях, где обитают неприятели, наши законы имеют силу. Если же они для нас не досягаемы, *джизья* от них принята быть не может, разве если он сам придет в наши пределы. А иначе мы начнем против них войну...

Нам надлежит воевать с врагами, не задаваясь вопросом, благочестивый ли человек наш предводитель или порочный.

Закон не запрещает убивать белых неарабов, захваченных в плен. Но ни один человек, которому обещан был *аман* (покровительство), казнен быть не может. Данное ему обещание нарушать не должно. Нельзя убивать женщин и детей, и следует воздерживаться от убийства монахов и раввинов, за исключением принимавших участие в сражении. Также и женщин дозволено убивать, если они принимали участие в военных действиях. *Аман*, данный мусульманином, будь он последний бедняк, должен признаваться всеми другими мусульманами. Женщины и дети также вправе давать *аман* при условии, что они отдают себе отчет в его значении. Существует, однако, иное мнение, гласящее, что *аман* имеет силу лишь в том случае, когда он подтвержден имамом (духовным руководителем). [Имам](#) берет себе пятую часть военной добычи, а остальные четыре пятых делит между воинами.

Желательно, чтобы раздел добычи происходил на неприятельской земле (с. 163).

Ибн Аби Зайяд ал-Каяравани (ум. 966)

Для сообщества мусульман *священная война* есть религиозный долг; причиной тому всеобъемлющий характер мусульманской миссии и обязанность стремиться к обращению в ислам всех людей, будь то убеждением или силой. Поэтому власть халифа и королевская власть объединены в исламе, дабы предводитель мог посвящать все свои силы и религии и делам правления одновременно.

Прочие религиозные общины не были облечены универсальной миссией, и священная война не была для них религиозным долгом, разве только в оборонительных целях. Потому и получилось, что религиозный предводитель в других религиях никоим образом не касается дел, связанных с властью. У них королевская власть принадлежит тем, кому она досталась случайно и вне всякой связи с религией.

Она достается им потому, что сообществу людей от природы присуще стремление наделить своего предводителя королевскими полномочиями, а не потому, что они обязаны стремиться к владычеству над другими народами. В их обязанности входит лишь упрочение их религии среди собственного народа.

Именно поэтому израэлиты после Моисея и Иисуса Навина на протяжении почти четырех веков не установили у себя царскую власть. Они заботились только о том, чтобы упрочить свою религию (1:473).

Впоследствии возникли несогласия между христианами касательно их веры. Они разбились на группы и секты, каковые в борьбе друг против друга заручались поддержкой различных христианских вождей. Среди них выделились три группы, которые и представляют главные христианские течения. Прочие несущественны. Три главных - это мелкиты, якобиты и несторианцы. Не стоит омрачать страницы этой книги, обсуждая их догмы неверия. В целом они хорошо известны. Вся их суть - неверие. На это ясно указывает благородный Коран. Обсуждать с ними эти вещи, спорить с ними - не наше дело. Это их дело - выбрать между обращением в ислам, уплатой подушной подати или смертью (1:480).

Ибн Халдуц (ум. 1406) не возбраняется употреблять оружие, сносить и жечь их дома, рубить деревья и финиковые пальмы, использовать катапульты, не нападая с заведомым намерением на женщин, детей и стариков. Дозволяется также преследовать убегающих, приканчивать раненых, убивать пленных, могущих представлять опасность для мусульман, хотя последнее приложимо лишь к тем, чьего подбородка уже касалась бритва, ибо прочие считаются детьми, и казнить их не следует. Что же до пленных, приводимых пред лицо имама, то он может либо казнить их, либо потребовать выкупа, по своему разумению решая, что выгоднее для мусульман и благоразумнее для ислама. Отпускать их следует не за выкуп в золоте, серебре либо товарах, а только в обмен на плененных мусульман.

Все, что победители приносят с собой с поля битвы, а также имущество и добро, принадлежавшее их жертвам, представляет собою трофей делимый на несколько частей. Одна часть предназначается для тех, кто перечислен в Священной Книге, остальные же четыре пятых делятся между солдатами, захватившими добычу, следующим образом: всадникам причитается по две доли, пешим - по одной. В случае захвата какой бы то ни было земли право решать, как поступить с нею в наилучших для мусульман интересах, принадлежит имаму: если он решил оставить ее, как поступил Омар ибн ал-Хаттаб, оставивший Савад (Ирак) туземному народу взамен за... Он может так сделать; если же он считает, что землю следует отдать победителям, он делит ее между ними, предварительно изъяв пятую часть. Я склонен полагать, что такой образ действий, по принятии всех необходимых мер для охраны мусульманских интересов, может считаться приемлемым (ее. 301,302).

От себя скажу, что решение, касающееся пленных, находится в руках имама: в зависимости от того, в чем он усматривает вышнюю выгоду для ислама и для мусульман, он может либо казнить их, либо обменять на мусульманских пленников (ее. 302,303).

Если случится, что мусульмане осаждают вражескую крепость и заключают с осажденными

соглашение о сдаче на известных условиях, устанавливаемых третьей стороной, и судья решает, что солдаты противника должны быть казнены, а жены их и дети взяты в плен, такое решение считать законным. Таково было решение Са'ада ибн Му'адха в связи с Бану Курайза [еврейское племя в Аравии] (с. 310).

Если в решении избранного посредника ничего не говорится об убийстве вражеских воинов и о пленении их женщин и детей, а назначается подушная подать, то и такое решение будет законным; если в нем обусловлено, что побежденным предлагается принять ислам, оно тоже будет действительным, и тогда они станут мусульманами и не рабами.

...От имама зависит, как будет решено обращаться с ними, и он изберет то, что предпочтительнее для религии и ислама. Если он сочтет, что для ислама и его приверженцев лучше будет казнить воинов и поработить их женщин и детей, и так он и поступит, следуя примеру Са'ада ибн Му'адха. Если же, напротив, он полагает, что выгоднее будет наложить на них *хиридж* с целью увеличить *фэй*, придающий мусульманам сил в борьбе против сих и прочих многобожников, тогда ему следует применить к ним эту меру. Разве не истинно сказал Аллах в его книге: "Сражайтесь с тем... пока не дадут откупа своей рукой и не будут унижены" (Коран 9:29), и что Пророк призывал неверных принять ислам, а буде откажутся, облагал их подушной податью, и что Омар ибн ал-Хаттаб. покорил обитателей Савада, не пролил их крови, но сделал их данниками? (с. 312).

Коли они согласны на сдачу и принимают посредничество избранного ими мусульманина вместе с одним из своих, это следует отвергнуть, ибо неприемлемо для верного участвовать заодно с неверным в принятии решения, связанного с делами религии. Коли наместник имама по ошибке принял вердикт, предложенный обоими этими лицами вместе, имам не может объявить его действительным, разве что в нем обусловлено, что неприятель становится данником либо обращается в ислам. Если же такое условие побежденными принято, тогда они не заслуживают упрека; если они признают себя данниками, то за таких их и почитать, без всякого дополнительного вердикта (с. 314,315). Абу Юсуф (ум. 798)

4. Налоги, которыми облагаются *зимми*, и их использование

Добыча

Источников государственного дохода, заповеданных в Коране и в Сунне, имеется числом три: военная добыча, благотворительность. Военную добычу составляют трофеи, захваченные у неверных силой. Относительно нее Аллах дал предписания в суре, открыв ее верным во время битвы при Бадре и указав, что военная добыча предназначена для умножения богатства мусульман. Сказал Аллах: "Они станут спрашивать тебя о захваченном. Скажи: "Захваченное принадлежит Аллаху и Посланнику" (Коран 8:1).

В двух канонических сборниках традиций говорится со ссылкой на Джабира ибн Абд Аллаха, что Пророк сказал: "Мне дарованы были пять даров, кои не даны были до меня ни одному пророку. Я был мучим на протяжении месяца чудовищным ужасом и восторжествовал. Для меня земля превратилась в мечеть и беспорочное место; каждый прилежащий ко мне, где бы ни застал его молитвенный час, там может и молиться. Мне дано позволение брать добычу, чего не удостоился ни один из предшественников. Я получил дар заступничества. Пророки, предшествовавшие мне, посланы были лишь к своим народам. Я же был послан всему роду людскому". И еще сказал Пророк: "Я был послан с мечом перед Днем воскресения, дабы все люди служили одному лишь Аллаху, и никому более. Где падает тень моего копья, там я черпаю силы. Те, что воспротивились приказаниям, низвергнуты были в пучину упадка и унижения. Кто желает походить на этих людей, должен почитаться за одного из их числа" (с. 27,28).

При верховой езде им надлежало пользоваться деревянными стременами, а сзади к седлу приторачивать по два шара. Он потребовал, чтобы они пришили по две пуговицы к своим коническим шапкам, - те из них, кто носил такую танку. И шапки должны быть иного цвета, нежели у мусульман. Далее, он потребовал, чтобы они нашили по два куска ткани поверх своего рабского

платья. И цвет нашивок чтоб отличался от цвета платья. Одну нашивку носить спереди, на груди, а вторую - на спине. Размером каждая должна быть четыре пальца в диаметре. И цвета чтобы были также медового. А также и тюрбан того же цвета, если кто из них носит тюрбан. Если какая из их женщин выходит на улицу, то чтоб заворачивалась в медового цвета просторное покрывало. И еще он повелел, дабы рабам их носить, а арабский воинский пояс, чтоб надевать не смели.

Он отдал приказание разрушить все их дома богослужения, возведенные по пришествии ислама, и реквизируют одну десятую часть их домов. Буде такой дом достаточно обширен, обратить его в мечеть. Если же он не годится для мечети, то оставить на его месте пустырь. Он повелел им приколачивать к дверям их жилищ деревянные изображения дьявола, дабы отличать их от жилищ мусульман.

Он запретил им поступать на государственную службу и на любые официальные посты, дающие им власть над мусульманами. Детям их возбранялось учиться в мусульманских школах, а мусульманам не разрешалось обучать их. Он запретил ношение крестов по улицам в Вербное воскресенье, а также еврейские песнопения. И приказал могилы их сравнивать с землей, дабы не походили на могилы мусульман. Обо всем этом он написал своим удельным правителям (е. 167,16S).

9. Зооморфические отличительные знаки (V-й век)

Кади Ахмед ибн Талиб (9-й век) заставил *зимми* носить на правом плече нашивку из белой ткани с изображением обезьяны (для евреев) либо свиньи (для христиан), а также прибивать к дверям их домов доску со знаком обезьяны (с. 142).

Мусульмане поносили христиан за то, что те употребляли в пищу свинину, тогда как мусульмане, как и евреи, считали свиное мясо нечистым. В Коране (2:65) говорится, что евреи за их грехи превращены были в обезьян. См. также: "Кого Господь проклял и на кого прогневался, и обратил иных в обезьян и свиней, и идолопоклонников..." (Коран 5:65). Этот текст, по мнению мусульманских комментаторов Корана, относится к евреям и христианам.

10. Подчиненное положение *зимми* в Севилье

Мусульманин не может делать массаж еврею или христианину; ему непристойно убирать их мусор. Подать должна взиматься с *зимми* лично, дабы унижить его и умалить, и тем возвеличить ислам и народ его, а племя неверных низвести в пучину поношения. *Джизья* должна взиматься с них в полном размере и без всяких исключений.

Это приложимо к евреям Хайбара точно в такой же мере, что и к прочим. Жители Хайбара изображали дело так, будто они не подлежат обложению *джизьей* вследствие соглашения, заключенного ими с Пророком, но это не что иное, как обман, подделка и ложь, каковые легко распознать людям религиозным и ученым. Эти мошенники состряпали эту выдумку, а затем стали ее везде распространять, полагая, что искушенные люди не распознают ее и она будет узаконена мусульманскими *улими*, но Аллах позволил нам разоблачить ложность и беспочвенность притязаний этих мошенников.

Все традиции сходятся в том, и такова истина, что Хайбар был захвачен силой, и что Пророк был полон решимости изгнать *хаитири*, точно как он поступал в других местах с их собратьями, верующими в их Писание. Они, однако, убедили Пророка, что они одни умеют надлежащим образом поливать пальмовые рощи и обрабатывать тамошнюю землю, и Пророк дозволил им оставаться там на положении арендаторов, определив на их долю половину урожая; условие что было недвусмысленное, ибо он сказал им: "Мы позволим вам оставаться на этой земле до тех пор, пока нам будет это угодно". Этим он низвел их в униженное состояние; они остались на земле и обрабатывали ее на этих условиях. Им не дано было послаблений, ни особых преимуществ, каковые освобождали бы их от *джизьи* и сделали бы их исключением среди прочих *зимми*.

В том же поддельном сочинении говорится: "Мы освобождаем их от налогов и податей". Так вот, при жизни Пророка ничего подобного не было, да и во времена халифов этого быть не могло, ибо они

отличались исключительным благочестием. Когда земли мусульманские расширились и большинство людей обратилось в веру, и среди мусульман появились люди, умеющие обрабатывать землю и поливать финиковые пальмы, Омар ибн ал-Хаттаб изгнал евреев Хайбара с Аравийского полуострова со словами: "Если угодно будет Аллаху продлить мои дни, я непременно выгоню всех евреев и христиан из Аравии и оставлю одних мусульман" (18:475-478).

Насильственное обращение в ислам в странах Магриба

К концу своего правления Абу Юсуф Якуб ал-Мансур, Альмохад (правитель Испании и Северной Африки) повелел обитавшим в странах Магриба евреям, дабы они выделялись среди прочего населения своим внешним видом: носить особое синего цвета одеяние с рукавами столь длинными, чтоб они свисали до самых пят, а также вместо тюрбана надевать головной убор, формой своей напоминающий скорее вьючное седло, нежели шапку. Этот наряд стал обязательным для всех евреев Магриба, и оставался таковым вплоть до конца правления Абу Юсуфа и до начала правления его сына Абу Абд Аллаха (Абу Мухаммад Абд Аллах ал-Адил Справедливый (1224-1227)). Сей последний сделал им послабление, уступая мольбам евреев, непрерывно взывавших ко всем, кто только по их мнению мог за них походатайствовать, Абу Абд Аллах приказал им носить желтые одежды и тюрбаны, каковые одежды они носят и по сей 621-й год [1224]. Сомнения Абу Юсуфа в искренности их обращения в ислам заставили принять эту меру и принудить их к ношению особого платья. "Будь я убежден, - сказал он, - что они истинно стали мусульманами, я позволил бы им раствориться в населении при посредстве браков и тому подобного; с другой стороны, будь у меня улики к тому, что они остались неверными, я бы вырезал их всех до единого, поработил бы их детей и забрал их имущество в пользу верных". Ал-Марракуши (ум. 1224)

Евреям и христианам запрещается занимать почетное положение в обществе

Рассказывают о нем Ибн Фадлан, ум. 1233, будучи назначен инспектором по финансовым делам *зимми*. он отправил следующее послание Халифу Насиру ад-Дин Аллаху [ум. 1225]: "Учение гласит, что религиозные принципы не запрещают увеличение подати, взимаемой с *зимми*, т.е. с евреев и христиан, за право обитать в Багдаде и пользоваться преимуществами жизни в этом городе; общая сумма этой подати, однако же, не должна по закону быть менее одного динара. Строжайше запрещено принимать менее этой суммы, но ничто не препятствует взиманию подати вплоть и до ста динаров, по обстоятельствам, а в иных случаях похвально и удвоить эту сумму. Ныне же закон применяется к ним без учета их положения и состояния, а порой налагаемая на них подать даже сокращается. Иные из них находятся на службе правительства и получают недурное жалование, не говоря о богатствах, украденных ими у султана и его подданных, и о деньгах, получаемых ими в виде чаевых и подарков, что один из них тратит за день столько же, сколько уплачивает ежегодной подати. Да вдобавок они пользуются чрезмерной свободой, чрезвычайным почетом и уважением превыше тех, кои оказываются видным людям среди мусульман. Твой покорный слуга и прочие служащие казначейства лично были свидетелями того, как Ибн ал-Хаджиб уволил Ибн Хаджраджа с тем, чтобы назначить на его место Ибн Затину (христианина).

Как мы знаем, Али запретил допускать *зимми* в наши советы, запретил нам сопровождать их похоронные процессии, посещать их больных и приветствовать их первыми. Ибн Махди и другие уже советовались со мной касательно назначения Ибн Савы на пост инспектора в Ал Дазит (Ирак). Я ответил, что такое строжайше запрещено. Я рассказал ему историю про Омара ибн ал-Хаттаба, которому Абу Муса ал-Ашари представил отчет, только что присланный ему из провинций. Омар был доволен отчетом и спросил, кто составил его. Омар сидел в мечети, и Абу Муса отвечал: "Вон тот человек в дверях мечети". Омар спросил: "Почему же он не войдет; что он, болен нечистой болезнью?" "Нет, последовал ответ, - он христианин". Омар пришел в ярость, вскричав: "Как, ты приближаешь к себе тех, кого Аллах отринул? Ты доверяешь тем, кого Аллах обвинил в вероломстве? Ты возвышаешь тех, кого Аллах унизил?" Ибо они *зимми* не могут занимать посты в странах ислама.

Синагоги и церкви

Каково твое мнение (да будет Аллах милостив!) относительно синагог в Каире и в других местах, закрытых по распоряжению властей, против чего евреи и христиане возражают, и требуют вновь открыть их, с каковой целью они настаивают на вмешательстве султана (да охранит, защитит и обережет его Аллах!)? Следует ли отвечать на их просьбу положительно или нет, ибо, по их словам, эти синагоги и церкви - древней постройки и стоят со времен предводителя верных Омара ибн ал-Хаттаба и других. Они просят оставить их в том состоянии, в каком они были при Омаре и других халифах, и утверждают, что закрытие этих храмов противно установлениям благочестивых халифов. Относительно их утверждения, будто мусульмане поступили противозаконно, закрыв эти места богослужения, то оно ложно и прямо противоречит общепринятому мусульманскому взгляду на вещи.

На самом же деле, ученые всех четырех мусульманских школ юриспруденции и имамы прошлых времен, такие, как Суфьян ат-Таври, ал-Авзаи, ал-Лайит ибн Саад и другие, а также сотоварищи Пророка и их последователи (да благословит их Аллах!) единодушно провозглашают, что будь на то воля имама, он может разрушить все синагоги и церкви на землях верных, таких как провинции Евфрата, Сирия, не совершая ничего противозаконного, и ему следует повиноваться. Кто же воспротивится его усердию, тот преступит завет Аллаха и виновен будет в страшном грехе. Далее, их утверждение, будто синагоги эти и церкви существуют со времен Омара ибн ал-Хатиба, и будто "благочестивые халифы" оставили их во владении *зимми*, опять же есть ложь. Непререкаемая традиция гласит, что Каир был основан не менее трех веков по смерти Омара ибн ал-Хаттаба, но еле Багдада, Басры, Куфры и Вазита. А мусульмане сходятся во мнении, что евреям и христианам запрещено строить синагоги и церкви в городах, основанных мусульманами.

Даже в тех случаях, когда противник сдавался мусульманам без боя и с ним заключалось мирное соглашение, позволяющее евреям и христианам сохранять свои места богослужения, даже и тогда Омар ставил условием, чтобы новые синагоги и церкви не строились на покоренных землях, и уж никоим образом не в городах, основанных мусульманами. В тех же землях, кои захвачены были силой (например, Месопотамия и Египет, не пожелавшие капитулировать перед мусульманами) и где мусульмане построили свои города, они вправе уничтожить уже существующие синагоги и церкви, дабы ни синагог, ни церквей не оставалось там вовсе, разве что дозволение дано было особым контрактом.

Места богослужения, одежда и поведение *зимми*

Всякий, кто уверен, что молиться в синагоге либо церкви есть премерзкое деяние, верит также, что они суть вместилища неверия и многобожия. Поистине, мерзостностью они превосходят бани, кладбища и навозные свалки, ибо они суть места Божественного гнева. Точно так же, не запретил ли Пророк молиться в земле вавилонской, сказав:

"Она проклята", а потому воздержание от молитвы там оправдано этим проклятием? Воистину, проклятие и гнев Божий преследуют эти места, и немилость нисходит на собирающихся внутри их. Как сказал один из сотоварищей Пророка, "избегай евреев и христиан в дни их празднеств, ибо гнев нисходит на них в это время". И не суть ли места эти - пристанища недругов Аллаха, поклонение же Аллаху не следует отправлять в домах его недругов?

Им [христианам] запрещено звонить в колокола принародно, а только в глубине их церквей, где никто не слышит... ибо звон колоколов есть боевой клич неверия, а также внешний его признак... Малик ибн Анас сказал: "Когда раздастся звон колоколов, гневается Всемилостивый, и тогда ангелы разлетаются ко всем четырем концам земли и поют: "Скажи - Он Един", пока гнев Господень не утихнет".

Пусть звон колоколов звучит только внутри церквей, с тем, дабы постепенно они вышли из употребления. Ведь обычно колокола подвешиваются в колокольне, и звон их разносится вширь и вдалеку. Если же они вынуждены будут звонить только внутри церкви, никто не услышит их и не

обратит внимания, и они выйдут из употребления вовсе, ибо перестанут служить своему назначению... Воистину, Аллах отверг звон христианских колоколов и звук еврейского *шофара* - бараньего рога, и заменил их призывом к единобожию и благочестию... Он возвысил голос ислама в знак истинного предназначения и поверг в немоту и безвестность голос неверных, и он заменил их колокол мусульманским призывом к молитве так же, как он заменил сатанинское Писание святым Кораном.

Отличительное платье

"Унижение и поношение да будут уделом тех, кто ослушается моего слова", *зимми* более всех непослушны его повелениям и упорствуют против его слова; а потому приличествует унижать их, вынуждая к отличию в облике и манерах от мусульман, коих Аллах за их покорность ему его пророку возвысил над ослушниками. Этим последним он унижил, умалил и отметил печатью презрения, так, чтобы их легко было отличить по внешнему виду. О том, что их следует вынуждать к ношению отличительного знака, ясно говорится и в речении Пророка: "Того из людей, кто сходен с ними *\зимми* видом, почитать за одного из их числа"... Неверного следует принуждать к тому, чтобы он во всем походил на своих собратьев, так что мусульманин сразу узнает его.

МАГРИБ

Евреи и новообращенные в Марокко (ок. 1790)

Как правило, евреи обязаны платить султану ежегодную подать, в соответствии с их числом, но составляет весьма значительную сумму, не считая других, произвольных поборов. Евреи Марокко были освобождены Сиди Магометом (1757-1760) от этой подати, вместо чего он вынуждал их принимать от него товары, чтобы они отделялись потом от них как сумеют, и взимал за эти товары в пятикратном размере; от этого они страдали куда более, чем если бы платили ежегодную подать (с. 198).

Как только еврей либо христианин обращается в магометанскую веру, его наряжают в костюм мавра, сажают верхом на коня и возят по улицам под звуки музыки и при великом стечении народа. Затем он избирает себе мавританское имя и указывает человека, который усыновляет его, как ребенка, и которого он отныне всегда будет звать "отцом". Отец этот, однако, только по названию, ибо он не обязан поддерживать его. Новообращенному дозволено жениться лишь на негритянке либо на дочери отступника, и потомки его не считаются настоящими маврами вплоть до четвертого колена (с. 142).

Царедворцы и приближенные султана

Эти люди, будь они евреи или христиане, суть не что иное, как орудия султана. Пока султан пользуется ими, они подобны бесценным сосудам, коих никто не смеет коснуться из страха повредить их; стоит же султану на мгновение отвлечь от них свое лицо, они гибнут без следа. Их боятся, но не любят, они готовы творить зло и не умеют творить добро. Они богатеют, разоряя других; они говорят своим отцу и матери: я не знаю вас; они не признают ни братьев своих, ни детей. Один из них обращал к другому любезные речи и готов отдать за него душу; затем он идет домой и точит нож, которым убьет его. Сильных они притягивают к себе нитями надежды, а молодых держат и повинуются страхом. Ад простирается над вершинами их величия; тот же ад у них под ногами. Стоит прозвучать лишь слову из уст султана, и их больше нет. Пока они правят, все кругом стенает, когда же они гибнут, народ полон ликованья. Мало кто из них умирает своей смертью. Кара, обрушивающаяся на них, отлична от испытаний, посылаемых прочим смертным. Их постигает казнь, кастрация, изъятие имущества, застенки: их четвертуют, а дома их обращают в навозную кучу. Среди всех них я нашел лишь одного, который удержался до конца. "Это их называют *сихиб* и "друг короля". Л потому, если услышишь, что такой в фаворе у султана, пожалей его; молись за него, а лучше за самого себя: он уже изготовился к прыжку, сейчас разорвет и уничтожит. Если услышишь, что *зимми* - знатнейший вельможа, аристократ, потомок княжеского рода, не верь этому: видит Бог,

что это говорится из лести, ибо его боятся; он всего лишь жалкий кирпичик, служащий ступенью султану, пока тот вершит свою волю. Высокое положение царедворца непрочно: каприз султана жалует смерть и живот, разоряет и обогащает, свергает и возносит. А потому сегодня они парят в небесах, завтра же валятся и бездну. Их злые, души их трепещут. Знай я это, когда впервые иступил в Магриб, со мной не случилось бы всего, что случилось. Но кто растолкует нам знаки.

Унизительное положение зимми в Тунисе (1800)

Евреи - единственные подданные регентства, вынужденные платить бею личную подать. Однако, хотя подать эта взимается якобы для их охраны, еврей, притесняемый мавром или даже избиваемый им, являет самое обычное зрелище. Более того, евреи принимают эти притеснения и побои с удивительным смирением. Если же один из них осмелится дать отпор своим преследователям, он рискует стать жертвой мучительнейшей тяжбы, выпутаться из которой он может лишь ценой значительного денежного откупа. И сами оскорбления очень часто имеют своей целью именно вымогательство.

Кое-кто из евреев носит европейское платье, в особенности уроженцы Леггорна. Другие одеваются по-восточному, носят колпак и серую либо синюю накидку, каковые цвета предписаны им, дабы, чтобы не смешивать их с мусульманами, носящими подобное одеяние. При всех этих унижениях и жалком их состоянии им дозволено ездить верхом на лошадях и мулах, что в Египте и других странах под мусульманской властью запрещается. Многие евреи, мужчины и женщины, занимаются торговлей вразнос, расхаживая по всему городу и сбывая свои товары по домам и гаремам, примечательно, что мавританские женщины не считают нужным закрываться чадрой перед евреем, в котором видят всего лишь нечистое животное, едва ли принадлежащее к роду человеческому. Поскольку нередко случалось, что евреев в их домах убивали, присваивая себе их имущество, бей распорядился, дабы в будущем разносчики обоих полов ходили только попарно, с тем, чтобы один оставался у дверей, пока его товарищ находится с товарами внутри. Со времени этого указа, столь же простого, сколь и разумного, евреи перестали быть жертвами кровожадной алчности грабителей.

Разорение еврейского квартала в Фесе (1820)

В городе Фесе ворвались в еврейский квартал, расположенный по соседству с их собственным Фее ал-Джадидом. Они принялись разорять и грабить нее, что находили. Тащили полотно, шелк, серебро и золото, хранившиеся у евреев и принадлежавшие негоциантам Феса, для которых евреи делали портняжные и другие ремесленные работы. Так пропали огромные суммы денег, неподдающиеся даже исчислению. Затем они стали раздевать мужчин и женщин, причем девиц уводили и насиловали. Они убивали мужчин и пили хмельные напитки, невзирая на месяц рамадан. В давке и сумятице задохнулось насмерть несколько детей. Не довольствуясь всем этим, грабители принялись копать под домами, ища укрытого, и нашли много денег. Тогда они схватили еврейских старейшин и торговцев, избивали и терзали их, требуя, чтобы те показали, где спрятаны их деньги. Если у кого из евреев была красивая жена, они отнимали ее у мужа и требовали выкупа. "Эти плачевные события имели место 13 числа месяца рамадан 1235 года. Покончив с евреями, принялись за других обитателей Феса.

Зимми в Алжире и Марокко (нач. 19-го века)

Им [евреям] не дозволяется проживать в одном городе с магометанами, но выделен особый квартал вне стен города, куда их запирают еженощно в девять часов и не разрешают ни под каким видом. В Алжире любой янычар, стоит ему захотеть, останавливает первого попавшегося еврея и избивает его, а тот не только не смеет ударить в ответ, но даже не прикрывается от ударов. Спасение ему одно - бежать со всех ног. Жаловаться же хуже чем бесполезно, ибо *кади* призовет к себе янычара и спросит: "Почему ты избил еврея?" На это последует ответ: "Потому что он хулил нашу священную веру", вслед затем янычара отпустят, а еврея предадут смерти. Правда, требуются показания двух

мусульман, подтверждающих, что еврей хулил их религию, но в таких случаях недостатка в свидетелях не бывает.

Евреи вынуждаются к отправлению всех самых унижительных служб: они казнят преступников и предают их тела земле; они переносят на своих плечах через прибрежные мели мавров, высаживающихся со своих лодок; они чистят улицы и задают корм животным в зверинцах при сералях; "короче, - говорит Китинг (путешествовал в тех местах в 1785 году), - везде, где власть имущим нужны руки для грязной работы, занятие это выпадает па долю еврея..." Идя по улице, еврей всегда уступает проход у стены мусульманину, кланяясь ему при этом до земли; если же он преминет сделать это, ему достанутся жестокие побои, а может быть, и удар ятаганом. Это неравенство между последователями различных вер начинается с колыбели: турок с самого юного возраста безнаказанно попирает старика еврея, и - печальное доказательство того, сколь рано униженность укореняется в одной стороне и тиранство в другой, - еврейский ребенок поддается побоям своего однолетки-мавра, пальцем не шевеля в свою защиту. Далее, евреи должны носить особую одежду, снимать обувь, проходя мимо мечети, мимо дома *кади* и даже мимо домов особо почитаемых мусульман, а в некоторых городах, например, в Фее, и особенно в Саффи, где мною святыниц, они вынуждены вообще ходить босиком. Им нигде не дозволено ездить верхом на лошади. Это животное почитается за слишком благородное для столь недостойного всадника; но они могут ездить на ослах или, в виде особой милости, на мулах, с тем, чтобы спешиваться и принимать почтительную позу при встрече с каждым мусульманином. Придя к колодцу, еврей обязан дожидаться, пока все мусульмане, даже и те, что пришли позже его, уйдут, и только тогда может набрать воды. Смертью карается каждый еврей, который взойдет на крышу собственного дома, откуда он может увидеть мавританских девиц; и смертью же карается каждый из них, буде он захочет строить козни против властей, либо ударит верного, либо заглянет случайно в мечеть во время молитвы. Все они почитаются за рабов султана, в чьих пределах они обитают, и не могут никуда уехать, не получив его позволения и не оставив значительной суммы в залог своего возвращения. Любой турок может вступить в еврейский город, зайти в дом, есть, пить, оскорблять хозяина и надругаться над женщинами, не встречая сопротивления и жалоб; еврей будет счастлив, если дело обойдется без побоев и ножевых ран. В Марокко нельзя при-говорить к смерти мавра за убийство еврея, хотя убийство христианина часто наказывается смертной казнью. Более того, нередко случалось, что еврей, приносивший жалобу на убийство родственника или друга, сам подвергался наказанию, а убийцу отпускали на свободу. Вследствие всего этого еврей редко решается взывать к правосудию или требовать возмездия. Он лишь корчится от но боев да раболепствует перед рукой, занесенной для удара (2:80-84).

Незадолго до прибытия британского посла (Пэйна) в 1785 году марокканский мавр убил еврея-купца, разрезал тело на части и разбросал их в колодцы акведука в пригородной долине. Убийство было совершено с исключительной хитростью и жестокостью. И вот все еврейское население, стряхнув с себя безразличие и трусость, с неутомимым прилежанием взялось за поиски убийцы. Несмотря на все уловки и препоны, им удалось найти его, и он был брошен в тюрьму. Здесь предназначалось назначить ему некую казнь - не смертную, запрещенную упомянутым выше законом, но, возможно, бастинадо, каковая казнь порой производится таким образом, что оказывает то же действие. Дело, однако, застопорилось, и еврей, в сильнейшем возмущении от нанесенных им обид, во множестве столпились вокруг дворца, громко требуя правосудия. Султан, первоначально склонный даровать им его, скоро утратил все чувства, кроме изумления перед этим непривычным и неожиданным шумом; затем, вознегодовав на этих неверных, осмелившихся возвысить голос вблизи монарха, он приказал своей страже прогнать их обратно в их квартал, что та и исполнила с готовностью и с превеликим удовольствием. А в предупреждение повторных подобного рода выходов на еврейский город наложена была обширная пеня.

Евреи в городах по-прежнему обязаны ходить босиком и носить отличительное платье. Нынешний султан, когда ему напомнили об указе его отца, ответил, но все еврей, находящиеся под иностранным покровительством, могут, если желают, носить обувь при условии, что будут и одеваться по-

европейски. Как прекрасно знают султан и его министры, никто из евреев Феса и прочих внутренних городов сделать не может, не рискуя жизнью, если его опознают окружающие. Обычная одежда евреев в при-морских городах состоит из туники и жилета темного цвета, застегнутого под самое горло двойным рудом шелковых пуговиц, широкого кушака, темной фески и черных башмаков или туфель. Внутри страны они носят попросту темный кафтан с поясом и к качеству головного убора синий или черный бумажный платок, завязанный под подбородком. Обувь им дозволено носить только черную, ибо мавры презирают черный цвет (ее. 1 1,12). Дж.В.Кроуфорд (1889)

Насколько мне удалось заметить, бесправие и униженность, которым подвергаются евреи в городах Марокко [Маракен], выражаются в следующем:

1. Им строжайше запрещено носить тюрбан.
 2. В присутствии важного чиновника, либо проходя мимо мече in. они обязаны снимать синий платок, которым обычно покрывают голову.
 3. Они должны носить черные туфли, а не желтые, как принято у мавров.
 4. Выходя из своего квартала в мавританский город, и мужчины, и женщины вынуждены снимать обувь и шагать босиком, что особенно унижительно, когда им случается проходить с гостем через грязные улицы мавританского квартала.
 5. Встречаясь с мавром, еврей обязан всегда обходить его слева.
 6. Евреям запрещено ездить по городу верхом.
 7. Им не разрешается носить оружие.
 8. Они не могут посещать мавританские бани.
 9. Отправление религиозных обрядов допускается только в частных домах, поэтому у них нет синагог. Это правило распространяется также и на остальные части империи, кроме Танжера.
- Существуют, без сомнения, и другие тягостные Ограничения личной свободы, не заметные с первого взгляда. Но приведенный выше перечень достаточно ясно дает понять, что речь идет не просто об эмоциях, а о настоящих обидах, переживаемых еврейской общиной. Они живут под железным ярмом деспотизма, и это неизбежно сказывается на их поведении и облики. Мужчины их обычно среднего роста, худощавы, с удлинённой формы лицами и желтоватой кожей. Печально наблюдать, как они, опустив голову, медленным шагом бредут по улицам родного города, который, подобно злему отчиму, ХОТУ и признает за ними право на минимальное покровительство, отдает их на обиды и поругание милым его сердцу родным детям. Даже игры и забавы мавров всегда глубоко оскорбительны для евреев. Вот тому пример: в известное время года сады в городе и его окрестностях производят столь обильный урожай апельсинов, что они теряют всякую цену и годны лишь на то, чтобы забрасывать ими евреев. Это почитается здесь прямо таки за летний спорт, вроде игры в снежки в зимней Англии. Горе несчастному израэлиту, которого заметят на улице либо на крыше дома во время этих сатурналий мавританской молодежи. На него набрасываются с воплями и насмешками и, если он не сумеет спастись бегством, то будет испачкан с ног до головы, а то и получит более серьезные увечья. Поэтому власти в последнее время делают попытки пресекать эти своеобразные "апельсинные баталии" (ее. 175-177). А.Лирд

Ненаказанное преступление (1880)

Вечером 15 января (1880 года) несколько еврейских детей играли, как обычно, на оживленной улице подле еврейского квартала в Фесе, как вдруг на них напал некий магометанин и серьезно ранил одного из них. Мимо проходил еврей, натурализованный французский подданный. Увидев избитого ребенка и желая наказать мусульманина за жестокость, он схватил его, намереваясь отдать в руки правосудия. Добравшись до здания суда, он нашел порога суда запертыми, ибо этого требует обычай в то время, когда мимо проезжает султан. Дождавшись, пока ворота откроются вновь, он уви-дел, что вокруг собирается толпа мусульман. Он крепко держал своего пленника, но тот, ободренный присутствием единоверцев, начал жаловаться, что еврей побил его, и вообще, что поведение евреев становится невыносимым. Тогда магометане набросились на еврея и принялись избивать его

камнями и палками. Ему удалось спастись от верной гибели, подкупив одного мусульманина, который прикрыв его собственным голом и дал возможность бежать. Еврей бросился в первую попавшуюся открытую дверь - это была тюрьма.

Видя, что жертва ускользнула из их когтей, магометане пришли в ярость и напали на евреев, возвращавшихся к себе в квартал по окончании дневных трудов. Несколько человек получили тяжелые повреждения и, добравшись до дому, слегли в постель. Некоторым удалось спастись бегством. Но несчастный еврей по имени Авраам Элалуф, семидесяти лет отроду, один из наиболее почитаемых членов общины Феса, не смог убежать. Мусульмане набросились на него и вскоре прикончили его своими зверскими ударами; затем они принялись топтать тело ногами, пока внутренности не вывалились наружу. Но даже и это не удовлетворило негодяев. Они собрали кучу горючих материалов, соседние лавочки натаскали дров и рогож и облили керосином и подожгли. Тем временем, евреи, ожидая нашествия мусульман на гетто, за которым последуют резня и грабеж, поспешно заперли ворота. Ужас, владевший ими, был столь велик, что у около тридцати беременных еврейских женщин произошел выкидыш. Всю ночь ни один из них не решался выйти на улицу, взглянуть, что случилось с несчастным стариком, и лишь наутро они нашли его тело, полуобгоревшее и изглоданное псами. На следующий день некий еврей явился в султанский дворец, взывая к справедливости. В ответ он услышал лишь насмешки да уверение, что лично ему ничто не угрожает. Евреи Феса находятся в невыносимом положении, опасаясь нападений на свой квартал, избиений и разбоя. Мусульмане же, со своей стороны, по-прежнему терзают евреев и, видя, что их преступления остаются ненаказанными, обнаглели еще более.

Это возмутительное событие дает представление о том, чего можно ожидать в случае грозящей евреям отмены европейского покровительства в Марокко. Испанское правительство уже лишило евреев своей защиты, которой они пользовались прежде, и многие полагают, что бесчинства в Фесе являют собой первые плоды этого акта.

Лондон, 6 января 1880

Семья покойного Авраама Элалуфа, убитого и затем сожженного и Фесе, просила власти выдать документ, удостоверяющий убийство их несчастного родственника. В Марокко мусульмане испрашивают такой документ, служащий затем основанием для возбуждения дела против убийцы. Назирь сказал им, что прежде чем дать ответ, он должен спросить мнение султана. Его величество ответил, что в случае убийства еврея, христианина либо раба документ такой не выдается, и посоветовал евреям простить убийц и не упоминать более об этом деле. Мусульмане, арестованные властями, уже, как сообщили нам, выпущены на свободу. Вы можете себе представить, какой опасности подвергаются теперь наши несчастные собратья в Марокко, жертвы мусульманской ненависти. Угрозы сыплются на них ежеминутно, и даже улицы полны воплей: "Несите парафин, зажигайте костер, сюда идет еврей!"

Мы ничуть не удивимся, услышав однажды, что мусульмане ворвались в гетто в Фесе, в Мекнесе либо в другом городе внутреннего Марокко и что они убивают там мужчин, женщин и детей. Письмо от 3 февраля 1880 года от д-ра Мигереса, вице-президента регионального комитета в Танжере, к секретарю в Париже. Архивы (Марокко IV, С. 11).

Зимми - паразит

В Фесе насчитывается более десяти тысяч евреев, которые все обязаны жить в меллахе, т.е. в еврейском гетто города Фее. Они особенно ненавистны маврам, питающим к ним даже большее презрение, нежели к христианам; интерес, выказываемый к ним иностранными обществами, способствует развитию в них дерзости и независимости, тем самым еще больше увеличивая отвращение к ним мусульман. Несколько дней назад депутация израэлитов с почтенным и уважаемым раввином во главе явилась к его превосходительству, дабы благодарить за прежние милости (он состоит в комитете для их защиты) и просить новых. Между прочими была просьба

ходатайствовать перед султаном о разрешении для них носить обувь в городе. "Мы стары, господин посол, - говорили они, - и наши члены слабы; и женщины наши нежного воспитания, и закон этот непомерно тяготит нас". Хотя я вполне могу посочувствовать бедным евреям в их нежелании ходить босиком по здешним улицам, однако я был рад, когда их отговорили от этой просьбы, удовлетворение которой возбудило бы ярость населения и могло бы привести к последствиям, о которых страшно даже подумать. Этот довод уже упоминался Его Величеством, когда его просили об отмене унижительных ограничений для евреев, а также и другой, весьма основательный, а именно что предков их, бежавших в свое время в Марокко, впустили туда с условием, что они подчинятся этим ограничениям. А потому, если контракт будет нарушен одной стороной, то с таким же правом его может нарушить и вторая. Не знаю, чего еще просили евреи у посла (разговор шел по-арабски), но по их возбужденной жестикуляции, но тому, как они наперебой тянулись вперед, стараясь быть как можно ближе и не уронить ни слова из ответов посла, легко было заключить, что они возлагают величайшие надежды на силу ходатайства его превосходительства перед султаном. Сей избранный народ сейчас у всех на устах, вопрос покровительства им иностранными державами обсуждается в эти дни на Мадридской конференции. Разумеется, известные перемены в их нынешнем положении весьма желательны, однако нет никакого сомнения, что рассказы их о тяготах и несправедливостях, которым они подвергаются, значительно преувеличены. История еврея, убитого и сожженного здесь несколько месяцев тому назад (см. док. 74), хотя и являющая собой несомненный акт возмутительного варварства, была сильно искажена и взята на вооружение обществами защиты евреев; эти общества сделали бы доброе дело, постаравшись внушить своим протеже принципы воздержанности по отношению к женщинам, ибо причиной, воспламенившей толпу в этом случае, послужила попытка пьяного еврея обесчестить мавританскую женщину. Слово означает "соль", и квартал их называется так потому, что старинный обычай требовал отдавать евреям головы казненных злодеев; евреи засаливали эти головы, которые вывешивались затем на городских воротах для острастки прочим (с. 176-17X).

Положение евреев Марокко во многом лучше положения магометан, особенно когда дело касается актов насилия против них. Если один мавр убивает другого, никто об этом и не вспоминает, но если жертвой оказывается еврей, у него сразу является дюжина защитников. Кроме того, они освобождены от воинской повинности, что в этой стране немалое преимущество; и хотя их свидетельство не принимается здешними судами, то же самое верно и в отношении христиан (с. 179). Евреи, которыми кишит этот город [Арзила], разряжены в лучшие свои субботние одежды и, наслаждаясь двойной привилегией носить обувь и ездить верхом на мулах, являют собой необычайный контраст по сравнению со своими босоногими чернокафтанными единоверцами из Феса и Мекнеса. Несколько мавров, примкнувших к нашему эскорту, весьма изумляются этими их вольностями. Молодой Хассан избил до крови двух подростков-евреев, имевших дерзость приблизиться к нам в цветных одеждах и в сандалиях. Тренер.

Зимми - козел отпущения

Здесьнее гетто (в Вазане) не слишком обширно, хотя евреев здесь преследуют меньше, чем и большинстве городов Марокко. Они, разумеется, обязаны запираются в своем квартале после захода солнца, носить особое платье и ходить босиком, но в прочих отношениях жизнь их сравнительно недурна, и внешний их вид показался нам менее жалким и унылым, чем в других местах (с. 57). Им строжайше предписано возвращаться в свой квартал после захода солнца, когда ворота накрепко запираются; выходить наружу они могут только босиком, а некоторые улицы для них вообще закрыты. Они обязаны носить черную шапку и особое платье; и им запрещено иметь синагоги и места общественного богослужения: обращаясь к мусульманину, они должны соответственно называть его.

На счастье, в Триполи нашлись судьи, а у евреев - деньги. По счастливой случайности, у евреев имеется документ, доказывающий, что синагога стояла на своем месте еще за пятьсот лет до

основания мечети, то есть семь или восемь веков назад.

Ссылаясь на право первенства, власти сумели решить дело в пользу синагоги, к безмерной радости евреев. В этом святилище я нашел, между прочим, табличку, датированную 5359 годом, которой 348 лет. Нет сомнения, что евреи, заброшенные судьбой в пески Сахары, заслуживают лучшей участи.

ПЕРСИЯ

Принудительное обращение в ислам греческих христиан и евреев (1843-1845)

В Трапезунде, помимо турок, обитают армянские и греческие, а также известное число европейских христиан. Вокруг же Трапезунда расположено множество деревень, заселенных греками, которые по видимости придерживаются магометанской религии, но втайне исповедуют христианство. Так они живут с тех пор, как ислам воцарился в Константинополе. У них есть свои пастыри, тайно посвящаемые в сан патриархом Константинополя и епископом греческой церкви в Трапезунде.

В Мерве всем евреям, которых вынудили к обращению в магометанство в иных частях Персии, позволено вернуться к древним своим обрядам и верованиям. Но вот что замечательно: в Мерве имеются евреи, которые приняли мусульманскую веру и превратились в туркмен; а в Хиве, рассказывали мне, есть и такие, что оставаясь евреями, переженились с узбечками. И не поразительно ли, что самое надежное покровительство евреи находят у диких жителей пустыни? Итак, евреи, притесняемые и Бухаре и Персии, спасаются бегством в пустыню, в Мерв, Сарах, Ахаул и в Хазарах в Афганистане. Это происходит даже и в Марокко, где они нередко бегут от султанской тирании к пустынным жителям Тафилла-Лета. А в Месопотамии они убегают из Багдада и Мосула в Йесид, что в диких горах Санджара.

Принудительное обращение в ислам и положение евреев (1850)

Всего лишь два десятка лет назад в этом некогда прекрасном городе жило до 3000 евреев. Притесняя и всячески унижая их, мусульмане вынудили более чем 2 500 перейти в мусульманскую секту Али ([ШИИТОВ](#)). Большинство этих семей хранят в душах веру отцов, и даже ухитряется тайно обрезать своих младенцев. Девять синагог города свидетельствуют о былом величии еврейской общины; теперь они, увы, почти все заброшены. Евреи Шираза говорят на иврите почти как ашкенази - немецкие евреи.

По прибытии в город я застал и нем волнения и беспорядки по случаю перемен в Тегеране. На улице шли яростные схватки, которые начали стихать лишь к вечеру. Вице-консул принял меня на ночлег у себя в доме и дал мне проводника (глава еврейской общины), он же Мулло Исраэль. Этот *наси*, чрезвычайно почтенный старец, принял меня с величайшей теплотой и, по восточному обычаю, предложил мне свое гостеприимство. Я остановился у его сына Исаака.

Весть о моем присутствии быстро разносилась меж братьями по вере, и меня вскоре посетили виднейшие из них. С утра до вечера меня разрывали на части, прося моего совета и помощи во множестве дел, и слушали меня, словно оракула. В один прекрасный день комната моя наполнилась женщинами в белых покрывалах, которые одна за другой стали подходить ко мне. Поскольку еврейским женщинам дозволяется носить лишь черные покрывала, дабы отличить их от прочих, я обеспокоился этим визи-том, воображая, что на дом напали бунтовщики. По меня успокоили, сказав, что все эти женщины при-надлежат к семьям, по принуждению принявшим ислам, но тайно придерживающимся веры отцов. Мои посетительницы приподняли свои покрывала и стали целовать меня в лоб и в руку. Я обратился к женщинам с несколькими словами об их вероотступничестве, в ответ на что они стали горько рыдать. Один из бывших здесь мужчин вышел вперед и сказал: "Мы знаем, в каких ужасных обстоятельствах мы были вынуждены изменить своей вере; мы сделали это, дабы избежать угнетения и смерти. И все же, несмотря на наше видимое отступничество, мы по-прежнему всей душой преданы вере наших отцов, чему свидетельством наше присутствие здесь сегодня. Если это станет известно, все мы наверняка погибли!" Слова эти сильно поразили меня; я старался их утешить... (ее. 184-186).

Среди персидских евреев некоторые весьма богаты, И богатство их служит источником таких опасностей, что они вынуждены скрывать его, как преступление. Гонения, которым они подвергаются, состоят в следующем:

1. По всей Персии евреи обязаны жить в особом квартале, отделенном от прочих обитателей, ибо они считаются нечистыми созданиями, распространяющих отвращение у одним своим присутствием.
2. Они не имеют права торговать текстильными товарами.
3. Даже в собственном своем квартале им запрещено держать лавки. Они могут продавать лишь специи и лекарства да заниматься ювелирным ремеслом, в котором они достигли большого совершенства.
4. Считая их за нечистых, мусульмане обращаются с ними весьма жестоко, и если еврею случается показаться на мусульманской улице, мальчишки и чернь забрасывают их камнями и грязью.
5. Под этим же предлогом им запрещено выходить на улицу во время дождя, ибо, говорят мусульмане, дождь может смыть с них грязь, которая осквернит мусульманина.
6. Если на улице в прохожем узнают еврея, его осыпают величайшими оскорблениями. Ему плюют в лицо и порой избивают столь немилосердно, что он не в силах сам добратся до дому.
7. Если персиянин убьет еврея, и семья убитого представит тому двух свидетелей-мусульман, убийцу накажут штрафом в 12 туманов (600 пиастров): если же двух таких свидетелей не найдется, преступление останется ненаказанным, хотя бы и совершилось принародно, и было всем известно.
8. Мясо животных, забитых по еврейскому обычаю, но объявленных трэфными (запрещенными законом Моисея), нельзя продавать мусульманам. Резники вынуждены закапывать это мясо, ибо даже христиане не решаются покупать его, опасаясь насмешек и издевательств персиян.
9. Если еврей заходит в лавку, желая что-нибудь купить, ему запрещается рассматривать товары. Он должен остановиться на почтительном расстоянии и спросить цену. Если же рука его неосмотрительно коснется какого-либо товара, он обязан купить его за любую цену, названную продавцом.
10. Порой персияне вторгаются в жилища евреев и присваивают себе все, что им приглянется. При малейшем движении владельца в защиту своей собственности он рискует поплатиться жизнью.
11. При малейшей размолвке между евреем и персом первого немедленно тащат к судье и, если истец приводит с собой двоих свидетелей, еврея приговаривают к непосильному штрафу. Если же осужденный слишком беден и не может платить, его раздевают до пояса, привязывают к столбу и дают до сорока палочных ударов. Стоит ему хоть раз вскрикнуть от боли, прежние удары не засчитываются, и наказание начинается сначала.
12. Точно так же и еврейских детей, если им случается поссориться с мусульманскими детьми, тут же отводят к судье и наказывают палками.
13. Путешествуя по Персии, еврей платит пошлину на каждом постоялом дворе. Стоит ему даже слегка замешкаться с уплатой поборов, на него набрасываются и избивают.
14. Еврей, осмелившийся появиться на улице во время трехдневного траура по персидскому основателю религии, наверняка будет убит.
15. Ежедневно и ежечасно изобретаются все новые обвинения против евреев, дабы получить основания к новым вымогательствам, корыстные цели всегда есть главный стимул фанатизма. Вышесказанное дает ясное понятие о жалком положении евреев в стране, где не так уж давно одна из их женщин Эстер была женою царя, а одни из их единоверцев (Мордехай) - первым министром.

Притеснения в Персии

1. Евреям запрещается выходить из своих жилищ во время дождя либо снегопада, дабы еврейская скверна не переносилась на мусульман шиитов.
2. Еврейские женщины обязаны показываться на людях с открытым лицом - как проститутки.
3. Они должны носить просторное покрывало, которое восточные женщины надевают, выходя из дому.

4. Мужчины не смеют носить дорогого платья, лишь такое, которое сшито из синей хлопчатобумажной ткани.
5. Они должны обуваться в туфли разного цвета. Каждый обязан носить на груди нашивку из красной ткани.
6. Еврей не смеет обгонять мусульманина
7. Еврей не может громко говорить с мусульманином. Прося мусульманина вернуть ему долг, еврей-кредитор обязан обращаться к нему дрожащим и почтительным голосом.
8. Если мусульманин оскорбил еврея, последний должен опустить голову и хранить молчание.
9. Им запрещается строить красивые здания. Дом еврея не может быть выше дома его соседа мусульманина!
10. Дом еврея должен быть низким. Евреям не положено надевать плащ; достаточно, если он носит его в руках в скатанном виде.
11. Еврею запрещено стричь бороду и даже слегка подправлять ее ножницами.
12. Евреям запрещено покидать свой квартал или выезжать на свежий воздух в сельскую местность.
13. Еврейским врачам запрещается ездить верхом на лошади, как и всем немусульманам.
14. Еврей, подозреваемый в употреблении хмельных напитков, не смеет выходить на улицу, а если выйдет, немедленно карать его смертью.
15. Свадьбы евреев должны совершаться в вели-
16. Евреям не дозволено продавать свежие, неиспорченные фрукты (1:377).

Евреи не должны:

1. Повышать голос в присутствии мусульман,
2. Строить дома выше, чем мусульманские дома.
3. Касаться мусульман, проходя мимо них по улице
4. Заниматься теми же ремеслами, какими занимаются мусульмане.
5. Утверждать, что в мусульманском законе бывают неточности.
6. Оскорблять пророков.
7. Рассуждать о религии с мусульманами.
8. Ездить верхом.
9. Строить гримасы при виде обнаженного мусульманина,
10. Совершать религиозные отправления за пределами своих молитвенных домов,
11. Повышать голос во время молитвы.
12. Громко трубить в *шофар* (бараний рог).
13. Давать деньги в долг под проценты, что может принести к гибели весь мир,
14. Они должны всегда вставать в присутствии мусульман и оказывать им почет и уважение при любых обстоятельствах (с. 38-40).

И прежние гонения, и недавние декреты - все были направлены на тех, кто остались верны Закону Израиля и блюли их с такой твердостью, что готовы были даже умереть, во имя Неба. Если же они поддавались требованиям врагов, те превозносили их и осыпали почестями... Теперь, однако, сколько бы мы ни показывали, что слушаемся предписаниям их религию, они лишь утяжеляют наше бремя и усугубляют наши мучения... Воззрите на терзания отступников в нашей земле, тех, кто, не вынося гонений, оставили нашу веру совершенно и сменили внешнее убранство. Их обращение нисколько не послужило им на пользу, ибо они подвергаются тем же притеснениям, что и те, кто остался привержен своей вере. Поистине, даже обращение отцов их и дедов сто лет назад не дало им преимуществ, по слову: "...наказывающий вину отцов в детях, и в детях детей..." (Исход, 34:7). И не сказано ли: "Но в четвертом поколении возвратятся они сюда..." (Бытие) И впрямь, такое обращение с ними побудило многих отступников вернуться в прежнюю веру, ибо: "...ты думаешь опереться... на эту трость надломленную, которая, если кто обопрется на нее, войдет тому в руку и проколет ее!" (Исайя, 36). Не позаботься Господь об исцелении прежде напасти, без сомнения, все бы мы погибли,

и глаза наши помутнели, пытаясь охватить всю огромность бедствия, постигшего нас. Поистине, все бы мы вскоре истаяли и исчезли, не думая о том, что станет с нашей жизнью и нашими потомками. Мы перестали бы производить потомство и оставались бы везде, подобно безумным и пьяницам, не сознающим своего положения. Господне исцеление не допустило, дабы мы вполне предались на волю нашего великого страха и тревоги.

Обозревая все гонения, выпавшие на нашу долю за последние годы, мы видим, что они ужаснее всего того, что запечатлено в анналах наших предков. Нас сделали жертвами инквизиции, и стар и мал свидетельствуют против нас; произносятся приговоры, из которых наимягчайший узаконивает пролитие нашей крови, изъятие нашего имущества и поругание наших женщин. Но благодаря Господу, в милосердии Своем сжалившимся над преданными остатками своего народа, свидетельства их оказались противоречивы, ибо знать заступалась за нас, тогда как простой люд показывал против, а обычай этой земли не позволяет предпочесть свидетельство черни свидетельству знатных особ. Эти меры пускались в ход снова и снова, и Господь оказывал жалость Свою и дважды, и трижды. Но тут объявили новый указ, ужаснейший, нежели прежний; он отменил наше право наследования и право попечения над нашими детьми, передавая их в руки мусульман, но исполнение слов: "Сыновья твои и дочери твои будут отданы другому пароду..." (Второзаконие, 28:32). Так они хотели расточить наше имущество и заставить нас раствориться среди мусульман. Ибо мусульманские опекуны могут распоряжаться нашим имуществом и детьми, как пожелают. И если их отдадут богобоязненному мусульманину, он будет стараться воспитать детей в своей религии, следуя их разумению, что все дети рождаются мусульманами, и лишь родители затем делают из них евреев, христиан либо идолопоклонников. Так что если этот человек воспитает их в "первоначальной" религии, (в исламе) и не оставит их в руках тех, кто отклоняет детей от истинной стези (т.е. евреев), то он заслужил немалую награду от Аллаха. Если же, однако, опекуном станет человек безнравственный, единственной заботой его будет вымогательство денег, и Господь окажет Свою милость [позволив выкупить детей].

...Затем новое бедствие и ужасное испытание постигло нас, "какого не бывало с тех пор, как существуют люди, и до сего времени..." (Даниил, 12:1). Нам запретили заниматься коммерцией, которая есть наше средство к жизни, ибо нет жизни без пропитания для наших тел и без одежды для прикрытия их от жара и холода. Последнее же добывается только при посредстве торговли, которая ради этого и производится и без которой наше существование прекратится. Поступая так, они намерены были ослабить сильных среди нас и уничтожить слабых... Эти гонения на нас ужаснее, нежели те, что терпели мы во времена нашего рабства в Египте, ибо там мы могли сохранять нам принадлежащее, и никто этого у нас не отнимал... Далее, нас вынудили отпустить наших слуг и запретили нанимать других, как сказал Господь: "...в осаде и в стеснении, и котором стеснит тебя враг твой и жилища твоих" (Второзаконие, 28:56), ибо тот, кто лишен помощи, обретается в жестоком стеснении.

Затем они повелели нам носить отличительную одежду, как предсказано в Священном Писании: "И будешь омерзением, притчею и посмешищем у всех народов, к которым отведет тебя Господь" (Второзак., 28:37). Слово "омерзение" говорит о том презрении, каковое питают к нам народы при виде нашего упадка, умаления и унижения. Ни один народ, самый теснимый и преследуемый, не может быть сравним с нами. Поистине, мы презираем сами себя еще более, чем презирают нас народы. Мы стали омерзением и примером для них, так что, желая преувеличить какое-либо унижение, постигшее их, они говорят: "Я унижен подобно сироте". Так же, желая оскорбить и обидеть ближнего, либо разгневавшись на сына или раба, они, истощив против нас прочие ругательные слова, говорят:

"Это еврей!" Если же они хотят проклясть кого-нибудь наихудшим проклятием, то говорят: "Да сделает тебя Аллах подобным еврею и почитает тебя из их числа". Описывая постыдное деяние или какую-нибудь скверность, они говорят: "Даже еврей, как он ни мерзок во всех своих помыслах, не примирился бы с этим". Так стали мы притчей во языцех, каковую они употребляют в поучение и в

насмешку... "Посмешище" приложимо к нашему внешнему облику, особливому от всех остальных людей, ибо нам навязаны одежды самые гнусные, самые позорные и унижительные... как предрекал пророк Иезекиил: "И будешь посмеянием и поруганием, примером и ужасом у народов, которые вокруг тебя, когда Я произведу над тобой суд во гневе и ярости и в яростных казнях" (Иезек., 5:15). Так предсказал он, что мы станем предметом омерзения для окружающих народов, до того даже, что если один из них возьмет еврейскую девушку и она родит от него, над ним станут насмехаться. И дети его будут презираемы, и трудно ему будет найти для них жен и мужей, ибо они отверженные, и никто, даже ничтожнейший, не захочет вступить с ними к роде! во, как сказано: "Близкие и далекие от тебя будут насмехаться над тобой, который осквернил имя твое и творил бесчинства" (Иезек., 22:5). "...сними с себя диадему и сложи венец..." (Иезек., 21:26) относятся к указу против ношения нами тюрбанов... и вынуждающему нас носить черное одеяние, каковое есть цвет траура, ибо сказано:

"...сделай вид, что ты в трауре, и надень скорбные одежды..." (Вторая кн. Царств, 14:2). Что же до веления нам носить длинные рукава, целью его было низвести нас до подчиненного состояния женщин, не имеющих силы. Длина рукавов должна была сделать наш вид нелепым, а цвет их - отвратительным. Они напялили нам на головы уродливые шапки, в отрицание слов: "...и головные повязки сделай им, для славы и благолепия" (Исход, 28:40). Суть их особых одежд в том, чтобы выделить нас между ними, и чтобы во всех делах нас можно было признать, дабы обращаться с нами унижительно... Вдобавок, это позволяет им проливать безнаказанно нашу кровь. Когда бы мы ни стали переезжать из города в город, нас подстерегают грабители и разбойники и убивают нас под покровом ночи, а то и среди бела дня, ибо сказано: "...пусть не моя рука будет на нем, но рука филистимлянина будет на нем" (Первая кн. Царств, 18:17). Из-за этих одежд мы вопием против самих себя и говорим: "Прокаженный, у коего язва на живой плоти - нечист... Но ужаснее всякой проказы грехи, из-за коих постигли нас эти гонения... "Всякий день посрамление мое передо мною, и стыд покрываем лицо мое" (44:15)... и мы слышим это, но молчим. Даже рабы их, нищие и прокаженные имеют власть над нами и уязвляют нас, как только могут, и гонят, как нечистых, ибо сказано: "Кричали им: сторонитесь нечистый! сторонитесь, сторонитесь, не прикасайтесь!" (Плач Иеремии, 4:15).

Из сказанного мною ясно, что мы заслужили те претерпеваемые нами гонения, ибо они не воздают нам даже за малую долю грехов, совершенных нами против Бога, и суть лишь часть великой кары...

Гонения и муки в Йемене (1666); две версии одного события

Посланцы прибыли в Сану из Иерусалима, возвещая, что Мессия Израиля близок... Люди плакали от радости и в великом своем ожидании верили от всей души... и восклицали: в такой-то и такой-то день придет избавление, и тогда мы унесемся прочь и в одно мгновение окажемся на своей земле...

А власть в те времена находилась в руках шейха Касима, имама ал-Мутаваккила. Сей последний, услышав об этом от своих министров и знати и от своих мусульманских подданных, при-звал к себе предводителей и старейшин еврейских общин Саны и Хемды" и спросил их: "Что это у нас там такое?" Они не могли скрыть от него, что знали, ибо тому были многие свидетели, и тогда шейх заключил их всех в свою крепость в городе, пока положение не прояснится. Он воспылил гневом против них и против всех евреев и отдал распоряжение людям своей религии, пусть назначают в каждом городе и в каждой провинции и в каждом месте, где живут евреи, особых чиновников, дабы карали их и делали с ними, что захотят. И солдаты, и всадники во множестве нападали на евреев и причиняли им многие муки. И вышел указ, но которому дома их, и поля, и все достояние переходили обратно к шейху и его преемникам до скончания времен, и евреи не могли более ни владеть своей долей земли, ни наследовать ее. Затем повелели евреям снять свои головные уборы и не позволяли им долее носить тюрбаны. Узнав об этом, мусульмане устроили себе забаву, сбивая тюрбаны с еврейских голов. Для евреев сие было несносное унижение, и видя приближающегося мусульманина, они с позором покрывали головы свои одеждами. Мусульманин же срывал покров с головы еврея, восклицая:

"Сними его и ходи с непокрытой головой". И мусульмане хвалились друг перед другом: "Сегодня я обошелся с этаким-разэтаким евреем как мне заблагорассудилось, я избил его и изругал и скинул наземь тюрбан с его головы". И так они измывались над кем хотели, над малым и старым.

А предводители общины заключены были в крепость, после чего их отвели в камеру пыток, где их выставили на жгучее солнце. Вслед за тем их раздели догола и подвесили под открытым небом у входа во дворец, на поругание всем проходящим мимо мусульманам. Они восклицали: "Оставьте вашу веру, что вам толку в ней!" Евреи страдали молча, и лишь обращали сердца свои к Отцу Небесному, молю об избавлении. Остальным евреям, схваченным вместе со старейшинами, надели на шею железные цепи и нагими отвели в подземные застенки, где они пребывали во мраке и в смертной тени. Главу же общины отвели нагого и закованного в цепи в место, называемое Камран, куда его заключили, и где не бывал еще ни один еврей. Он страдал от всяческих мучений и пыток, ниспосланных Богом на него и его народ, и он сидел и рыдал от горя, но избавления было ждать не от кого, кроме как от Господа Всемогущего.

Следует знать, что в Санае был еще один раввин, но имени Сулейман ал-Акта, славный своими познаниями и Горе, в Законе, а превыше всего в каббале. И вот, получив знамение свыше, он решил пойти к шейху в промежуточные дни праздника Песах. Никто не знает, что произошло меж ним и шейхом, известно лишь со слов последнего, будто раввин уверял, что Господь хочет испытать его. По сей день никто не знает, каковы были его намерения, слышали лишь, как он воскликнул в синагоге: "Блажен ты, о Израиль, в грядущей твоей судьбе!", а затем отправился в замок. После свидания с шейхом его схватили, пытали и заключили в подземную темницу. Вслед затем его привели пред лицо одного из сановников, ответственных за сбор, и тот бросил его в яму, полную змей и скорпионов. От имени Исмаила, великого владыки, вышло постановление - обезглавить его на торговой площади посреди города к следующую пятницу по окончании мусульманских молебствий. Его провели по улицам города и обезглавили, как и было постановлено. Затем тело его распяли и велели евреям оттащить его к городским воротам, где и подвесили его, нагого, на крепостном валу для всеобщего обозрения на три дня, и разрешили похоронить его лишь после того, как заплатили большой выкуп за тело. Тут Господь усмирил сердце шейха и тот согласился отпустить других еврейских предводителей, после того как подверг их пыткам и получил за них от евреев много денег.

...В те дни почти пятьсот евреев, не вынося гонений, отступили от своей веры. Саадия ха-Леви. В месяце раджаб 1077 года евреи перешли всякую меру развращенности, ибо начали готовиться покинуть Йемен и присоединиться к своим братьям в Святой Земле и в Иерусалиме. Они уверяли, что царь их. Мессия, сын Давида, пришел в мир и восстановил их царство. Они распродавали свое имущество за смехотворную цену...

В мае 1665 года Саббатай (Шабтай) Цви, сирен из Смирны, страдавший маниакальной депрессией, объявил себя Мессией, посланным, чтобы вывести евреев. Хотя многие раввины первоначально отвергали его мессианские претензии, он пользовался поддержкой многих преданных учеников и последователей. Легендарные слухи о нем пробудили мечту о Мессии в евреях Османской империи, Европы, Йемена и Персии. Эти мессианские надежды на фоне нищеты и угнетения приняли большой размах, тревоживший мусульманских властителей. Великий визирь заключил Саббатая в тюрьму в Константинополе, где тот, ради спасения своей жизни, перешел в ислам, готовясь вступить на стезю дьявола... Они уверяли, что перенесутся туда чудесным образом, без всякого усилия... Они говорили, что явился их Мессия, но на самом деле это антихрист {иддиджил}... и Аллах осудил их дерзость и пресек их упования...

И вот Шихаб эд-Дин Ахмад ибн Саад эд-Дин (ум. 1660) спросил по этому поводу имама, который к ответе своем постановил, что неподчинение евреев условиям *зимми* равносильно ее отмене. Когда постановление достигло горы Каукабан и Шибаира, жители приступили к местным евреям, напали на их женщин, отобрали у них все их имущество, драгоценности и деньги. Как скоро стало известно, что произошедшее в Шибаире совершилось с благословения имама, обитатели Хазы и Гарзы, не мешкая, стали грабить своих еврейских соседей.

Безумие евреев тем временем возрастало, и безответственность их достигла предела, и тогда они взяли одного из своих, убрали его в роскошные одежды и изобильно напоили вином.

Возвеселившись от вина, он пришел во дворец и пожелал воссесть на троне, требуя, чтобы его веление было исполнено. Он обратился к принцу Джамалу эл-Дину на языке евреев, говоря, что царствие его пришло к концу, что дом его проклят, и он должен отречься от престола и покинуть дворец. Придворные, бывшие там, поспешили сбить его с ног и осыпали его пинками за его позорный поступок.

Затем его отвели в тюрьму Бустана и всячески измывались над ним, сорвав с него шелковые одежды и обратив его (якобы царский) убор в орудие пытки. Подобно тому, как собратья его обращены в обезьян и свиней [см. док. 9]. Затем они спросили имама, как следует поступить с ним, и ответ гласил, что он должен понести наказание и жестоко поплатиться за свою дерзость. И тогда он был отведен на рыночную площадь и обезглавлен, а потом подвешен в распятом виде на городских воротах и висел несколько дней, а тем временем имам строго покарал всех евреев. У них сбивали с головы тюрбаны, а предводителей их заточили в тюрьму.

Ибнал-Вазир, *Тибик ил-Хилуи* (Брит. Музей, Лондон, арабские рукописи) (1703).

Положение немусульман в Палестине (1700)

Мы (евреи) вынуждены были заплатить крупную сумму денег мусульманским властям Иерусалима за разрешение выстроить новую синагогу. Хотя старая синагога была очень мала, и мы хотели лишь слегка расширить ее, исламский закон запрещал изменять малейшую хотя бы часть... Вдобавок к расходам на подкуп, имеющий целью завоевать расположение мусульман, все еврейские мужчины обязаны были платить подушную подать, султану, по два золотых с каждого. Богатого не вынуждал платить больше, но бедный не мог платить меньше. Ежегодно, чаще всего во время праздника Песах, в Иерусалим приезжал чиновник из Константинополя. Кто не имел средств заплатить подать, того бросали в тюрьму, и община должна была выкупить его. Чиновник оставался в Иерусалиме месяца на два, и все это время бедняки прятались от него, кто как мог, а если их ловили, то многие умерли от болезней. Многие иные бедствия постигли нас, коих сил не хватит перечислять, как сказано: "Неволя ужаснее, нежели смертный меч" (Вавилонский талмуд). Мы пробыли там целых два года, пока небо не простило нам наши прегрешения, и шах позволил нам вернуться домой. •В месяце кислев мы оставили Мешед и достигли Херата в понедельник, 13-го дня месяца тевет, и каждый из нас вернулся в свое жилище. Габон М.Горджи (род. 1845)

Евреи Палестины до 1847 года

О, сыны Израиля, какими словами передать вам, сколь жестоко страдали от ига изгнания собратья наши в Палестине. Да и расскажи я все, поверят ли мне? Истинно говорили наставники наши:

"Пресвятой Отец, да святится Имя его, даровал после многих страданий, три вещи:

Тору, землю Израиля и Мир грядущий" (Вавилонский Талмуд)... Я опишу страдания наших собратьев в Хевроне, Иерусалиме, Цфате и Тверии, о которых рассказывали мне мои предки, а также и те, которые я видел собственными глазами, и они сохранились в моей памяти по сей день...

Евреям крайне опасно было выходить хотя бы на шаг за городские ворота Иерусалима из-за арабских разбойников. Увы, горе тому, кто попадал к ним в руки, ибо это было не лучше самой смерти. Они говорили обычно: "еврей, раздевайся!"; видя их злобу и их ножи, еврей снимал одежду, и они делили ее между собой, оставляя его нагим и босым. Такую добычу они называют *касб Аллах*, т.е. награда от Аллаха. Семичасовый переход из Иерусалима в Хеврон полон был опасностей даже для большого каравана, а в малые города и подавно. До сего дня принято по благополучном прибытии из одного города к другой возносить благодарственную молитву. Если еврей встречает мусульманина в узком переулке, мусульманин говорит ему: "проходи слева от меня". Если же еврей дотронется до него или ненароком толкнет, или, того хуже, запянет его одежду либо обувь, тогда мусульманин набрасывается на него с побоями и зовет свидетелей, что де еврей оскорбил его, его веру и его пророка Мухаммада, и дело кончается тем, что еврей избивают до полусмерти. После этого его тащат

в тюрьму, где подвергают всяческим наказаниям. Когда еврей проходит по базару, в него бросают камни, дергают его за бороду и пейсы, плюют на него и сбивают с него шапку. Несчастный еврей так запуган, что на все это не смеет и слова сказать, боясь за свою жизнь, он лишь бежит от них со всех ног, как от диких зверей, и благодарит Господа, что ему удалось вырваться из их лап. Если еврей, покупая что-нибудь у мусульманина, спрашивает цену и пытается торговаться, как это принято при купле-продаже, они накидываются на него и плюют ему в лицо и пинают его жестоко, пока не вынуждают его купить вещь за первоначальную цену. В Иерусалиме есть знатная мусульманская семья, некие Абу Шаати, злобные ненавистники евреев.

Когда им нужно отнести что-либо с базара домой, они поджидают там, пока не увидят еврея, хотя бы и старика, или почтенного богача, или ученого мужа. Им это все равно - они избивают его в свое удовольствие, пока он не согласится отнести груз к ним домой. Раз это приключилось с пресвятым раббн Исайей Бардаки, благочестивейшим евреем, дни которого с юности протекали в изучении Торы и в благих делах. Увидев его, они пинками заставили его тащить на спине тяжелый груз к ним в дом. Если же они увидят еврея в платье зеленого цвета, то в ярости хватают его, срывают с него одежду и бросают его в тюрьму, заявляя, что он оскорбил их религию, ибо только их религиозным лицам дозволено носить зеленый цвет. Еврейские женщины не выходят на улицу, боясь мусульманского непотребства.

И множество иных мучений переносят евреи, которые перо устает описывать. Особенно тяжело нам приходится, когда мы посещаем кладбище [на Масличной горе] и молимся у Стены плача, а они бросают и нас камни и измываются над нами (гл. 4). М.Райшер

Еврей Багдада (1877)

...Душевная мука заставляет нас поведать нашему народу о том, как мы страдаем. Собратья наши в Багдаде и сей день живут в унижении и подставляют лицо руке, бьющей их. Они изнывают от притеснений и гонений от мусульман этого города, которые по-прежнему кричат нам: "Отойди в сторону, нечистый!", и встречают нас бранью и плюют нам в лицо. Стоит еврею пройти по улице, как эти волки собираются вокруг него и закидывают его отбросами и грязью. Коли еврей - важная особа и носит нарядный тюрбан, они завидуют ему и сшибают его головной убор в грязь. Однажды это случилось с одним из наших самых видных негоциантов, когда он сидел вместе с другими купцами. мусульманами, его тюрбан сбросили наземь. Он, однако, хранил молчание, дабы не привлечь внимания окружающих и не подвергнуться издевкам. Мне не хватило бы бумаги, чтобы перечислить все бесконечные мучительные невзгоды, ежедневно выпадающие на нашу долю. Я расскажу лишь один случай, который покажет вам, что нам приходная терпеть от жителей этой страны.

Однажды еврей дал займы денег мусульманину. В условленный срок он пришел требовать, деньги обратно. Мусульманин нагло ответил, что он не может в настоящее время вернуть долг и что еврей - не ангел смерти, который имеет право требовать немедленной уплаты. Разочарованный еврей ругнул ангела смерти, чему мусульманин чрезвычайно обрадовался, увидев в этом повод избежать уплаты. Он начал кричать прохожим-мусульманам: "Слышали, как еврей обругал нашу веру? Теперь по закону ислама он заслуживает смерть" Прохожие окружили еврея и избивали его, пока не потекла кровь. Каждый проходивший мимо считал своим долгом ударить несчастного еврея. Они не успокоились, пока не сволокли его в тюрьму, где он и остался, ожидая, пока будет решено, как поступить с ним по закону ислама. Так же мы умоляем наших братьев, особенно представителей Alliance Israelite: не оставьте ваших багдадских братьев и сообщите своим уважаемым правительствам об ужасных страданиях, выпавших на нашу долю. Походатайствуйте за нас, пусть они взглянут на нас благосклонно и положат конец избиениям и преследованиям, которые мы терпим от этих дикарей. Мы слышали, что ваше правительство защищает всех тех, кто ищет прибежища под его эгидой. Господь воздаст вам за вашу доброту. С.Бехор

Еврей Марокко (1888)

Увы, мне пришлось испытать не только радость во время моего пребывания в этом городе (Фесе), ибо солнце моего блаженства затмилось мрачной тучей, и покой мой был смущен. Мне пришлось быть свидетелем необычайного зрелища и постигнуть вещи, о которых я не имел понятия. Перо дрожит в моей руке и бумага увлажняется моими слезами, когда я вспоминаю ужасную картину, представшую перед моими глазами в первый день месяца нисан (апрель) 1888 года - в первый день весны, когда живые молятся за мир покоящихся во прахе, да починут они в мире во веки веков. Но здесь, в этом городе, все было иначе, ибо здесь мертвых терзают и над останками их жестоко измываются. Мертвым, страдавшим от преследований при жизни, грозили преследования и после смерти. Первого нисана я, выходя из синагоги, обратил внимание на моих собратьев евреев, обитающих в Меллахе. В городе внезапно повеяло какой-то жутью, мужчины, женщины и дети пустились бежать в сторону кладбища. Я подумал, что здесь это, может быть, такой обычай - молиться в этот день за покойных, как мы делаем в Иерусалиме накануне некоего месяца. Я последовал за ними, желая помолиться и приблизиться к могилам святых. Но когда я достиг кладбища, сердце мое перестало биться, кровь застыла в моих жилах, и я остановился как вкопанный при виде ужасной картины, которая навеки останется и моей памяти. Вся окрестность оглашалась жалобными стенаниями. Со всех сторон неслись рыдания и плач. Одни кричали, другие проливали слезы, иные же в неопишуемой спешке мастерили мешочки из холста или небольшие ящички. Руки их дрожали, глаза переполнялись слезами, тем временем всюду поднимались клубы пыли, застилавшие солнечный свет. Что же означала эта горестная картина? На рассвете, вооружившись кирками, султанские стражники заполонили еврейское кладбище и поразбивали все надгробия. Султан, желал расширить свой дворец, а для этого решил увеличить свои владения за счет кладбищенской земли, примыкавшей к дворцу. Ему теперь не довольно показалось земли старого кладбища, очищенную по его приказу за три года перед тем. Кто не содрогнулся бы и не зарыдал при виде надругательств над могилами, при виде людей, собирающих в мешочки кости своих родных и близких, дабы захоронить их в ином месте? Под новое кладбище власти назначили заболоченный пустырь. Целый день над оскверненной святыней разносились стоны и плач. Я сам стоял том до самой ночи, словно опавшее дерево, и слезы струились из моих глаз. С этого дня вся красота этого города уподобилась для меня змеиному яду. Мне казалось, что я нахожусь в долине зла, откуда изгнано всякое милосердие. Исполненный горечи, я оплакивал судьбу моих братьев, терпевших столько бедствия и этой несчастной стране. Ибо еврей почитается существом омерзительным. Его дозволено мучить, вырывать его волосы и бить до смерти, и, хотя он якобы находится под покровительством властей, насильников накажут не более, чем если бы они убили бессловесное животное. И долго после этого я пребывал в унынии, и воспоминание об этой ужасной картине не выходило у меня из головы даже ночью, когда я лежал в постели. Душа моя поражена была более, нежели их души, ибо они примирились со своей судьбой... Такова горестная участь моих братьев в этой варварской стране. Я могу лишь молить Господа, дабы Он освободил их из этих оков, дабы Он вывел их из тьмы и привел в Сион, где их увенчают, наконец, свет и ликование (XI, XII). А.Бен-Шимон

Еврей Туниса (1888) Целая книга понадобилась бы, чтобы описать жизнь здешних евреев и их отношения с мусульманскими соседями, и у меня не достанет времени, чтобы сделать это удовлетворительно. Но я все же должен упомянуть об этом предмете, чтобы он не остался за пределами моего отчета. Н прошлом были мусульмане, которые почитали евреев за добропорядочных соседей, другие видели в них не более чем рабов, тогда как третьи обращались с ними самым возмутительным образом. Религиозный фанатизм побуждает мусульман к скверному обращению с немусульманами, ибо, согласно их представлениям, последние считаются неверными. Но тому наши братья подвергались бесконечным бедствиям, которыми осыпали их мусульмане, так что многих вынудили обратиться в ислам или допели до безумия. Были и такие, что покидали город или уходили в дикую пустыню и там пропадали, а других убивали средь бела дня. Некоторых казнили власти вследствие ложных наветов. Одного убили не давно за безнравственный поступок, а

другого казнили за оскорбление ислама (европейцы приложили немало усилий к тому, чтобы добиться большей свободы и более цивилизованных условий жизни в этом смысле, и почти преуспели). Еврею в этой стране запрещается носить такую же одежду, какую носят мусульмане, и красную феску. Часто можно увидеть на улице, склоняющимся в глубоком поклоне перед мальчишкой-мусульманином, позволяющим тому бить себя по лицу - традиционная мусульманская привилегия, которая может привести и к самым серьезным последствиям.

Обидчик в таком случае действует с полной безнаказанностью, ибо таковы обычаи с незапамятных времен. И множество подобных мучений терпят наши единоверны: "Я предал хребет мой бьющим и ланиты мои поражающим; лица моего не закрывал от поруганий ..." (Пса и я, 50:6). Потому еврей есть жертва всяческих оскорблений, ибо таков удел Вечного Жида в странах изгнания.

Изгнанники возвращаются в Сион И они справляли праздник [Кущей] с великой радостью. И во все время празднества, днем и ночью, мужчины и женщины говорили только об Эрец-Исраэль, Земле Израиля!. И все евреи, бывшие в Санае, и все евреи Йемена сговорились между собой продать все свои дома и все свое добро, чтобы на эти деньги отправиться в свою страну. И почти никто из них не спал и не дремал но ночам от жгучего стремления и желания и страстного порыва любви к Эрец Исраэль. И так сильно эта любовь разгорелась в их сердцах, что они побросали все скопленные деньги, продавая дома свои и имущество за восьмую часть их цены, лишь бы добыть денег на дорогу проезда по суше и по морю. Недавно прибывшие из Саны и окрестных гор застряли в Худайде. Турецкие власти запретили им выехать в Иерусалим. Приказ этот в высшей степени незаконен, ибо генерал-губернатор Йемена решил воспрепятствовать их отъезду только после того, как эти несчастные распродали мусульманам все свое небогатое достояние. К сожалению, я ничего не могу сделать для них без распоряжения из Константинополя. Необходимо также, чтобы эти несчастные люди как можно скорее покинули Худайду, где им нечем заработать себе на жизнь. Один из этих бедняков, стремясь избежать голодной смерти, вынужден был недавно обратиться в ислам. К несчастью, меня известили о его отступничестве лишь после того, как он стал мусульманином; я еще надеюсь спасти его, отослав его в Иерусалим, как только окончится карантин и пароходы начнут принимать пассажиров...

В настоящее время в Худайде находятся сто семей несчастных, всего 300 мужчин, женщин и детей. Письмо 2 ноября 1881 от Александра Луччана, французского вице-консула в Худайде, Йемен, к президенту в Париже. Архивы (Франция VIII).

Следуя на запад, йеменские евреи достигали Красного моря, откуда они добирались до Дждеды, до Худайды и до Адена, где садились на пароходы, идущие в Египет, в Палестину и в европейскую часть Турции. Последнему каравану, покинувшему Хайдан, который находится на расстоянии одного дня пути от Саады, понадобилось три года, чтобы добраться до Яффы. Очутившись, наконец, на побережье, эти несчастные оказались без копейки денег и отправились на север пешком через весь Ассир; по дороге они работали на арабов - женщины шили, а мужчины делали ювелирную работу. Таким образом, прибыв в Дждеду, они не брали себе денег на проезд морем в Яффу.

Прибытие евреев (Юго-Восточная Турция)

К середине октября в наш город (Иерусалим) прибыло десять халдейских семей из Урфы - на иврите *Ур Касдим* - родины Авраама.

Мы привыкли к тому, что на Святую Землю кучками стекаются евреи, всегда нищие, из России, Румынии, из Алеппо, из Багдада, Йемена и т.д. И то время как эти последние обычно малы ростом, слабосильны и тщедушны, пришельцы из Урфы поразили нас красотой своего обличия. Мужчины их высокого роста, крепкие и благородной осанки: женщины белокожи, с тонкими чертами лица, некоторые замечательно хороши собой. Со всех сторон ко мне обращались с вопросами о них, и, наконец, пришли они сами. Я не смог удержаться от искушения и сделал с них фотографический снимок. Я спросил их, почему они покинули свою страну. "Нам жилось там очень хорошо, - ответили они. - Мы обрабатывали поля мусульман, весьма плодородные. Одну восьмую часть мы отдавали

владельцу, а одну восьмую платили в виде податей. Но мы потеряли всякий покой со времени беспорядков...

Изгнание евреев из Святой Земли (1892-1896)

В прошлый вторник, в три часа пополудни, множество евреев столпилось около новых складов или лавок на улице Яффу, напротив гостиницы Филя. Подойдя поближе, я услышал доносящиеся из одного из них жалобные женские вопли. Те, кто был внутри, изо всех сил пытались открыть двери, а полиция и кучка мусульманских молодчиков заваливали эти двери булыжниками, причем полиция была по рукам и головам тех, кому удавалось высунуться наружу. Я сразу понял, что означает эта ужасная сцена.

Несколько групп персидских евреев, которые покинули свою страну, стремясь, как уверяют, спастись от преследований, прибыли за последние два месяца через Яффу в Иерусалим. Называют цифры в 50 и 100 семей, но по моим сведениям их от 50 до 60 семейств, т.е. около 150 человек, включая детей. Еврейская община выделила для поселения участок земли, но они, недовольные этим участком, вступили в перепалку с одним из раввинов-устроителей, а тот имел неосторожность вызвать для наведения порядка полицию. Это дошло до сведения паши (губернатора), который тут же телеграфировал в Порту (турецкое правительство в Константинополе) и получил приказ изгнать их из страны.

И вот теперь с самого утра полиция всюду выискивает персидских евреев, и с побоями загоняют их в импровизированную тюрьму на складе, где их собираются держать в неволе, словно диких зверей, до тех пор, пока не соберут всех и не отправят обратно в Яффу для посадки на корабль.

Мне рассказывали о женщине, которую схватили на улице и насильно потащили с собой, меж тем как она жалобно вопила, ибо в ее жалкой хижине остался ее младенец. Другую, как меня заверили - беременную, ударами погнали и тюрьму в самый момент родовых схваток. Картина была душераздирающая и возмутительная для всех человеческих чувств.

Я обратился к полицейским, протестуя против их бесчеловечного, жестокого обращения с несчастными изгнанниками, и особенности с женщинами и лопушками, но те были слишком возбуждены и озлоблены и грубо ответили мне, что они действуют по приказу сверху. На вопрос: "Разве они совершили какое-либо преступление?" - единственным ответом мне было, что это не мое дело.

Будучи уверен, что Вы великодушно не пожалеете усилий, чтобы облегчить их страдания, я решил немедленно обратиться к Вам; но по пути я узнал, что Вы уже просили аудиенции у паши, но тот отделался уверением, что это дело внутренней администрации: я узнал также, что Вас нет дома. Тогда я обратился к г-ну Ниссиму Бахару (Бехару), управляющему школ и мануфактурных предприятий Alliance Israelite, человеку весьма влиятельному и здравомыслящему. Там я нашел троих раввинов, которые хотели видеть его по тому же печальному поводу. Он вскоре пришел, и мы провели целый час в обсуждении этого предмета. Было решено добиваться отсрочки, с тем, чтобы мужчины, женщины и дети не должны были отправляться в путь пешком, в холодную ночь, подгоняемые конными солдатами; доставить им кров и пищу и устроить так, чтобы их отправляли группами и в повозках. На склад, как нам стало известно, согнали уже более 80 человек. Я предложил приютить их у меня в доме, хотя бы на эту ночь, пока им не найдется какое-нибудь другое прибежище, а также снабдить их всем самым необходимым. Но было решено, что лучше всего устроить их в помещениях главной синагоги, зная, что пашу раздражают ходатайства в пользу преследуемых изгнанников, мы попытались связаться с начальником полиции, но он, как выяснилось, уехал в Яффу. По моему совету на склад послали двух раввинов, чтобы успокоить вопящих и горько рыдающих женщин. Раввины уверили их, что прилагаются все усилия для облегчения их страданий, и это произвело желаемое действие.

Наступила ночь, но ничего не удалось сделать. Тогда г-н Ниссим и несколько раввинов собрались с духом и пошли к паше, и на счастье им удалось добиться просимой отсрочки, предложив себя

гарантами в исполнение приказов Порты и обязавшись лично выслать изгнанников из страны. Вчера выехало в повозках около тридцати человек, а остальные будут отправлены в воскресенье или в понедельник. Они едут под присмотром раввина и в сопровождении переводчика. Дело осложняется тем, что эти евреи говорят по-персидски, а не по-арабски; вдобавок люди они неимущие, так как все их скромное достояние ушло на оплату долгого путешествия по суше и по морю. Народ они сильный и вынесли вый, эти персидские евреи, и даже их женщины обладают замечательно крепким сложением. Для этой страны бездельников и лентяев они были бы настоящей находкой.

IV НОВЕЙШИЙ ПЕРИОД

Муфтий Иерусалима и нацисты (1943-1944)

Диктор немецкого радио в Берлине 2 ноября 1943 г.

Мы находимся в здании военно-воздушных сил в Берлине, где собрались арабские лидеры на митинг протеста против Декларации Бальфура. Зал украшен арабскими флагами и портретами арабских патриотов. Помещение наполняется арабами и мусульманами из всех мусульманских стран. Среди них марокканцы, палестинцы, ливанцы, йеменцы, люди из Хеджаза, индийцы, иранцы и представители мусульман со всей Европы. Среди последних множество дружественных к арабам немцев, высокие правительственные сановники, как гражданские, так и военные, один из начальников СС, представители иностранных посольств во главе с дипломатами из посольства Японии. И зале согни людей, а сейчас я вижу, как сюда входит муфтий Иерусалима. Он пожимает руки нескольким высокопоставленным лицам и поднимается на сцену для произнесения речи (с. 49). *После нескольких антиеврейских цитат из Корана, Хадж Амин аль-Хуссейни, глава Верховного арабского комитета (Палестинское арабское национальное движение), заявляет:*

Мусульмане всех арабских стран едины в своем противостоянии врагу, грозящему им сегодня в Палестине и иных местах, - а именно, англичанам.

Версальский договор был величайшим бедствием, как для немцев, так и для арабов. Но немцы знают, как избавляться от евреев. Арабов сблизает с немцами и приводит нас в их лагерь тот факт, что вплоть до сегодняшнего дня немцы не причинили вреда ни одному мусульманину, и что сегодня они снова сражаются с нашим общим врагом (аплудисменты), притеснявшим арабов и мусульман. Но, превыше всего, они окончательно разрешили еврейский вопрос. Все эти узы, и в особенности последняя, делают нашу дружбу с Германией не временным явлением, зависящим от обстоятельств, но прочной, длительной дружбой, основанной на общих интересах.

Поздравительная телеграмма от Генриха Гиммлера, главы СС:

Великий муфтий! Национал социалистическая партия начертала на своем знамени лозунг: "Уничтожение мирового еврейства". Наша партия поддерживает борьбу арабов, в особенности арабов Палестины, против чужака-еврея. Сегодня, в день годовщины Декларации Бальфура, шлю вам мои приветствия и пожелания успеха в вашей борьбе.

1 марта 1944 года в 12 часов полудня муфтий выступил по берлинскому радио. Заклеймив евреев. Великобританию и Америку, он закончил призывом к арабам "восстать на битву":

Арабы, восстаньте как один человек и сражайтесь за свои священные права. Убивайте евреев всюду, где найдете их. Это угодно Богу... Так вы охраните свою честь...

Палестинская зимми

"...Наша революция, веруя в свободу и достоинство человека, ставит на первое место укрепление основ, посредством которых она сможет выкорчевать расизм и покончить со всеми формами оккупации сионистских поселенцев. В то же время она разрабатывает гуманную программу, которая позволит евреям жить достойно, как они жили и в прошлом, под эгидой арабского государства и в рамках арабского общества" (с. 454).

Декларация ООП от 19 октября 1968г. (арабский текст в Ежегоднике ООН). Официальный английский перевод, Интернациональные документы (1968) (Институт изучения Палестины, Бейрут, 1971).

Бороться с врагом - значит сражаться с ним. С точки зрения религии это означает напряжение всех сил для того, чтобы отразить врагов и побороть их.

Джихад - исламское слово, которое другие народы понимают как "война".

Ради чего провозглашается *джихад*?

Ученые вели споры о том, ради каких целей следует объявлять *Джихад* в законодательном порядке. Некоторые говорили: *Джихад* провозглашается, чтобы служить орудием распространения ислама. Это значит, что немусульмане должны принять ислам либо по собственной воле, следуя призыву разума и доброму совету, либо против воли, посредством *джихада*. Исходя из вышеназванных соображений, эти ученые мужи основывают иностранную политику исламского государства на следующих принципах:

I. Отказ от *Джихада* и предпочтение ему мира и слабости противозаконны, кроме тех случаев, когда преследуется цель выиграть время, поскольку в мусульманах заметно послабление, противник же, наоборот, силен.

Если кто-либо нападает на мусульман, *Джихад* становится личной обязанностью каждого мусульманина, пригодного к нему.

В прочих же случаях обязанности эти выполняются доверенными лицами, то есть некоторая часть мусульман ведет *джихад*, тогда как на остальных эта обязанность не распространяется.

Если же из целой нации ни одна часть ее не ведет *джихад*, вся нация погрязает в грехе.

II. Война - основа взаимоотношений между мусульманами и их противниками, разве что существуют разумные причины, оправдывающие мир, например, они принимают ислам, либо с ними заключается мирное соглашение.

III. Территория ислама (*дар ал-ислам*) - земля, управляемая законом ислама и обеспечивающая безопасность всех своих общин, равно мусульман и народов Писания.

Территория войны - земля, находящаяся вне власти ислама, и жизнь ее обитателей не столь безопасна, как у мусульман.

Ислам выработал идеальную манеру поведения и гуманные принципы, которым должны следовать мусульмане, не забывая о них и во время войны. Ислам - есть религия Всевышнего на земле вплоть до Последнего Дня.

Эти законы, которые установил ислам и которыми мусульмане должны руководствоваться перед битвой и во время ее, суть самые милосердные и гуманные законы, известные людям...

Первый из этих законов запрещает внезапное нападение на противника. Этот закон предписывает призвать неверных к обращению в ислам. Но если они отвергают это условие, тогда пусть сохраняют свою религию, но платят за защиту и покровительство. Все эти шаги следует предпринять, прежде чем вступать с ними в сражение (с. 231).

Кроме того, мусульмане вправе нарушить свое соглашение с врагами, если подозревают, что те могут предать их...

Измена была делом евреев всегда и во все времена; при всякой возможности предать других. Первым их побуждением было нарушить соглашение с ними, прибегнув к вероломству. Аллах Всемогущий обязал мусульман соблюдать свои соглашения с врагами и вести свои дела с ними справедливо и открыто. Обязательство это возложено на мусульман не из слабости и немощности, но в ознаменование силы и поддержки свыше. Аллах помог мусульманам одержать победу во всех их боях и сражениях с вероломными, лицемерными евреями (с. 239,240).

Ал-Табарани в своей книге (*Ал-Аусам*) приводит такие слова: "Ложь есть грех во всех случаях, кроме тех, когда к ней прибегают ради благополучия мусульманина или ради спасения его от беды"

Шейх Абдалла Гоша, верховный судья Хашемитского Королевства Иордания

Опыт показывает, что отнятое силой может быть возвращено только силой, что шеи, искривленные

высокомерием, выпрямятся только от ударов, наносимых арабами и мусульманами. С дозволения и с помощью Аллаха, мы можем добиться победы благодаря тем возможностям, какие дает нам богатство и наши люди, наши обширные и плодородные земли, наша история, блистающая славой и боевыми подвигами, наша религия, терпимая, но суровая и благородная, содержащая в себе все устои совершенства...

Ваша достопочтенная конференция вызвана арабской, исламской и патриотической необходимостью ввиду нынешнего положения, при котором арабы и мусульмане стоят перед лицом самых серьезных трудностей. Все мусульмане ожидают от вас, что вы разъясните смысл повеления Аллаха касательно палестинской проблемы, что вы провозгласите это недвусмысленно и ясно по всему арабскому и мусульманскому миру. Мы считаем, что ни один мусульманин не освобожден от *джихада* (священной войны), ставшего обязанностью всех арабов и мусульман. Обязанность освободить землю, оградить честь, отомстить за утраченное достоинство, восстановить мечеть ал-Акса и церковь Воскресения Господня и очистить лоно пророчества, родину откровения, место, где встречались пророки, откуда свершилась Исра, и где царил дух святой, от скверны сионизма - врага человека, истины, справедливости, врага Аллаха.

Уравновешенное суждение, выраженное с твердой убежденностью, что это первый шаг на пути к победе. Мы надеемся на суждение мусульманских ученых, черпающих заключения из Книги Аллаха и Сунны его Пророка. Пусть Аллах охраняет вашу встречу и направляет ваши шаги! Да окажется ваше решающее слово достойным наших ожиданий и да прольет оно свет на весь арабский и мусульманский мир, дабы превратиться в боевой клич, зовущий миллионы мусульман и арабов на священный *Джихад*...

Мы пожелаем добра нашему народу (*умма*) и если благочестивые его члены намерены извлечь его из бездны, в которую он пал, то достичь этого можно только и прежде всего умелым руководством, воспитанием и обучением.

Путь этот, однако, не подходит народу, превратившемуся и легкую добычу, ставшему жертвой отбросов общества, вдобавок к собственной развращенности. Кроме обучения, руководства и воспитания, необходимо пробудить в нем его мужское начало и устремить вперед всю мощь действенного *Джихада*.

Ислам есть религия, ниспосланная Аллахом к благополучию всех народов, дабы служить основой их жизни на земле и руководством во всех их делах на протяжении веков и событий. Аллах сделал исламскую нацию наилучшими людьми, разрешая им то, что хорошо, и запрещая то, что дурно. Поэтому Аллах доверил ей предводительство и руководство всем родом людским, дабы она вела все народы на путь добра и покорности (Аллаху) в соответствии с правилом и с законом, заключающим в себе исчерпывающее определение целей всей вселенной вообще и человеческого существования ... (с. 132).

А потому все народы земли, в ближних и дальних ее пределах, имеют право узнать об этом призыве, и никто не смеет отклонять их от него и его преимуществ.

Когда призыв этот коснется их сердец, все народы будут вправе свободно решить, что им нужно, и выбрать, чего они желают, но только в непререкаемой воле, не ограничиваемой никакой властью, никакой силой и не сдерживаемой никакими привилегиями.

Тот, кто примет его, не должен подвергаться ничьим преследованиям, и его не должно понуждать к отречению от него никакими средствами силы и власти. Принявший этот призыв не должен препятствовать его возобладанию. Эта цель может быть достигнута только тогда, когда мусульмане исполняют свой долг... Они обязаны способствовать продолжению и преобладанию истинной веры. Неусыпный надзор за этим невозможен без *Джихада*, и потому Аллах Всемогущий предписал его мусульманам.

Итак, *джихад* укрепил религию и умножил число верующих в Аллаха, поэтому он считается одним из столпов ислама, и верные всячески стараются постигнуть его и придерживаться его как можно тверже. Когда враги захватывают исламскую землю, внезапно подвергают опасности мусульман,

стремятся завладеть их достоянием и надругаться над скромностью мусульманских женщин, тогда *джихад* становится личной обязанностью. Каждый, кто только в силах, обязан сражаться всеми способами, дабы спасти свою страну. Он должен защищать свою религию, свою честь и свою родину.

Для тех, кто живет далеко, *джихад* передается по доверенности, то есть он может быть выполнен или взят на себя одними людьми взамен других, не обязанных принимать участие в войне.

Различные средства помощи и поддержки воинам *джихада*: как снабжение их деньгами, использование устного и печатного слова, политических приемов и привлечение других людей к участию в войне суть неотъемлемой части *джихада*, как личной обязанности. Такова моя точка зрения по тому вопросу...

Джихад обязан распространяться на всех мусульман (каждый человек должен взять ее на себя сам). Этот род *Джихада* заключается в стараниях накопить как можно больше денег, которые предназначены для ведения войны между мусульманами и их врагами.

Имея деньги, мы можем снабдить мусульманских воинов оружием, боеприпасами, провиантом и лекарствами.

Это может означать также борьбу с помощью печати и всех прочих средств информации. Следует мобилизовать на борьбу все интеллектуальные силы, имеющиеся в распоряжении мусульман, индивидуально и коллективно, даже если они находятся далеко от поля боя.

Некоторые ученые считают, что мусульмане, находящиеся вдали от поля битвы в Палестине, как алжирцы, марокканцы, мусульмане Африки, Саудовской Аравии, Йемена, Индии, Ирака, России и Европы, поистине впадают в грех, если не спешат обеспечить все возможные средства для достижения успеха и победы ислама в борьбе с их врагами, врагами их религии. Ведь эта битва есть не просто сражение двух воюющих сторон, но битва двух религий (то есть религиозная война). Сионизм есть не что иное, как опаснейшая раковая опухоль, цель которой - подчинить себе арабские страны и весь мир ислама. Шейх Хассан Халид, муфтий Ливанской республики

Наше мусульманское сообщество твердо придерживается веры и системы, не являющихся изобретением человеческого ума, а потому неуязвимых для ошибок и лжетолкований. Оно преклоняется перед своим славным прошлым и неразрывно связано со своим великим Пророком. Его нынешний враг (все тот же старый враг) тождествен тому, с кем по Пророку приходилось иметь дело в ранние времена ислама. А потому оно обязано противостоять лютому врагу до тех пор, пока Всемогущий не унаследует землю и все, что на ней.

На протяжении веков мусульманской истории евреи под властью ислама были бессильны. Но в наши дни колониальные державы сумели претворить их планы в жизнь. Как только мусульмане отбросили Закон ислама как руководство к жизни, евреи смогли основать собственное государство в самом сердце мусульманского мира, бросить вызов мусульманам и одержать над арабами три победы одну за другой.

А потому нынешние мусульмане никогда не должны вступать с ними в мирные переговоры, ибо доказано вне всякого сомнения, что они (евреи) суть не что иное, как банда грабителей и преступников, которым недоступны понятия доверия, веры и совести.

Наш возврат к исламу (истинному учению) восстановит в мусульманской общине ее жизненные устои, сила которых возродит в нас выдержку и непоколебимость, уверенность в себе и волю, отвагу и веру. Так станет возможным установление справедливой власти для мира и процветания во всем мире.

Мы выстроим тогда внутри исламского мира предприятия по производству вооружения, так, чтобы мусульманам не приходилось ввозить его из вражеских стран, которые, без сомнения, наложат запрет на такого рода экспорт из страха, что это оружие будет использовано против них (с. 526).

Шейх Абдул-Хамид Аттия Ал-Дибани, ректор Исламского университета Ливии

Различные степени джихада

Джихад как уже говорилось, был провозглашен для того, чтобы отражать нападения и устранять препятствия, стоящие на пути распространения ислама в немусульманских странах (с. 61).

Завершение войны

Джихад не закончится никогда, ибо он будет длиться вплоть до Дня Воскресения. Но по отношению к группам людей война может завершиться. Она заканчивается, когда цели войны достигнуты, нападение агрессора отражено и с ним заключается соглашение, либо мирный договор, либо перемирие и т.д.; этот вопрос мы уже подробно рассмотрели в отдельной работе, написанной мною с Божьей помощью.

Джихад не ограничивается мобилизацией войск и созданием мощных вооруженных сил. Кроме регулярной армии, он принимает также различные Другие формы. Со всех земель ислама пусть соберется воедино группа людей, твердых в вере, снабженных средствами и хорошо обученных, и пусть они изводят захватчика, не давая ему покоя непрерывными нападениями, пока захваченная им земля, которую он надеялся видеть текущей молоком и медом, не превратится для него в место вечной муки.

Враги наши творят бесчинство на одной из мусульманских земель - давайте же и мы (в отмщение) сотрем их колонии с лица земли. Не будем отчаиваться, Господь нам поможет. Нет иного пути вернуть утраченную землю, кроме как жертвуя жизнью в борьбе. Принесем же эту жертву. Вот программа действий для всех неутомимых в борьбе, и пусть на поле чести мусульмане соревнуются друг с другом. "О, вы, которые уверовали! Если поможет Аллаху, поможет Он вам и укрепит ваши стопы". (Коран, 47:7)

Шейх Мухаммад Абу Зара, египетский член Академии исламских исследований.

Хомейни о правительственной политике, *джихаде* и о том, что почитается нечистым.

Исламская форма правления есть правление волей Божьей, и законы его никто не может ни заменить, ни изменить, ни оспорить.

Законодательная власть принадлежит одному лишь святому Пророку, и никто кроме него не может вводить законы; любой закон, исходящий не от него, должен быть отвергнут (с. 20).

Священная война (*Джихад*) означает захват немусульманских территорий. Она может быть объявлена после образования мусульманского правительства, достойного этого имени, и ведется под началом имама или по его приказу. Тогда долг каждого взрослого, физически пригодного человека - добровольно отдать все свои силы этой завоевательной войне, конечная цель которой есть владычество закона Корана по всей земле от края и до края. Мир, однако, должен пенять, что всемирное превосходство ислама существенно отличается от гегемонии других завоевателей. Для этого прежде всего следует установить исламскую форму правления, основанную на власти имама, чтобы он смог предпринять такое завоевание, которое будет отличаться от иных завоевательных войн несправедливого и тиранического характера, не знавших высоконравственных и цивилизованных принципов ислама (е. 22,23).

Нечистота неверных

Одиннадцать вещей являются нечистыми: моча, испражнения, сперма, кровь, кости, немусульманин (мужчина, так и женщина), вино, пиво, пот верблюда, питающегося отбросами (с. 59).

Все тело немусульманина нечисто, даже его волосы, его ногти и все выделения его тела (с. 62).

Ребенок, не достигший половой зрелости, чьи родители и родители родителей немусульмане, нечист: если же у него есть мусульманский предок, тогда он чист (с. 63).

Тело, слюна, выделения из носа и пот немусульманина, мужчины или женщины, принимающего ислам, автоматически становятся чистыми. Что до их одежды, то если она соприкасалась с потом их тела до обращения, она остается нечистой.

Нет строгого запрета мусульманину работать на возглавляемом мусульманином предприятии, где работают также евреи, если только продукция этого предприятия не идет каким-либо образом на

пользу Израиля. Но позорно (мусульманину) слушаться приказов начальника-еврея (с. 160).

Арафат о религиозном братстве и джихаде

Палестинская проблема занимает центральное место в справедливой борьбе, которую неутомимо ведут трудящиеся массы под игом империализма и притеснений. Я сознаю, что такая же возможность обратиться с речью к Генеральной Ассамблее, которая предоставлена мне, должна быть предоставлена всем иным освободительным движениям, борющимся против империализма и расизма (с. 183).

Еврейское вторжение в Палестину началось в 1881г. До прибытия первой крупной волны поселенцев Палестина насчитывала полмиллиона жителей, мусульман и христиан, и около 20000 евреев. Каждая группа населения пользовалась религиозной терпимостью, свойственной нашей цивилизации. Палестина была тогда зеленой страной, населенной арабским народом, который строил свою жизнь и развивал свою богатую национальную культуру (с.185).

Нашему народу невыносимо больше видеть распространение мифа о том, что его родина была якобы пустыней, пока труд чужеземных поселенцев не превратил ее в цветущий сад, что это была страна без народа и что община поселенцев не причинила никому ни малейшего зла. Нет, подобная ложь должна быть разоблачена с этой трибуны, человечество должно знать, что Палестина была колыбелью древнейших культур и цивилизации. Ее арабские обитатели обрабатывали землю и строили, распространяя культуру по всей стране на протяжении тысячелетий, показывая пример веротерпимости и свободы вероисповедания, ревностно охраняя святыни всех религий. В сокровищнице памяти моего народа и моей собственной, как сына Иерусалима, хранятся прекрасные воспоминания и живые картины религиозного братства, отличавшего наш Святой Город до того, как он пал жертвой катастрофы. Наш народ продолжал вести эту просвещенную политику, пока не было создано государство Израиль, и мы не оказались в рассеянии. Но и это не остановило наш народ в исполнении его гуманной роли на земле Палестины. Не допустит он также, чтобы их земля превратилась в стартовую площадку агрессии, в расистский лагерь сил, разрушающих цивилизацию, культуру, прогресс и мир. Наш парод может сберечь наследие предков лишь сопротивляясь захватчикам, беря на себя почетную обязанность защищать свою родину, свою арабскую национальную принадлежность, свою культуру и цивилизацию, и охраняя неприкосновенность колыбели монотеистических религий (с. 186).

В то время как мы во весь голос осуждали уничтожение евреев при нацистском режиме, сионистское руководство явно было гораздо больше заинтересовано в том, чтобы наилучшим образом использовать его для своей цели - иммиграции в Палестину

Мы делаем различие между сионизмом и иудаизмом. В то время как мы неуклонно противостояли колониалистскому сионистскому движению, мы питаем уважение к еврейской вере, ибо эта религия составляет часть нашего наследия! (с. 187).

Выдержки из речи Ясера Арафата на заседании Генеральной Ассамблеи ООП (Нью Йорк), 1 ноября 1974 года (см. также Международные документы) (Институт изучения Палестины, Бейрут, 1977)

Телеграмма:

Молю Аллаха, дабы Он направлял шаги ваши по стезе веры и священной войны в Иране и продолжение нашей борьбы, пока мы не достигнем стен Иерусалима, где поднимем знамена обеих наших революций. Франс-Суар (Париж)

Примечания

* Халиф - в ряде стран мусульманского Востока титул верховного правителя, объединявшего в своих руках духовную и светскую власть. (Прим. ред.)

* Сасаниды - династия иранских шахов (224-651). Государство Сасанидов завоевано арабами в 7-м веке. (Прим. ред.)

* Аббасиды - династия арабских халифов (750-1258). Происходит от Аббаса, дяди Мухаммада. (Прим. ред.)

* Самаритяне - палестинская этническая группа и религиозная секта, порвавшая в 6 в. до н.э. с иудаизмом. Самаритяне - потомки вавилонян, переселенных в 722 г. до н.э. и смешавшихся с местным населением. Сибеяне - потомки жителей Сабейского царства (8 в. до н.э. - 4 в. н.э.). находившегося в Южной Аравии. (Прим. ред.) Примечания

1. Указ, предположительно объявленный Мухаммадом по его прибытии в Медину и известный под названием "Конституция

Медины", включал как евреев, так и язычников-арабов в состав исламской общины, но эта идея оказалась неосуществимой.

2. Совершенство Корана, обязанность мусульман участвовать в *джихаде* и низкий общественный статус неверных - постоянные темы Корана и Сунны. Чтобы избежать повторений, по этим темам не делались дополнительные отсылки к Корану - Все цитаты из Корана взяты из 12. 3. Коран 4:82, 106, 135: 5:22; 6:144, 126; 11-17, 20;

* Мамелюки (араб. "невольники") - составлявшие гвардию династии Айюбишв. Их верхушка свергла египетскую ветвь Айюбидов и основала династию мамелюкских султанов, правившую в 1517 г. (Прим. ред.)

* "Альянс..." - Всемирный еврейский комитет - международная еврейская организация, созданная в Париже для оказания помощи евреям всего мира.

* Махпела - пещера древнего еврейского города Кирыят-Арба (Хеврона), и которой, согласно Библии, похоронены праотцы Авраам, Исаак и Иаков, а также их жены. (Прим. ред.)

* Шофар - бараний рог, в который трубили в библейский период для поиска, при объявлении наступления новолуния и т.д. И в новое время в синагогах трубят в *шофар* во время некоторых праздников. (Прим. ред.)

* Имам (араб.) - 1) светский и духовный руководитель мусульманской общины

2) руководитель богослужения в мечети. (Прим. ред.)

* Хафсиды - мусульманская династия, правившая в Тунисе в 1229-1574г. Названа по имени одного из основателей движения Альмохадон шейха Абу Хафса. Была низложена турками Османской империи

* Марониты - приверженцы особой христианской церкви. В Сирии, в Ливане, в Египте (Прим. ред.)

* Фетва - в мусульманских странах решение высшего религиозного авторитета (муфтия) о соответствии того или иного действия или явления Корану и *шариату*. (Прим. ред.)

* Реконкиста - отвоевание коренным населением Пиренейского п-ова в 8-15 вв. территорий. (Прим. ред.)

* Копты - название египтяноостатков коренного населения Египта, принявших христианство (монофиситы).

* Берберы - группа коренных народов Северной Африки. (Прим. ред.)

* Сельджукиды - султаны тюркской династии, правившие в ряде стран Ближнего и Среднего Востока - 14 в.

* Альморавиды - принятое в литературе название династии и государства в Северной Африке. Государство включало Марокко, западный Алжир, иранскую Испанию, Балеарские о-ва. (Прим. ред.)

* Фирман - указ шахов Ирана.

* Высокая Порта (Османская Порта) - принятое в европейских документов название правительства Османской империи.

* Дамасское дело (1840) в значительной мере явилось поворотным пунктом и процессе укрепления солидарности евреев всего мира. Эмансипированное западноевропейское еврейство выступило в защиту своих преследуемых братьев, благодаря чему положение евреев на Ближнем Востоке привлекло к себе международное внимание.

* Шииты, шиизм - одно из двух основных направлений в исламе (наряду с суннизмом). Шииты не признают суннитских халифов, считая законными преемниками Мухаммада династию 12 имамов - Алидов (Али и его прямых потомков от брака с дочерью Мухаммада Фатимой). (Прим. ред.)

* Каджары - тюркское племя в Сев. Иране, а также династия шахов Ирана. (Прим. ред.)

* Младотурки - европейское название членом турецкой националистической организации "Единение и прогресс", основанной в 1889 г. и возглавившей борьбу против феодального абсолютизма. В результате руководимой ими революции пришли к власти в 1908 г., но не разрешили многих, в т.ч. и национального, вопросов. После поражения Турции в Первой мировой войне организация младотурок самоликвидировалась (1918). (Прим. ред.)

* .. Эмансипация христиан (провоцировала восстание в Алеши) и 1Х50 году, когда греческий патриарх [Максимос](#) с триумфом и глупой помпой освятил объекты религиозного поклонения христиан. Уже раздраженные призывом на военную службу, некоторые мусульмане «котаковали христианские кварталы и, захватив контроль над городом, начали грабить и убивать. Они согласились на перемирие только на следующих условиях: колокола не должны звонить, и во время религиозных процессий использовать кресты. "Христиане не будут ездить на лошадях; они не будут больше носить феску; они снова будут носить прежние дискриминационные одежды; они больше не будут обладать рабами; и последнее - они вернутся в прежнее подчиненное состояние"...

* Максимос декларировал, что реформы установили равенство христиан и мусульман (Константинополь)

* Холмс (Босна-Серай) - (Лондон), N"21 (24 февраля 1871) См. также отчет Холмса о процветании коррупции и несправедливости в Османской империи.

* Интересные подробности колонизации мусульманами Кавказа и Европы, Сирии и Палестины. В 1863 году французский ученый обратил внимание на то, что предки 750 мусульман Эйн-Керем; под Иерусалимом считались в соответствии с местной традицией выходцами из Магриба.

* Дело Дрейфуса - сфабрикованное во Франции и 1894 г судебное дело по ложному обвинению офицера французского Генерального штаба еврея А. Дрейфуса в шпионаже и пользу Германии. Под давлением мирового общественного мнения Дрейфус в 1899 г. был помилован, а в 1900г. реабилитирован. (Прим. ред.)

* "*Канитуляции*" - ряд договоров, заключенных с западноевропейскими странами и с государствами Востока (Турцией, Японией, Китаем, Ираном и т.д.). (Прим. ред.)